

ВИКТОР СНЕЖЕН
ПАРИСА РИТТА

A night scene of a large, illuminated classical building with a person rowing in the foreground. The building has a prominent portico with columns and is lit up, with some windows glowing. The scene is reflected in a body of water. In the foreground, a person is rowing a boat, their silhouette and oars visible against the water. The sky is dark with some birds flying. The overall mood is serene and atmospheric.

ЗОЛОТАЯ
ДЕВА

Во время летнего фестиваля искусств на территории бывшей графской усадьбы происходит убийство.

Чеховская чайка, призванная олицетворять свободный творческий полёт, может стать символом тёмного мира, где жизнь не имеет цены.

Поймёт ли следователь Кречетов, к какому миру принадлежит каждый из персонажей? Сумеет ли он распутать цепочку странных взаимосвязей? А может быть, в этой цепочке замешан призрак графини, блуждающий по аллеям парка и охраняющий тайну старинного клада?

Виктор Снежен, Лариса Ритта

Золотая дева

Часть 1

Серые чайки

Ах, что может быть скучнее этой вот милой деревенской скуки!

А. П. Чехов. «Чайка»

Суматоха поднялась ещё с самого утра в пятницу, когда обнаружилось, что опять забарахлил Большой Экран, как торжественно называл Дольский громадный новомодный монитор, подаренный музею фондом культуры.

Половина служащих сбежалась в Белый зал, образовав вокруг монитора живописную группу, достойную кисти знаменитых художников. На подиуме царила представительная фигура самого директора, Дольского Ивана Степановича — в парадном светлом костюме, с прекрасными сединами, и полного благородного негодования. Вокруг, в позах, выражающих разные оттенки отчаяния, теснились верные вассалы.

— И не могут прислать достойную аппаратуру! — разносился по коридорам второго этажа хорошо поставленный баритон директора. — Третий раз за год ремонтируем, извольте радоваться! Как работать в такой обстановке?! Уникальный дворец! С историей! Позор! Да зовите его сюда! Этого... Тартарена вашего... Дарья Васильевна! Дашенька! Где она?

Группа сотрудников смешалась, во все стороны хлопотливо побежали люди.

— Сейчас художники наедут! — отчаивался с подиума Дольский, подкрепляя слова артистической жестикуляцией. — Первым делом слайды свои кинутся крутить. Завтра — почётные гости из Франции! Всё на мою седую голову! Дашенька! Да где же она?..

— Дарья Васильевна в галерее Нину Заречную репетирует, — раздался голос из дверей. — Уже побежали за ней.

— Пусть зовёт этого... Тугарина своего! Как там его... Тартарена этого немедленно пусть зовёт! Ох, съедят меня в Управлении, съедят со всей шкурой!..

Дольский стремительно вышел в центр зала, взмахивая сухими кистями рук.

— А в сентябре кинофестиваль! — раздалось внушительно уже из центра. — Пропадём, как есть... Дашенька! Дарья Васильевна!

Двери раскрылись — и прекрасная восемнадцатилетняя Дарья Васильевна, в широкой тунике с крыльями, пряменькая, как струнка, внеслась в зал с телефоном, прижатым к румяной щеке.

Дольский бросился навстречу.

— Дашенька! Где Тартарен-то наш распрекрасный!

— Таргариен!

Сощутив зелёные глазищи, Даша пошла на Дольского, тот попятился с умоляющим видом.

— Дед, — прошипела она тихо, но отчаянно — Ну, когда ты уже выучишь! Таргариен!

— Дашулик, — оглядываясь, тихо заговорил Дольский. — Ты ж понимаешь, мы без него, как без рук. Без Маргаринена этого... пожалей ты деда.

— Иван Степанович! — возле Дольского возникла величественного вида стройная дама в строгом белом воротничке. — Не волнуйтесь, идите к себе, мы тут справимся.

И, делая Даше страшные глаза, увела под ручку расстроенного директора.

Даша вздохнула, откинула назад тёмные буйные волосы, встала посреди зала, припала к телефону. Молчит телефон. Досадливо сделала два шага в сторону, потом два шага в другую сторону, потом к окнам — и тут её прекрасное лицо, наконец, разгладилось.

— Тарго! — гаркнула она так, что из кустов под окном порхнула в ужасе серенькая птичка. — Чеши быстрее! Опять, блин, монитор сдох! В двенадцать заезд, завтра открытие,

дед инфаркт схлопочет. Бегом дуй, я в галерее во втором!

И вышла из зала уверенной походкой хозяйки. Вышла и прищурилась на громадный плакат на стене. На плакате — фото утопающего в зелени старинного здания с колоннами.

«Дом-музей „Бобрищево“ приглашает на Чеховский фестиваль», — гласила богатая надпись по верхнему краю полотна.

Программа феста располагалась ниже.

Пятница — съезд гостей. Размещение, регистрация, пансион.

Прогулка по парку, экскурсия по дворцу.

Суббота — торжественное открытие (главная поляна).

Ужин на воздухе.

Театрализованное шествие (главная аллея).

Театр Чехова под открытым небом (берег пруда).

Концерт, танцы (летняя беседка).

Даша дочитала программу, известную ей до последней буковки, как основной составительнице, ничего предосудительного не нашла, подняла голову и сделала вдохновенное лицо.

И двинулась стройно по коридору к открытой галерее, поправляя свою летящую пелерину и сомнамбулически бормоча в такт шагам: Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы... молчаливые рыбы...

— Даша! Аделаиду не видела?

— Никого я не ви... — забормотала было в тон Даша, но очнулась. — Видела, она с дедом ушла. Нет, я так вообще никогда не настроюсь! Что ж такое!

— Всё, уйду...

— Люди, львы, орлы, — обречённо задекламовала Даша, прикрыв глаза, — рогатые олени... молчаливые рыбы, молчаливые рыбы... Так, это я знаю. На лугу уже не просыпаются с криком журавли... Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно...

— Дарья Васильевна! Даша!

— Холодно, холодно, холодно.... Страшно, стра...

— Даш! Ты тут? Тебя Костя везде ищет!

— О, господи! Мне дадут сегодня репетировать или нет! Чёрт!

— Убегаю! Просто Костя... А, вот он сам, всё, ушла...

— Дашка! Ты где? Ух ты-ы... Такая краси-ивая!..

— Тарго! Не приближайся. Стой там! Сейчас съёшь меня, а мне потом настраиваться!

— Да-ашка-а!.. Я соскучился...

— Ой, фу-у, не трогай... уйди! Не тр-рогай, говорю, всё помнёшь... ммм... Слушай, дед сейчас увидит!

— Не увидит, его понесли кефир пить... Там все пошли чай пить, очень нервная обстановка.

— Чай пить? Ну, тогда ладно, целуй, только быстро! Аккуратнее, я гладила-гладила... Блин, медведь! И катись уже! Слушай, ну ты можешь этот чёртов телевизор починить раз и навсегда!?

— Дашка! Не могу, я программист, а не китайский сборщик телевизоров.

— Тогда уходи! Ступай аппаратуру свою настраивать... Гос-с-споди... да что же это за жизнь! Так. Люди, львы, орлы, куропатки... рогатые пауки... так, рогатые пауки...

молчаливые гуси, обитавшие в воде, тьфу, рыбы, а не гуси... рыбы... морские звезды...

К десяти часам утра суета накалилась. Величественный трёхэтажный особняк, окружённый галереями, наполнился топотом обеспокоенных каблучков, музыкальными аккордами, всполохами нервного смеха.

По коридорам, заглушая вой шуруповёртов, неслись гитарные перезвоны и лирические девчоночьи голоса:

Всем нашим встречам
Разлуки, увы, суждены,
Тих и печален ручей у янтарной сосны.
Пеплом несмелым
Подёрнулись угли костра...

— А кто это у нас в Белом зале поёт? Что за девочки? Они в программе?

— Да, это из музыкальной школы, дуэт «Травень».

— А почему о разлуке поют? Мы репетируем закрытие или открытие? Где программа? Позовите Наталью Львовну!

Вот и окончилось всё,
Расставаться пора

Милая моя,
Солнышко лесное...

— Девочки, девочки! Вы это собираетесь завтра исполнять?

— Да, — девочки подняли от гитар светлые личики.

— Да вы что, у нас же открытие! Кто эту песню поставил? Это нельзя петь на открытии, это о разлуке.

— Но мы же готовились...

— Вот и хорошо, что готовились, споёте на закрытии.

— Значит, мы завтра не выступаем? Но как же так, мы готовились...

— Наташа! Иди, разберись! Эту песню нельзя на открытие!

— Девочки, я же вас вычеркнула! И вот сюда вписала, вам что, не передали?

— Н-нам ничего не сказали... Что теперь делать?

— Наталья Львовна, там школьники пришли из лагеря, проверьте у них выступление...

— Я не занимаюсь школьниками! Это не ко мне! Я и так с ног сбиваюсь, у меня заезд через два часа.

— Они сказали, к вам!

— Это не они сказали! Это опять охранник перепутал. Вы ещё Данилыча-садовника послушайте... Так, Катя, Мила! Берите гитары, сюда школа идёт. Пошли к пруду, там на скамейке всё обсудим, не плачьте...

— Аделаида Сергеевна, Наталья Львовна! Там из драмтеатра приехал курьер, костюмы привёз, я накладную подписала. Где у нас три сестры? Пусть идут примерять, а то некогда будет.

— Три сестры — это у нас артистки балета. Илья Евгеньич обещал. Ищите сестёр. Им с Дольским гостей на крыльце встречать!

— Ужас, ужас, Аделаида Сергеевна! Вместо трёх сестёр одна приехала, что делать будем?

— Илья Евгеньич! Это как понимать прикажешь? У нас на трёх сестёр костюмы, и вообще сценарий утверждён.

— Аделаидочка Сергеевничка, миленькая, ну что я мог сделать? Весь балетный состав в Бельгию улетел буквально вчера. Да бог с ними, ну одна сестра станцует... Я вам скажу — даже лучше, меньше стуку на помосте. А то, знаете, как пуанты-то по доскам громяют... музыки не слышно...

— При чём здесь пуанты? Три сестры с Дольским гостей выходят встречать! Ох, Илья Евгеньич, удружил так удружил... Так, Алёна, беги в парк, там девочки из музыкальной школы, дуэт. Зови их сюда! Они плакали, что им на открытии выступить не получится. Вот будут ещё две сестры. Берите платья у завхоза и идите примерять.

— Аделаида Сергеевна, а как же розы? У них же розы в руках...

— Мне вас учить, как розы в руках держать? Данилыч должен нарезать три букета. Сбегайте, напомните, к двенадцати чтобы как штык.

— А мужчинам тоже вручать?

— Да вы с ума сошли! Что им этими розами делать? Водку закусывать? Только женщинам...

В двенадцать часов дня Дольский, во всём блеске, в светлом костюме с белой ослепительной бабочкой, стоял на главном крыльце, вглядываясь в глубину аллеи. Оттуда, как по красной дорожке Голливуда, ожидалась гости фестиваля. По обе стороны от Дольского, в длинных платьях начала века, трепеща волнением и вуалями на шляпах, стояли три прекрасные девушки с букетами чайных роз в руках.

Особняк, как по волшебству, стих. В эркерах затолпились принаряженные сотрудники, не занятые в сценарии. С последним сигналом точного времени Костя Тагарин нажал волшебную кнопку, громадные концертные колонки и усилители ожили, и над парком понеслись чарующие звуки Шопена.

Два охранника в костюмах русских крестьян, в лаптях с онучами, дружно распахнули витиеватые створки ворот и торжественно встали по обе стороны.

Первой по аллее поплыла величественная дама под светлым зонтиком. Паренёк в костюме лакея смиренно шествовал рядом, везя её чемодан на колёсиках, а на плече придерживал большой этюдник. Дольский устремился вниз по ступенькам.

— Сашенька, милая, как я рад! Это к счастью!

— Что вы говорите?!

— Видеть вас — к счастью. Я же, грешным делом, загадывал по-стариковски: какого первого гостя завизжу — таков и денёк будет.

— Ну, и каков же будет денёк? — кокетливо улыбалась из-под шляпы Сашенька, известная в области акварелистка Александра Сергеевна Посадова.

— Ну, слава богу теперь, — делился Дольский облегчённо. — Я-то уж боялся, что

бандит этот, Хвастов, будет первым. Думаю, несдобровать нам тогда с Бобрищевыми-то, конец вовсе культурному очагу... А тут и вы, прелесть моя, ну, значит, бог даст, мирно всё пройдёт, удачливо...

— Ох, Иван Степанович, шутник вы, — лукаво качала шляпой Посадова. — Ну, когда это у вас неудачливо проходило что? Всегда всё у вас шармант... С таким-то коллективом... А теперь и Дашута помощница, когда только выросла. Рисует?

— Да, бог с вами, Сашенька! Не усадишь. Это она в десять лет к вам на студию бегала, а теперь у них тихие-то игры не в моде. Всё какие-то реконструкции, — нащёптывал Дольский, почтительно ведя свою даму на крыльцо. — По лесам бегают в кожаных штанах, а то и стрельбу затеют. Нам с вами этого не понять... Проходите, радость моя, мы за вами вашу комнатку любимую оставили окнами на пруд...

Одна из трёх сестёр, немного смущаясь, вручила Посадовой белую розу, две сестры, немного смущаясь, сделали книксен. Всё текло по плану. Сверху, из эркера, целились экранами телефоны.

А Дольский уже спешил навстречу новому гостю.

— Припозднились вы нынче, припозднились, мон шер...

— Даме место уступаю, Иван Степаныч, даме... моё почтение...

— Милости просим, милости просим...

Шопен рассыпался по аллеям и полянам, машины подкатывали к воротам, всё шло по плану.

К трём часам дня паника усилилась, а народу прибавилось. Гостей не успевали расселять, провожать в буфетную, собирать на экскурсии.

Дольский неустанно пожимал руки, целовал ручки и рассыпался в комплиментах.

В большом холле дворца гостей подхватывали распорядительницы в костюмах горничных позапрошлого века, отправляли на регистрацию. Завхоз с помощницей метались по территории парка со списками.

Списки ввали. Завхоз и кастелянша мчались, развевая белыми длинными фартуками, за помощью.

— Аделаида Сергеевна! Наталья Львовна!

— Вы что, девоньки, как полоумные?

— Не хватает уже мест!

— Селите на частный сектор, там только и ждут, когда народ платежеспособный явится. Французы приедут, их сюда, в мезонин, не перепутайте, не отправьте в гостевой дом.

— Да, в гостевом доме пятьдесят шесть уже, а там лишние понаехали...

— Это не лишние, это бронь.

— Нет, Аделаида Сергеевна, бронь на представителей. Область, Москва, «Молодой Коммунар», репортёры. Сам Караваев приехал! Нам что, прессу на частный сектор?

— На частный сектор — художников, они любят по огородам рисовать. И молодёжь. Кто там из молодых? Давайте списки ваши...

— Ещё четырнадцать человек на сайте зарегистрировались. Все солидные...

— Ах, солидные... Так, Жиганова Мария, 19 лет, литературная студия «Золотое перо»... Вы возраст смотрите, а не регалии, они вам напридумают солидностей до небес... Щербаков... 28 лет, союз художников, так... Романов Вениамин, 21 год, литературная студия... так, Асланбек... Что ещё за Асланбек такой? Где имя, фамилия, год рождения?

— Ой, это же блогер известный! У него на ютубе популярный канал...

— ФИО возьмите у этого Асланбека. Это он на ютубе популярный, а у нас просто гость.

В общем, девочки, всю молодёжь — к частникам.

— А там ещё с палатками приехали из Щёкинского района! У них ролевая игра историческая, и бумаги есть...

— Щёкинские пусть за воротами пока ждут. И всем на руки — Положение и инструкции. Чтобы все расписались!

— Они говорят, что на сайте соглашались с Положением.

— Никаких на сайте! Там неизвестно кто галочку рисует. Только личные подписи без разговоров. И не эти свои... никнеймы, а то не разберёмся до утра. Строго — у всех паспорта! У нас не социальная сеть, а дворец. Ценные музейные экспонаты. Не дай бог, пропадёт что или попортится. Так что всем регистрационный номер. Пройдите после обеда и у всех спросите номера.

— Ой, Аделаида Сергеевна, что вы... Это же люди искусства...

— Вот именно... Именно что люди искусства. Поэтому всех — строго по паспортам!

В субботу с утра под звуки фанфар в синее июньское небо над замком взвился флаг фестиваля — чеховская чайка, парящая над волной. День обещался быть прекрасным, вечер — тёплым. Все надеялись, что обойдётся без дождя, чтобы не сорвалось театральное представление.

Обедали наспех в ожидании праздничного застолья перед представлением.

Сразу после обеда поляна перед замком почти опустела: артисты собрались на генеральную репетицию, художники растворились в аллеях и рассеялись по берегу пруда — то там, то сям можно было завидеть широкополую шляпу над мольбертом или походным этюдником с неизменными двумя-тремя наблюдателями вокруг.

Для самых запоздавших была организована внеплановая экскурсия по дворцу и парку. Рабочие доколачивали последние гвозди в дощатую сцену с видом на пруд — на ней и планировалось главное действие.

Все ждали вечера.

Ближе к четырём часам, прямо к особняку, шурша колёсами по щебёнке, подкатило канареечное такси. Водитель остановил машину, вышел и открыл двери пассажирам.

С переднего сиденья поднялся, опираясь на трость, высокий худощавый человек в пёстрой рубашке и ослепительно белых брюках. Он повернулся к усадьбе, размашисто перекрестился и склонился так низко, что едва не коснулся ступеней аристократическим лбом. К нему подошла спутница — юная блондинка с красиво заплетённой косой, в летнем бирюзовом костюме и огромных тёмных очках. Таксист принялся выгружать багаж.

— Тётя Света, кто это такой занятный? — позвала смотрительницу горничная Алёна, наблюдавшая приезд пары из окна эркера. — Кланяется, как на причастии, а сам с малолеткой прикатил. Она же ему во внучки годится.

— Ах ты, господи, приехали! — засуетилась смотрительница. — Это ж Луи Кастор с внучкой! Аделаида-то с гостями, зови срочно Наталью Львовну! Сама-то причешишь! — крикнула она в спину убегающей. — Велено всем выходить встречать, это ж наследники!

Приехавшие уже вошли в вестибюль и с интересом разглядывали украшенный к фестивалю интерьер. Вещи, принесённые шофёром, были сложены на полу.

— Господин, Кастор, — с волнением бросились к гостям женщины. — Милости просим! С приездом! А мы вас к обеду ждали-ждали...

— Здагвствуйте, — старательно произнёс француз, прикладываясь дамам к ручкам.

— Мы задержались из-за самолёта, — пришла на помощь спутница, говорившая почти без акцента.

— Это Луиза, — представил её Кастор. — Ма, мой... *petite-fille*^[1].

— Милости просим, для вас готов номер в мезонине...

Поклажу Кастанов быстро разобрали по рукам. Длинный тубус, обшитый чёрной потёртой кожей, французский гость никому не доверил, понёс лично сам.

Пока все поднимались по широкой лестнице на второй этаж, Луи Кастор громко и восторженно восклицал, перемежая французские и русские слова:

— Корошо! Кгасиво! Très bien! Regarde, Louise, c'est la maison de tes ancêtres^[2].

— Вот ваши комнаты, — смотрительница протянула ключи новым жильцам. — С

балкона вид на аллею и графский парк. Вечером ужин в честь вашего приезда и открытие фестиваля. Располагайтесь, отдыхайте. Если что-то понадобится, в комнатах телефон.

Луиза перевела и, взяв ключи, принялась отпирать двери.

— Хорошенькая такая, — с удовольствием делилась впечатлением горничная Алёна, спускаясь с лестницы на первый этаж. — Совсем и на француженку не похожа.

— А ты француженок-то где видела? — засмеялась Наталья Львовна.

— А кто ж их не знает, — убеждённо сказала Алёна. — Чёрные да тощие.

— Да наши тоже сейчас все тощие, — не согласилась Наталья Львовна. — Но девочка симпатичная. И косу заплела, молодец — прямо как русская красавица. Что значит — корни.

— Наталья Львовна, а мне коса пойдёт? Может, мне тоже заплести?

— Ты, коса, давай, столы сервировать отправляйся. У нас ужин на носу.

К торжественному ужину, организованному на главной поляне, стекались с двух направлений: от гостевого домика и со стороны села, где на частном секторе проживала часть гостей. Илья Евгеньевич Громов, ответственное министерское лицо, руководил всем табором.

— Господа, господа, не расходитесь, всё начнётся вовремя, — раздавался его внушительный голос то в одной, то в другой стороне поляны. — За столы рассаживаемся согласно карточкам. Ближние столики — почётным гостям. А где Хвастов? Кто видел Хвастова? Не дай Бог, сорвёт мне всю программу открытия... А вот эту часть аллеи, будьте любезны, освободите! Здесь шествие пройдёт. А вы, господин Апашин, — нацелился он на пытавшегося затеряться в толпе человечка в цветном бухарском халате и тюбетейке, — задержитесь-ка на два слова. Вас, как известного живописца, попросили нарисовать чайку на голубом фоне.

— Так что же? — спросил живописец с вызовом. — Работа готова. Я закончил полотно ещё до обеда.

— Вот как?! Тогда объясните мне, Аркадий Андреевич, почему чайка чёрная? Это ворона какая-то, а не чайка.

— Я вижу пьесы Чехова, как глубокие противоречивые драмы, как предостережение всему человечеству, — вспылал живописец. — Чеховская чайка — это лермонтовский Демон, и крыла его должны быть черны!

— Вот что, господин Апашин, или вы вернёте чайке надлежащий цвет, или я напишу о ваших ночных похождениях в комитет по культуре.

Живописец затравленно оглянулся и, сорвав с головы тюбетейку, заговорил нервным шёпотом:

— Бес попутал, Илья Евгеньич. В картишки продулся подчистую антихристу этому, Хвастову. Пришлось гольшом по деревне... Вы уж того, не афишируйте... А чайку-то я мигом белилами перекрашу...

Чёрная чайка, красовавшаяся на одной из кулис сцены, уже вызывала нездоровый интерес художников, и Громов досадовал, что вовремя не поймал за руку авангардиста.

— Срочно перекрасить! — зловеще надвинулся он на Апашина, и тот молниеносно исчез.

В остальном всё было идеально. Лёгкий ветерок, белоснежные скатерти, блистающие приборы, прекрасные ландшафты...

Из особняка, опираясь на трость, вышел улыбающийся Луи Кастор с внучкой, и Громов устремился к нему.

— Господин Кастор, мадмуазель Луиза, прошу за почётный столик!

Громов взмахнул рукой — собравшиеся дружно зааплодировали французскому гостю.

— Могу ли я узнать, что это, мадмуазель? — с почтением спросил Громов, указывая на чёрный тубус в руках девушки.

— Это подарок музею от семьи Касторов.

— Oui, oui, — покивал Кастор, — это есть подарок.

Официантки с шампанским и закусками засуетились вокруг столов.

Громов отошёл к сцене, и оттуда тотчас зазвучал его голос, усиленный микрофоном:

— Господа и дамы, прошу к столу! Торжественный ужин прошу считать открытым!

Он сделал знак — и Костя Тагарин врубил на весь парк марш Мендельсона. В небо взвились воздушные шары. Гости шумно заспешили к столам — к рыбе под белым соусом, к таралеткам с икрой и сырным канапе.

Громов постучал пальцем по микрофону, призывая к тишине и заговорил с чувством:

— Друзья, сегодня на наш фестиваль приехали гости из далёкой, но такой близкой русскому сердцу Франции. Прошу познакомиться с господином Кастором и его внучкой Луизой. Луи Кастор и его внучка являются потомками тех самых Бобрицевых, в чьей усадьбе мы сегодня находимся.

Луи Кастор и Луиза поднялись и раскланялись.

— Дедушка хочет что-то сказать присутствующим здесь, — раздался юный звенящий голос девушки.

— Здгавствуйте, дгузья! — громко произнёс старший Кастор, глотая неподатливую букву «р». Дальнейшую речь он произносил на французском, и Луиза быстро переводила его:

— Сто лет назад наши предки уехали из России во Францию, но никогда не забывали о Родине. Во время немецкой оккупации русскую фамилию пришлось сменить на французскую. Кстати, Кастор, в переводе на русский, означает «Бобр».

За столиками одобрительно зашумели.

— Мы приехали в дом наших предков не с пустыми руками, — продолжил Луи Кастор, приподнимая над головой чёрный тубус. — Здесь находится картина, нарисованная Петром Алексеевичем, последним хозяином имения, незадолго до его ареста в 1919 году. Пусть эта реликвия останется здесь, в музее усадьбы.

Последние слова, переведённые Луизой, потонули в шквале аплодисментов.

— Друзья, как удивительно, что реликвия спустя сто лет снова вернулась на родину! — подхватил Громов. — Завтра же полотно будет вывешено в вестибюле особняка. Ура, господа!

Над лужайкой прокатилось дружное «ура». Захлопало шампанское.

— Господа! — снова раздался звонкий голос Луизы. — Дедушка хочет сказать тост.

Луи Кастор передал трость и тубус внучке и достал из кармана пиджака очечный футляр и записную книжку. Гости замерли. Кастор деловито надел очки, нашёл нужную страницу и торжественно, точно молитву, продекламировал:

— Руки зьябнут,
Ноги зьябнут.

Не пога ли нам дерьябнут?!

Несмотря на явную сезонную неуместность, тост вызвал бурное одобрение публики.

— Молодец! Вот, это по-нашему, Луи! — кричали из-за столов. — Сразу видна русская косточка! Наш человек!

Невесть откуда появившийся Хвастов, исполненный чувств, бросился обнимать француза и выпил с ним по-гусарски, залпом.

Вечер удался, несмотря на быстро истаявший запас шампанского и сухих вин. Ситуацию спасли сами же гости фестиваля. Опытные в делах художники и поэты имели с собой недельный резерв горячительного, и на столах оперативно замелькали водочные и коньячные этикетки. Каждый из тружеников пера и кисти счёл своим долгом выпить на «брудершафт» с французским гостем, и, спустя час, Луи Кастора, утомлённого гостеприимством, на руках, как павшего воина, отнесли в его покои.

Гостям было предложено располагаться поближе к сцене. Предварительно Громов самолично проверил скандальный символ феста: маэстро не подвёл, чайка была старательно замазана, хотя уже и проступала предательски поверх белил демоническая чернота.

— Чёрт бы подрал этих авангардистов, — выругался про себя Громов, но в целом остался доволен. Сцена, задником которой служил вид на пруд с заходящим солнцем, была необыкновенно живописна, и Громов справедливо посчитал, что красоты живой природы окажут отвлекающее воздействие на зрителей. Пора было открывать заключительную часть феста, и Костя уже делал знаки издалека, не пора ли включать полонез для театрализованного шествия.

— Пора! — махнул рукой Громов.

— Ой, Дашка! Как суперски было! Такая красотища!..

— Мэрил, ужас, я себя не помнила, у меня всё прямо вон из головы...

Перевозбуждённая после выступления, Даша Дольская нервно бежала по главной аллее вглубь парка. Верные Маша и Веня мчались по обе стороны с той же скоростью.

— Ты отлично читала! — уверяла Маша.

— Ой, нет! Я как ступила на помост — и конец, — отмахивалась Даша. — Только и думаю, как бы не сказать: «молчаливые гуси», господи... Прямо в полусне была...

— Дашка, ты могла бы и сказать про гусей, — вставил Веня, — никто бы не заметил.

— А вы снимали? — Даша обеспокоенно остановилась. — Всё успели заснять? Мне же видео нужно!

— Сняли, конечно. Там вообще все снимали, как заведённые. Так эффектно, солнце садится, а эта балерина на фоне заката... а потом она как будто в тебя превратилась... круто... А с этим привидением как круто было...

— С каким привидением?

— Ну, которое там у вас мелькало.

— А что-то мелькало? — насторожилась Даша. — Как это? Где?

— Так за прудом. Фигура в белом мелькала. Мы ещё подумали: как здорово придумали, так мистично... У Чехова там глаза дьявола, но я считаю, это грубо, — Маша поморщилась. — А вы отлично придумали...

— Да ничего мы не придумали! — Даша в отчаянии топнула ногой. — Я впервые слышу об этом!

— Да ты что? — Маша прижала руки к груди. — Я клянусь, там была фигура в белом. Мы так и подумали, что вы эту легенду обыграли, с привидением графини...

— Да не было никакого привидения! Я сценарий сама составляла! Ничего там не могло быть!

— Но ведь было! Бен, скажи! Ты что, не веришь? Сейчас увидишь, — Маша полезла в сумку.

В летних сумерках бесшумно вспыхнул и замерцал прямоугольничек экрана.

— Вот, пожалуйста, — раздался Машин голос. — Я ещё не сошла с ума.

— Действительно! — Даша остолбенело подняла глаза. — Бен, а у тебя?

Веня пожал плечами и полез в карман. Трое молодых людей несколько секунд стояли, сдвинув головы над телефонами.

— У тебя вообще всё смазано, — вынесла Даша вердикт. — Даже непонятно, мужчина или женщина. Надо ещё у кого-то спросить! Бежим!

Троица сорвались с места и помчалась обратно к главной поляне.

— А у кого ты будешь спрашивать? Все, как приклеенные, смотрят «Вишнёвый сад».

— Да я и сама хотела, дед так круто Гаева играет! Но надо же выяснить! Я же теперь не усну... Вы с какой стороны снимали?

— Ээ... мы справа стояли.

— А слева кто был?

— А слева... француженка эта... как её, Марсельеза. Тоже снимала, она ближе всех сидела.

— Луиза, а не Марсельеза! Вот! Надо её позвать!

Топоча, троица ворвалась на главную поляну и притормозила. Здесь царил сказочный мир драматического искусства. Прекрасный вид с мерцающей гладью пруда был почти погружен в темноту. На ярко освещённой сцене Дольский, во фраке, упругим молодцеватым шагом прохаживался, театрально жестикулировал:

— Неделю назад я выдвинул нижний ящик, гляжу, а там выжжены цифры. Шкаф сделан ровно сто лет тому назад, — разносился по поляне его хорошо поставленный баритон. — Каково? Можно было бы юбилей отпраздновать Предмет неодушевленный, а все-таки как-никак книжный шкаф...

— Луиза! Луиза! — послышалось неподалеку ожесточённое шипение.

Светловолосая девушка из первого ряда неуверенно повернулась на зов. Три пары рук зазывно махали ей из кустов живой изгороди.

Девушка осторожно огляделась, подобрала сумочку и аккуратно выбралась из рядов.

— Можешь нам помочь? — без предисловий начала Даша, увлекая гостью в тень. — Скажи, ты моё выступление снимала?

Луиза обрадованно закивала.

— Меня Даша зовут, а это Мэрил и Бен, — ткнула Даша в друзей пальцем. — Можешь показать запись?

Луиза опять с готовностью кивнула.

В записи Луизы привидение было ещё более расплывчатым, но в том, что оно, действительно, было, не оставалось никаких сомнений.

— Я думала, это спектакль, — улыбнулась Луиза. — Это было так... таинственно...

— В том-то и дело, что нет! Пошли подальше, сейчас расскажем...

Молодёжь, теперь уже вчетвером, дружно помчалась прочь от сцены. Вслед им несло:

— О, сад мой! После темной ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя...

— В двух словах, так, — начала Маша, когда молодые люди уединились на скамеечке перед замком. — Здешняя графиня влюбилась в садовника. Соединиться им не удалось, и она утопилась в пруду.

— Вот в этом пруду, — уточнила Даша, мотнув волосами в сторону сцены.

— И вот в этого садовника? — спросила Луиза зачарованно. — Который... тут ходит?..

— Да нет, это Данилыч, — отмахнулась Даша. — Ну, в своего садовника, того... восемнадцатого века, — она мотнула волосами в другую сторону. — Вот. И с тех пор по легенде графиня выходит из пруда. Ну, и таскается тут. Но я здесь, в этом месте, выросла! — горячо запротестовала она. — Никаких графинь тут не было никогда! Враки это всё!

— Не всем дано видеть тонкие миры, — значительно заметила Маша.

— Мэрил, прекрати! Не слушай её, — Даша взяла Луизу за руку. — Короче, это кто-то дурит. Надо их поймать и в крапиву носом натывать. Дедушка за порядок и дисциплину бьётся-бьётся, а эти... Хочешь с нами расследовать этих придурков?

По загоревшимся глазам гостьи из Франции было видно, что придурков она готова расследовать хоть сейчас.

Завтрак был поздним и разительно отличался от праздничного ужина. Желających съесть что-то питательное было немного. Официантки подносили молчаливым, измученным похмельем гостям кофе и минералку. Музыка не включали по настоятельной просьбе

завтракающих, а в деревню после короткого совещания отправили делегацию за самогоном.

Вышел к завтраку и Кастор с внучкой. Он вежливо поздоровался с публикой и заказал кофе. Был он бледен, и оба были явно чем-то встревожены. Всевидящий Громов, соорудив на лице сострадательную улыбку, поспешил к французам.

— Как ваше самочувствие, дорогой друг? — спросил он, подсаживаясь и кланяясь Луизе.

— Плохо, — по-русски сказал Кастор, закрывая ладонями бледный лоб. — *J'ai failli mourir hier soir. Vodka et champagne — C'est terrible!*^[3]

— Дедушка говорит, — явно смущаясь, перевела Луиза, — что, ночью он едва не умер. Водка и шампанское — это ужасно!

Громов сочувственно покивал.

— У нас это называют «Северное сияние», — объяснил он.

— «Севегное сияние», — повторил Кастор, качая головой. — *Il faut se souvenir*^[4].

— И ещё, господин Громов, — проговорила Луиза с беспокойством. — Ночью нас обокрали.

— Обокрали?! — Громов похолодел. — Что-нибудь ценное? Деньги? Документы?

— Нет, нет, — поспешила заверить Луиза. — Всё цело, но... Видите ли, кроме картины, мы привезли для музея несколько личных вещей графа Петра Бобрищева, в том числе, письма. И вот они пропали, — Луиза удручённо взглянула на деда.

Луи Кастор, видимо, понял о чём речь. Он заговорил сам, делая паузы, чтобы Луиза успела перевести:

— Ночью в мой номер кто-то проник с балкона. Я видел лишь тень в лунном свете, когда этот человек выходил из комнаты. Я был... болен и принял это за сон. Но утром оказалось, что кто-то рылся в моих вещах. И теперь пропали письма.

— Кому понадобились старые письма? — нахмурился Громов.

— Среди этих писем было одно, — продолжил Кастор, — где упоминается о кладе. Видимо, оно и заинтересовало похитителя.

— О кладе?! — изумился Громов.

— Да, о кладе. Перед арестом в 1919 году Пётр Бобрищев успел спрятать сокровища семьи в тайном месте, — пояснил француз. — В письме брату Павлу он сообщает об этом и к письму прилагает список сокровищ.

— Вот как?! — вновь поражаясь, воскликнул Громов. — Как жаль, что письмо потеряно. Какой был бы экспонат для музея... Здесь об этом кладе легенды ходят.

— Нет-нет! Это, не легенда! — запротестовал Кастор. — Клад, действительно, существует. Он спрятан в графском пруду. Место знали только Пётр и Павел Бобрищевы. Об этом написано в письме. Сын Павла Андрей, белый офицер, бежал во Францию после революции. Письмо, картину и некоторые вещи отца он привёз с собой. Андрей — мой предок, — пояснил Кастор. — Его сын, Пьер, начинает род Касторов во Франции.

— Очень, очень интересно, — задумчиво забарабанил пальцами по столу Громов. — И велико ли сокровище?

— Наверное, велико, — перевела Луиза. — Копия письма сохранилась, и при желании можно посмотреть описание клада.

— Есть, есть такое желание, — заверил Громов. — Копия при вас, господин Кастор?

— Увы, нет, — развёл руками француз. — Я не предполагал, что подлинник может быть похищен. Впрочем, я могу позвонить в Париж и попросить жену выслать копию.

— Да, да, непременно, — горячо настоял Громов. — Вы не представляете, какая это сенсация. Кстати, будем ли мы извещать полицию?

Кастор неуверенно переглянулся с внучкой:

— Кроме писем, у нас ничего не пропало...

— Тогда, пожалуй, нет, — Громов понизил голос. — Приедут, поднимут шум. А у нас фестиваль. Газетчики пронюхают, такое поднимется... Давайте, дорогой Луи, оставим пока происшествие в тайне. Кстати, не пытались ли украсть и картину?

— Картина цела, — заверил Кастор. — Её вчера забрал господин Дольский, директор музея.

— Ну, что же, Иван Степанович, человек исключительной надёжности, — успокоено вздохнул Громов. — Надеюсь, мы вскоре увидим эту реликвию.

Караулить привидение сговорились втроём: кавалеров от ночного дозора безжалостно отстранили. «Никакой пользы от них, — объявила Даша со знанием дела, — только ржать будут.»

Она выпросила у кастелянши три солдатских плаща — наврала, что для репетиции: мало ли, вдруг дождь пойдёт. Опять же, плащи непременно устрашат своим видом ненавистных мистификаторов. Общими силами собрали ещё пакет яблок, конфет и тульских пряников, справедливо полагая, что графиня может появиться и под утро. Не сидеть же голодными. Всё это тщательно спрятали в дупло громадного дуба.

Встречу назначили в полночь — как положено во всяких приличных сюжетах.

Со всеми предосторожностями, по отдельности, добрались до заветного дуба, разобрали плащи.

Плащи оказались большими и неуклюжими. Девушки еле управились, помогая друг другу с застёжками и жёсткими капюшонами. Яблоки и пряники распределили по карманам. Вскоре на дорожке возле старого дуба стояли три сгорбленных фигуры, напоминающие монахов-изгнанников.

— Где будем ждать? — шёпотом спросила Маша, подбирая волочившиеся по земле полы.

— У Поцелуева камня, где же ещё, — рассудительно сказала Даша. — По легенде, графиня там каждую ночь встречалась со своим садовником, — объяснила она Луизе. — Напротив камня и в пруд бросилась.

Маша поёжилась, а Луиза и бровью не повела. «Молодец девчонка, в разведку можно брать», — решила про себя Даша и скомандовала подругам двигаться.

По тропе шли гуськом, подсвечивая дорогу телефонами. Поначалу было даже весело: со стороны особняка слышалась музыка и отдалённый смех. Постепенно звуки цивилизации затихли, обжитый человеческий мир остался позади. Воздух слоями, то тёплыми, то прохладными накрывал путешественниц. За прудом, в роще, кричала ночная птица.

Поцелуев камень показался из темноты плоской приземистой громадой.

— Пришли, — сообщила Даша. — Девчонки, отключаем телефоны.

Через секунду девушек обступила плотная, вязкая темнота. От пруда пахло сыростью. В кронах деревьев шелестел ветер.

— Если она появится, — спросила Маша дрожащим голосом. — Что нам делать?

— Сначала сфотать, — распорядилась Даша. — Для доказательства. Только, без вспышки. Это её разозлить может.

— Разозлить? — переспросила Луиза с интересом. — И что тогда будет?

— Утащит с собой под воду, — безмятежно ответила Даша и прыснула. — Девчонки, хватит трястись. Это кто-то разыгрывает. Фотаем и потом кидаемся втроём. Поваливаем и связываем.

— Поваливаем? — поёжилась Маша. — Мы так не договаривались...

— Это я по дороге придумала. И верёвку бельевую взяла, — поделилась новыми планами Даша. — А хорошо бы наручники, — мечтательно добавила она.

В этот момент со стороны пруда раздался всплеск. Девушки замерли. Всплеск повторился.

— Это она! — нервно шепнула Маша, отступая назад.

— Тише! — шикнула на неё Даша. — Привидения по воде не шлёпают.

— Я боюсь, — пролепетала Маша. — Кто знает, шлёпают они или нет?

— Прячемся! — Даша толкнула подруг к камню и укрылась сама.

Девушки замерли. Вновь со стороны пруда донёлся всплеск. Только теперь это был уже не хлопок по воде. Это был всплеск чего-то большого, упавшего в воду.

— Может, рыба? — предположила Луиза.

— Тогда уж дельфин, — отозвалась Маша. — Здоровое что-то.

— Нет, не рыба, — задумчиво промолвила Даша. — В пруду караси да карпы. Нет, это что-то другое. И я, кажется, знаю... Сидите, я пошла, — она встала из-за камня.

— Ты куда? — отчаянно труся, громко зашептала Маша. — Стой! А мы как же?

— А вы ждите. Надо, чтобы кто-то один, а то спугнём всей оравой.

— А тебе не страшно?

— Ещё чего? — возмущённо прошипела Даша. — Я тут выросла. Нет тут никаких привидений! Это кто-то настоящий. А вот кто именно?

Прячась за стволами деревьев, Даша подбиралась всё ближе и ближе к берегу. Несмотря на отважное настроение, сердце её стучало так громко, что ей казалось: его слышно за сто шагов. Некстати заморосил дождь. Разведка осложнилась: теперь придётся ещё и под ноги вглядываться, чтобы не поскользнуться.

Вот и берег. И снова донёлся всплеск и стальной лязг. Нет, это точно не рыба. Это кто-то нырял в пруду! И, видимо, нырял с лодки: слышались удары волн о борт и шорох уключин.

Даша замерла, опустилась на колени у самого берега. Ей показалось, что она видит слабый свет под водой и чёрную мелькнувшую тень. Через минуту снова раздался всплеск, шум выдыхаемого воздуха. Мелькнул и погас луч фонаря. Теперь слышались голоса. Двое о чём-то говорили, кажется, спорили.

Не вставая с колен, Даша отползла от берега и, прячась за деревья, бросилась к перепуганным подругам.

— Дашка, чего там? — спросила обеспокоенная Маша, выглядывая из-за каменной глыбы.

— Двое. На лодке. Один ныряет, — скупно доложила Даша.

— Ныряет? Ночью?! — шёпотом воскликнула Маша, выбираясь из-за камня. — Может, художники? У них после самогонки совсем крышу сносит. Узнала кого-нибудь?

— Не-а, — покачала головой Даша. — Темно. Да ещё дождь начался... Это наверняка браконьеры. Может, мальчишки, дачники... Только странно, почему у берега.

— Поэтому и у берега, — сказала Маша. — Потому что мальчишки, дураки. Что делать будем?

— Я считаю, их надо отловить, — решительно сказала Даша.

— Но мы же графиню ловим, а не браконьеров, — возразила Маша.

— По-моему, в дождь она не придёт, — сказала Луиза рассудительно. — Зато мы промокнем.

— Верно, верно, — поддержала Маша. — Спугнули её эти ныряльщики. Пойдёмте лучше домой. Тем более, что конфеты мы все съели. На нервной почве.

Даша вздохнула, понимая, что ночной дозор потерпел фиаско. Конечно, ни одно уважающее себя приведение не выйдет погулять в такой обстановке. Но и уходить вот так,

поджав хвост, совсем не хотелось.

— Может быть, ещё минуточек десять подождём? — спросила она подруг, понимая, что те уже настроены на капитуляцию.

Ответить ни Луиза, ни Маша не успели. Неподалеку мелькнул отчётливый силуэт в белом и исчез за деревьями. Его успели увидеть все три девушки. Как по команде, они с визгом бросились от камня обратно, путаясь в своих длинных плащах и то и дело падая на скользкую траву.

Всей троице каким-то чудом удалось преодолеть тропу и потом парк без членовредительства. Остановились беглянки только на поляне перед дворцом, где было светло от гирлянд и фонарей центральной аллеи. Мокрые скамейки блестели. Вокруг не было ни души. Лишь фасад гостевого дома сиял во все окна, и оттуда неслись смех и музыка.

— Кто-нибудь успел её снять? — спросила Даша, едва отдышавшись. Её руки предательски и мелко дрожали.

Подруги виновато покачали головами. Вид у них был растерзанный и убитый.

— Я до смерти испугалась, — выпалила Маша с растерянной нервной улыбкой. — Как увидела её, ноги сами и понесли. Какие там фотографии...

Даша только вздохнула. Затея с привидением закончилась полным и безоговорочным фиаско. А хуже всего было то, что и сама она оказалась обычной заурядной трусихой.

— Расходимся, — устало бросила она. — Утром на репетиции встретимся. И давайте разузнаем, у кого сможем, что там остальные думают о привидении.

— Я у дедушки спрошу, — пообещала Луиза.

— А я вот у дедушки не спрошу, — вздохнула Даша. — Его точно инфаркт хватит. Но я что-нибудь обязательно придумаю.

Картина, привезённая из Парижа, которую, как и было обещено, выставили в вестибюле особняка, интерес вызвала нешуточный. Художники весь день толпились возле полотна, подробно обсуждая композицию и идейный замысел автора. Больше всех негодовал Апашин:

— Вы только посмотрите, господа, на этот выхолощенный реализм! — кипятился он. — Эти чахлые берёзы! Этот застывший в неподвижности пруд! А тени, господа! Вы хоть раз видели такие тени? Это рука беспросветного дилетанта!

— А мне нравится этот наивный примитивизм, эта бескомпромиссная новизна, — гудел всегдашний оппонент Апашина, станковист Гордей Карамазов. — Здесь есть подкупающая простота красок, скупость композиции и вместе с тем — непостижимая тайна замысла.

— Тайна замысла?! — возмущённо кричал Апашин. — Тайна замысла! Таким бездарям как ты, Гордей, везде чудится тайна замысла!

— Да уж замысла здесь побольше, чем в твоей серой чайке, — парировал соперника Карамазов.

Это был удар ниже пояса. Закрашенная белилами чайка, превратившись из чёрного демона в серую ворону, уже была предметом насмешек и издёвок на фестивале. Апашин сорвал с головы цветастую тюбетейку и метнул её в лицо обидчику.

— Дуэль, — проревел он, обращаясь больше к окружавшим, нежели к обидчику.

Карамазов бросился было на тщедушного Апашина, чтобы схватить нахала за грудки, но на его плечах уже грузно повис поэт Хвастов, и посконный мордобой был пресечён в зародыше.

— Выбор оружия за вами, сударь! — воскликнул Апашин, с достоинством подбирая смятую тюбетейку. — Жду вас с вашими секундантами на берегу.

За неимением шпаг и дуэльных пистолетов, драться сговорились на городошных битах. Весть о дуэли пронеслась молнией, и к берегу пруда заспешила возбуждённая публика.

Секундантов набралось с обеих сторон не меньше десятка. Роль врача, необходимого по дуэльному кодексу, выпросила себе поэтесса Кутеева, дама утончённая и экзальтированная. Её торжественно вооружили автомобильной аптечкой. Кутеева громогласно объявила, что этой же ночью трижды отдастся победителю.

Драма раскручивалась нешуточная, на зависть самому Чехову, да и всем русским драматургам, не раз упомянутым в торжественных речах.

Даша, действительно, придумала «что-нибудь» — и придумала гениально просто: обошла всех, кто присутствовал на открытии, и попросила скопировать запись своего выступления. Ну, потому что это «очень-очень нужно для портфолио, для спецкурса в Университете, вы знаете, я же здесь практику прохожу, да, конечно, мои друзья снимали, но только с одной точки, а вы сидели совсем в другом месте, и не могли вы поделиться своей записью, я так вам буду благодарна...» Прекрасной девушке, которая покорила всех своим выступлением, отказать, конечно, никто не мог. Так что уже после завтрака у Даши было шестнадцать видео от разных гостей, включая и «самого Караваева». Одновременно со скромной просьбой Даша хитро всех тестировала на привидение. Другими словами, просто выведывала, заметили они его или нет, а если заметили — что подумали.

В результате Дашиного гениального предприятия о привидении на фестивале не

говорил только ленивый.

Обрабатывать результаты собрались к Костику, который великодушно предоставил свои хоромы в полное распоряжение заговорщикам. Сам он в это время находился при исполнении: озвучивал литературную викторину, устроенную для летних лагерей. Даша участвовала в ней сама, так что прибежала на сходку в длинном розовом платье с зелёным поясом — как положено в чеховской пьесе.

— В общем, половина опрошенных, — скороговоркой отчитывалась она, — решили, как Мэрил: что привидение положено по сценарию. Одна четвёртая подумали, как я — что кто-то балуется, а другая четвёртая вообще никакого привидения не видела. А вот эти двое видели, но подумали, что у них пьяные галлюцинации.

— А как же они тогда снимали? — удивился Веня, всматриваясь в экран. — Такое качество классное...

— Ну, так профессионалы...

Даша сбегала выступить и снова прибежала — уже в костюме Нины Заречной — на второй выход.

— Я считаю, надо разбираться дальше, — решительно командовала она. — Луиза, пойдёшь опять с нами?

Луиза кивала. Она уже предвкушала, что расскажет вечером французским друзьям, как в далёкой России ловит по ночам привидение вместе с отважными русскими девушками.

Когда всё было готово к дуэли и зрители заняли места, по закону жанра заморосил дождь.

— Гордюша, Аркаша, хватит дурить, — вяло уговаривал приятелей Хвастов, хрустя яблоком. — Пошли лучше бахнем по сантиметрику.

— Никогда! — театрально восклицал Апашин. — Пусть эта бездарь кровью ответит за оскорбление.

— Бездарь?! — грозно вопрошал Карамазов. — К барьеру сударь, к барьеру!

Противники разошлись, держа в руках городошные биты на манер шпага. Апашин смахнул с себя бухарский халат и по его голому тощему телу заскользили струйки дождя.

Кутеева громко вздохнула, увидев напряжённое мужское тело. Первым выпад сделал Апашин, целя в грудь обидчика, но Карамазов с неожиданной проворностью отскочил в сторону. Он был выше Апашина, шире в плечах и казался грузным и неповоротливым. Однако, раззадоренный боем, двигался стремительно, и в своём чёрном балахоне был похож на прыгающего над стернёй грача.

Публика, поглощённая схваткой, казалось, не замечала расходящегося дождя.

— Прекратите! — раздался рассерженный голос Громова — и все разом обернулись.

Именно в этот момент бита Карамазова шлёпнула Апашина по макушке. Тюбетейка смягчила удар, но по виску и щеке Апашина засочила кровь.

— Убили! — вскрикнула Кутеева, бросаясь к раненому.

Апашин выронил биту и медленно повалился на траву. Растерянный Карамазов шагнул к нему и пал на колени.

— Аркаша, — пробасил он. — Прости, друг, я ведь легонько. Не думал, что до крови, прости!

— Ты не меня убил, Гордей, — простонал Апашин, — ты живопись русскую погубил...

После этих слов Апашин обмяк и впал в забытьё.

Растолкав зевак, Громов пробился к раненому и, увидев бездыханного Апашина, бухнулся рядом с ним на колени в мокрую траву и принялся щупать пульс.

— Живой, — крикнул он в толпу. — Несите его в номер. Я вызову скорую.

Фельдшер констатировал у раненого лёгкое сотрясение, неделикатно зашил ссадину на макушке и, прописав покой и горячий чай, и, сам напившись горячего чаю с сокрушённым Громовым, укатил восвояси.

— Это чёрт знает что! — тихо бушевал Дольский в своём кабинете. — Распустили вы их, голубчик! То голые по деревне бегают, то самогонку хлещут до полусмерти. Теперь вот, дуэль!

— Иван Степанович, трудный контингент, — сокрушённо вздыхал ответственный представитель. — Сами ж понимаете, творческая интеллигенция. Глаз да глаз...

— Вот, вот! — подхватил Дольский. — Ладно бы, у себя в городе куролесили. А здесь музей. Кто, я вас спрашиваю, за ущерб ответит? На открытии бюст Чайковского портвейном изгадили, за русскую классику, понимаете ли, пили, — загибал директор узловатые пальцы. — Пробкой от шампанского люстру расколотили. Хвастов этот ваш отчебучил...

— Хвастов? — сделал удивлённое лицо Громов. — Известный поэт, член союза...

— То-то, что «член», — перебил Дольский. — Вчера, во время концерта, этот ваш член заманил в подсобку Аделаиду Сергеевну, наговорил всякого, приставал, склонял к непотребствам. Насилу её потом валерьянкой отходили.

Громов виновато развёл руками. Он ни слова не сказал Дольскому о ночной краже и теперь радовался своей сдержанности. Чего доброго, узнай милейший Иван Степанович, что кто-то обнёс французского гостя, не избежать бы и сердечного приступа. А так, пошумит старик, да и охолонет. Неделю надо было, хоть режь, продержаться без визитов полиции и ненужных жертв.

В ночь с понедельника на вторник в парке опять видели привидение. Столкнулся с ним нос к носу драматург Шелапутников, шедший из села с контрабандной бутылкой местного самогона. По пути драматург пару раз утолил жажду бобрищенским первачом, и увиденное на парковой дорожке было воспринято им, как оптический эффект, вызванный избытком сивушных масел.

Однако слух о мистической встрече быстро разнёсся по имению, и с утра вокруг драматурга бурлила аудитория.

— Не передать, друзья мои, какой ужас я испытал! — с трагическим пафосом снова и снова повторял свой рассказ Шелапутников, сдабривая его всякий раз новыми подробностями. — Парк словно бы озарился мёртвым фосфорическим светом. Самого меня обдало жутким могильным холодом. И тут появилось оно. Нет, нет! — сам себе горячо возразил драматург. — Это была она. Конечно же — она! Женщина в белом!

Шелапутников сделал эффектную паузу и продолжил, понизив голос до зловещего шёпота:

— Женщина рассмеялась и протянула руки. Я хотел бежать и не мог. Ноги не слушались меня...

— Ещё бы! — глумливо подхватил Хвастов. — Ты вчера, Игорёк не меньше литра на грудь принял. Как ты вообще-то до дома дошёл?

На Хвастова возмущённо зашикали, драматург дождался полного посрамления обидчика, прочистил горло и продолжил зловеще:

— Она прошла сквозь меня и опалила таким холодом, что сердце моё остановилось. — Рассказчик приложил руку к сердцу и очень талантливо показал, как оно остановилось. — Когда я очнулся, её уже не было, — закончил он. — Лишь дорожка, по которой она прошла, искрилась инеем.

Шелапутников повёл рукой в сторону пруда, и слушатели послушно повернули головы, но никакой дорожки, покрытой инеем, не увидели.

— Куда ж она делась? — спросил кто-то с почти религиозным испугом.

— Растаяла, — убеждённо ответил драматург, доставая платок и вытирая лоб. — Как сон, как утренний туман.

— Да что же это такое! — раздался в обескураженной тишине голос Посадовой. — Как дети малые, ей-богу... У меня на студии ученики этим сказкам уж не верят. А тут взрослые люди уши развесили...

— Да кто-нибудь может, наконец, внятно рассказать! — вмешалась Татьяна Яковлевна Гордеева, директор художественного музея. — Я только и слышу эти два дня, что о привидении. О Чехове уже и речи не идут, одно привидение у всех на уме. С какого перепугу-то оно сюда затесалось в такую кучу народа, не пойму...

— Мэрил, выручай, — тревожно зашептала Даша на ухо подруги. — Сейчас все дознаются, что от меня пошло, тогда всё, деда инфаркт хватит, ещё и практику не подпишет. Скажет, ерундой всякой занимаюсь...

— Это тебе-то не подпишет, — зашипела в ответ Маша. — Вот тебе-то как раз не о чем беспокоиться...

— Всё равно, выручай! — засверкала глазами Даша. — Меня вообще не должно быть в

этой истории! А ты хорошо умеешь декламировать. Давай!

Она выпихнула подругу в первые ряды и встала за её спиной, чтобы та не сбежала. Маша поправила волосы.

— Это же не просто привидение, это дух графини, — значительно и медленно произнесла она, грамотно собирая внимание на себя. — У этого замка есть старинное предание. Оно хранится так же бережно, как письма ушедших людей...

— Ах, предание, ну, это другое дело, — отозвалась Татьяна Яковлевна. — Саша, Саша! — позвала она Посадову, — Иди сюда, мы сейчас всё узнаем. Рассказывайте, деточка, — кивнула она, усаживаясь.

— Это случилось много лет назад... — проникновенно начала Маша.

Слушатели притихли. Подошла Посадова со своим зонтиком, тоже села слушать. Легендой заинтересовались и поэты, пораскрывали блокноты. Наступил Машин звёздный час. Где-то в закоулках её сознания уже мелькали обрывки будущей поэмы, поэтому она принялась за повествование особенно вдохновенно.

— Молодая графиня приехала из Петербурга, — поведывала она, то прижимая руки к груди, то простирая их вдаль. — Увидела местного юношу-садовника. Стояло лето, цвели розы. Ночи были теплы...

Кто-то из музыкантов подсел поближе, подыграл на гитаре, вышла мелодекламация. От Шелопутникова народ повалил к Маше. Пришёл с видеокамерой известный блогер Асланбек, оказавшийся в реале невысоким, худеньким пареньком. Маша зарумянилась, выпрямила спину, голос её зазвенел.

— Но связь молодых людей была недолгой. Не имея возможности соединиться с возлюбленным, юная графиня бросилась в пруд. И теперь, когда кто-то нарушает её покой, она выходит из пруда и гуляет по парку. А камень, у которого происходили встречи влюблённой пары, зовётся с того времени Поцелуевым.

— Живописный вид, — с удовольствием вздохнула Посадова. — Я там кучу набросков сделала, могу показать. Надо привезти сюда своих ребят, пусть рисуют.

— Говорят, что, когда графиня выходит из пруда, случаются страшные вещи, — некстати добавила Маша.

— Боже, как романтично! — качала головой Татьяна Яковлевна. — Броситься в пучину ради любви! Да, так могли только женщины прошлых веков, когда чувства ценились выше жизни...

— Да вот ещё! Топиться из-за мужиков! — непреклонно возразила Кутеева. — Все они кобели и импотенты. Хоть в прошлом веке, хоть в нашем!

Противоречивое обвинение в адрес мужчин вызвало горячий спор, и на время публика позабыла об утопленнице, переключившись на насущное. Посадова увела заинтересованных смотреть этюды с Поцелуевым камнем. Молодёжь зашагала по аллее.

— Нет, нет, надо поймать этих мистификаторов, — пылала жадой разоблачения Даша, таща Машу, Веню и Луизу к дому. — Ночью подкараулить и за шкуру притащить. Это же кто-то из местных дурит. Потому что приезжие эту легенду не знают. Так, собираемся в новую облаву. Мэрил, да? Согласна? Бен, ты с нами. И Тарго берём!

Однако Костя Тагарин, присоединившийся к остальным после вахты за пультом, общей отваги не разделил.

— Не нравится мне эта история, — нахмурился он. — Привидения, ныряльщики... — он озабоченно посмотрел на Дашу.

— Вот поэтому надо идти всем вместе, — горячо повернулась к нему Даша. — И ты, и Бен.

— Сегодня никак не могу, — Костя покачал головой. — Завтра утром артисты уезжают, я к утру обещал им смонтировать фильм. Так что всю ночь буду сидеть. А вы, девчонки, лучше не суйтесь туда вообще. Кто знает, что там за типчик таскается. Может, больной на всю голову. Оглоушит ещё чем-нибудь... Договорились, Даш? Чтобы я за тебя был спокоен. А то буду дёргаться, заporю фильм... Ну, обещаешь? Мне странно, что ты народ туда повела. Тем более, Луизу, иностранную гражданку. Вдруг, правда, что-то случится с кем-то? А хоть и просто травма. Кто будет отвечать, сама подумай? Иван Степанович ведь.

— Ну, ладно, — недовольно согласилась Даша. — Прав, как всегда.

— Вот, — повернулась она к Луизе, когда Костя удалился в свою капитанскую рубку. — Правильно я говорила, что от мужиков в таких делах толку нет. Отвратительный материализм.

— Так мы идём или нет? — спросил Веня, с трудом отрывая взгляд от Маши.

— Костя не идёт, — расстроено сказала Даша. — А я бы пошла.

— Тебе же сказали: не ходи, опасно, — напомнила Маша.

— Ну и что? Что тут опасного? Я кругом каждый кустик знаю.

— Каждый кустик знаешь, а кто с лодки нырял, не узнала, — сказала Маша.

— А что, кто-то с лодки нырял? — заинтересовался Веня.

— Ой, да кто там нырял... — отмахнулась Даша. — Мальчишки с вершами. Их гоняют-гоняют, а они всё равно пробираются.

— А свет под водой? Ты говорила: видела свет.

— Ну, подумаешь, телефон утопили, — уверенно сказала Даша. — Вот и прыгали, доставали, чтобы отец дома не прибил. Фигня, в общем...

— А правда, — сказал Веня. — Версия с телефоном правдоподобная. Я раз маленьким телефон в унитаза утопил. Достали, конечно, но влетело мне...

— И вот из-за этого нам теперь не ходить? — возмущённо спросила Даша и посмотрела на Луизу. — Ты ведь тоже расстроилась?

— Я рассказала по скайпу своим французским друзьям, что ловлю здесь привидение, — улыбнулась Луиза. — Они завтра будут ждать моих дальнейших рассказов. Притаив дыхание, — она засмеялась.

— Затаив дыхание, — машинально поправила Даша. — Тогда без вариантов, надо идти, — она вскинула голову. Нельзя уронить честь предприятия перед лицом иностранных граждан.

Вечером, во вторник, сразу после ужина, на электронный адрес Луи Кастора пришло письмо из Парижа. Письмо содержало файл с фотографией и короткую приписку от жены.

Cher Louis, — писала Франсуаза Кастор, — J'ai tellement peur que toi et Louise ayez froid dans ce pays horrible. N'osez pas boire de la vodka avec les russes et manger de la viande crue. Je t'envoie ce que tu as demandé.

Ta Française^[5].

P.S. Avez-vous rencontré ce Monsieur étrange en Russie?^[6]

Луи Кастор ещё раз перечитал послание супруги и расстегнул ворот рубахи: в номере было душно, несмотря на раскрытое окно. Упоминание о странном господине его озадачило. В самом деле, не он ли побывал здесь ночью? Кому ещё могло понадобиться письмо столетней давности? Только тому сумасшедшему, что обещал за него две тысячи евро. Помнится, получив отказ, господин этот впал в ярость и ругался, как последний клошар. Впрочем, это было в Париже, месяц назад. Неужели тот сумасшедший ради письма приехал сюда, в Россию?!

Скачав файл на флешку, Луи Кастор закрыл ноутбук и, не найдя у себя Луизу, отправился искать Громова сам, уповая на удачу и скудный запас русских слов.

Громов нашёлся в фойе.

— Пгошу извинит, — вмешался Кастор, кланяясь. — Я получить письмо.

Громов тотчас подхватил француза под локоть.

— Дорогой Луи, пройдёмте в кабинет к Ивану Степановичу. Он весьма заинтригован и ждёт вас. Только, прошу вас, ни слова о краже.

В кабинете с медной табличкой «Директор» за массивным наркомовским столом сидел Иван Степанович Дольский и сквозь очки изучал «Музейный вестник» позапрошлого года.

Увидев вошедших, хозяин кабинета просиял:

— Илья Евгеньевич, господин Кастор, друзья мои, как я рад, — нараспев произнёс Дольский, поднимаясь из-за стола. — Проходите, прошу вас. Дорогой Луи, присаживайтесь вот сюда. Это подлинное кресло второй половины восемнадцатого века.

Иван Степанович подвёл француза к старинному креслу, похожему на обветшалый трон, и собственноручно усадил гостя. — Чудом уцелело после революции и войны. На нём, наверняка, сидел кто-то из ваших предков.

Луи Кастор не понял и половины сказанного, но был исключительно тронут расположением Дольского.

— Иван Степанович, мы не с пустыми руками, — сообщил Громов. — Помните, я говорил о письме?

— Как же, как же! — всплеснул руками Дольский. — Письмо Петра Алексеевича Бобрищева к брату Павлу. Отлично помню. Жаль, что копия. Так бы пригодилось для экспозиции.

— Ничего, — заверил Громов. — Распечатаем на цветном принтере, будет как настоящее.

— Пгошу вас, — Кастор вынул из кармана флешку и протянул Дольскому.

— Увольте, голубчик, — замахал руками Иван Степанович, — я — человек из прошлого. Мой удел — перо и бумага.

— Как человек сегодняшней... Позвольте? — Громов достал и включил смартфон, деловито завладел флешкой, и вскоре на экране появилось изображение листка бумаги, снятого с двух сторон.

Дольский покосился через очки на чудо техники и покачал головой.

— Нет, не для моих глаз. Читайте-ка вы, Илья Евгеньевич, — обратился он к Громову.

Громов начал читать:

Дорогой брат, пишу к тебе с отчаянным сомнением в сердце: увидимся ли мы под этим небом.

Дела в губернии обстоят хуже некуда. Днями был в имении обыск. Вывезли всё подчистую — и посуду и картины со стен, и мебель. Таков нынче порядок в России. Называется сей грабёж экспроприацией. Кабы всё это на дело пошло, я так бы не сокрушался. Только растащат всё да пропьют, горлопаны проклятые. Последние времена, Павлуша, отчизна наша любезная доживает.

Впрочем, сами в том виноваты — свободы и равенства, видишь ли, захотелось.

Liberté et égalité.

Вот и вляпались в эту либерте по самое причинное место.

Но, пишу тебе, Павлуша, вовсе и не об этом. Помнишь, подарок папенькин, что нам мать передала на шестнадцатилетие? Его и ещё кое-какие безделицы припрятал я в тайном месте. Ежели, не судьба нам свидеться, знай, что всё схоронено в графском пруду, аккуратно там, где тебя в детстве за ногу до крови рак цапнул. Это место показал я и на холсте, что передаст тебе надежнейший человек. Художник я, право, никудышный, да и само полотно, как ты должен помнить, отроком мной написано, то есть, без мастерства достойного, но берёзки на берегу те самые остальное в догадках твоих не нуждается. На том, обнимаю тебя, брат Павлуша, и уповаю на небеса, чтобы судьба была к тебе милостива.

P.S.

К письму прилагаю список того, что мне удалось спасти:

- кулон аметистовый в золоте;
- кольцо жемчужное с подвесками;
- серьги жемчужные (в виде капель);
- браслет «Серебряная ящерка» с изумрудами;
- табакерка, золото, перламутр, рубины;
- ложка именная, золото, бриллиантовая крошка;
- стопка именная, золото, рубины, шпинель;
- бриллианты разного достоинства — 27 шт (всего 32 карата);
- изумруды уральские необработанные (фунт с четвертью);
- империалы золотые — 12 шт.;
- орден Святой Анны 2-й степени;
- орден Святого Станислава.

Всё упаковано по-отдельности и сложено в медный сундук, отчего вес его получился не менее трёх пудов. «Девочку», подаренную нам тятей, поклал я в отдельный ларь.

Твой Пётр.

Закончив чтение, Громов оглядел слушателей. Дольский блаженно и рассеянно улыбался.

— Подумать только, — покачал он головой. — Строки столетней давности. А каков слог, господа! Сколько сострадания по отчизне!

Луи Кастор молчал, с вежливой улыбкой глядя то на Дольского, то на чтеца.

— Слушайте, вы представляете себе размер клада? — проговорил Громов, ещё раз глазами пробежав список. — Бриллианты, изумруды, золото... Это же огромные суммы!

— Полноте, голубчик! — махнул рукой Дольский. — Про этот клад я уже тридцать лет басни слушаю. Только где они сокровища несметные? Нету. Одни легенды.

— Но вы посмотрите! — горячо возразил Громов. — Список составлен толково и обстоятельно. Нет, Иван Степанович, клад наверняка существует.

— Может и так, — сдался Дольский. — И что же, вы, предлагаете? Взять лопаты и устроить в поместье лихорадку на манер Джека Лондона?

— Как раз никаких лопат и не надо, — возразил Громов интригуяюще. — Здесь же ясно написано: клад на дне пруда! Всего-то и нужно: спустить воду и обшарить дно. Пустяки!

— Пустяки?! — неожиданно рассердился Дольский. — Да за плотиной десятка два дачных участков! Народ здесь, знаете ли, не церемонный. За свои грядки да сарайчики могут и топором уходить.

— Но надо же, что-то делать, — Громов забежал по кабинету. — Это же, в конце концов, пруд, а не море. Нанять водолаза, наконец.

— Да что вы право, батенька... водолаза! — возмутился Дольский. — Графский пруд в длину больше трёх километров. В ширину, местами, метров пятьсот. И глубина будь здоров. Тут надо роту водолазов. Из каких шишей-то их оплачивать? Я и слушать не хочу об этом, бред какой-то. Вы бы лучше, Илья Евгеньевич, вашими башибузуками занялись. Нынче под утро едва каретный сарай не спалили. И опять этот ваш Хвастов. Закрылся там с барышней. После срамных дел, как водится, закурили. Сено-то и занялось. Хорошо, сторож проходил мимо, дым учуял.

— Хвастов? — рассеянно переспросил Громов. — Накажу, непременно накажу подлеца. А что за барышня?

— Помилуйте, дорогой мой, — развёл руками Иван Степанович. — Имя дамы уж я не раскрою. Разберитесь сами, устройте примерную экзекуцию вашему кобелянту. Чтобы и впредь было неповадно. Не то придётся мне после фестиваля сидеть здесь на головешках.

— Да, да, вы правы, — заверил Громов. — Я им всем хвосты накручу. И Хвастову в особенности.

— Вот-вот. Давайте уже поближе к жизни, Илья Евгеньич, миленький. — Дольский подвинул к себе бумаги. — Что у нас там завтра по распорядку?

— Мастер-классы для летних лагерей, вечером — конкурс чтецов, — механически ответил Громов.

— Вот и замечательно. Есть о чём беспокоиться. Детишки приедут, а у нас тут что творится? Водолазов ещё не хватало... Так, берите-ка прямо сейчас Тартарена нашего, пусть аппаратуру проверяет.

Громов автоматически покивал головой, вынул флешку, положил на стол и вышел из кабинета.

— Импералы двенадцать штук... — пробормотал он машинально, выйдя в вестибюль и качая головой. — Изумруды... Это чёрт знает что! И где-то здесь, рядом...

Луизу пришлось подождать. Несмотря на все предостережения и плохое знание русского языка, французский дедушка Луи Кастор оказался каким-то образом посвящённым в тему привидения. Скорее всего, нечаянно прослышал через балкон Луизины восторженные

рассказы по скайпу своим парижским друзьям. Ловлей привидения он был чрезвычайно встревожен и пустился опекать единственную внучку пуше глаза.

Пришлось идти на обман и притворяться спящей. Даша уже два раза прибежала под окна мезонина и мяукала кошкой. Луиза вылезала из постели, на цыпочках подбегала к двери дедушкиной спальни, но там всё шелестели страницы и скрипело кресло. Наконец, к двум часам ночи всё стихло.

С кучей предосторожностей, одевшись во всё тёмненькое, Луиза спустилась по лестнице на поиски приключений. Маша ждала в кустах главной аллеи.

— Мэрил с Беном уже ушли, — хватая Луизу за руку, заговорила Даша быстро. — Ждали-ждали тут на лавочке. Потом пошли потихоньку, велели догонять. Мэрил поэму новую начала сочинять... Она уже прямо вся в образе...

Подруги припустились бегом.

— У них отношения? — поинтересовалась Луиза на ходу.

— Ну, какие отношения! — отмахнулась Даша. — Нет Бен, конечно, влюблён, понятное дело, нельзя не влюбиться в Мэрил, какие у неё глаза! А как она читает стихи — это вообще отпад. А Бен сам поэт. Ну и везде за ней таскается...

— Бен красивый, — оценила Луиза Бена, еле поспевая за Дашей.

— Да ну, ничего особенного... Короче, он влюблён, а Мэрил ищет себя. Раз шесть уже находила. Потом оказывалось: или дурак, или «Евгения Онегина» не читал. Теперь вот Асланбек у неё на уме.

— Асланбек красивый, — похвалила Луиза и Асланбека.

— Да ну, ничего особенного, — опять отмахнулась Даша. — А правда, второй раз не страшно уже? Скажи? — весело спросила она, соскакивая с высокого корня дерева и подавая руку подруге. — Ну, я-то уж тут вообще все тропинки излазила. Но разве тебе страшно сейчас?

— Нет, — Луиза покачала головой. — Холодно, холодно, холодно... Страшно, страшно, страшно, — процитировала она с таинственным видом, и девушки весело рассмеялись.

— Ой, ты тоже знаешь «Чайку»? — удивилась Даша.

— У дедушки есть русские книги, — улыбнулась Луиза. — Нет, здесь не страшно. Просто красивый парк. Красивый, как Булонский лес...

— Вот именно, что здесь может ужасного случиться, — бросила Даша небрежно, устремляясь вперёд.

Внезапный истошный вопль разорвал тишину. Потом ещё один. Девушки замерли и уставились друг на друга, беззвучно ахнув. Луиза непроизвольно прикрыла рукой рот.

Крик повторился — тише, но протяжнее.

— Мэрил... — непослушными губами еле вымолвила Даша, в один миг растеряв весёлость. — Луиза, бежим! Бежим!

Утро для участкового местечка Бобрищи началось спозаранку. Кто-то вдруг принялся часто и громко молотить кулаком в калитку. Никита Степанович босиком, в одном исподнем, прошлёпал к окну и, отворив скрипучую створку, спросил со строгостью:

— Ты чего, мил-человек, ни свет, ни заря по дверям барабанишь?

— Там, у пруда, дядьку убили! — крикнул из-за калитки возмутитель спокойствия, и в заборной щели мелькнула его вихрастая шевелюра.

— Насмерть? — так же строго спросил Никита Степанович, шаря глазами по полу в поисках тапок.

— Холодный уже, — пробасили из-за калитки.

— Ты вот, что, хлопец, погоди там, место покажешь, — бросил участковый, закрывая окно.

Проклятые тапки так и не отыскались. Света участковый не включил: чего доброго, проснётся Наталья. Не отвертишься тогда от допроса. Вот уж, кого бы в следователи определить. Извела бы на корню всю преступность одними расспросами.

Наскоро одевшись и нацепив кобуру, Никита Степанович вышел на кухню. Здесь, на восточной стороне, было светлее от брезжившего за окном летнего утра. Проходя мимо шкафчика, участковый не удержался, открыл дверцу. Стараясь не греметь, вынул кувшин и налил в кружку густой, со сливочной пенкой, простокваши.

«Нехай подождут, — решил Никита Степанович. — Труп-то, поди, холодней не станет. Когда ещё перекусить придётся. Приедут из района насчёт покойника — и завертится колесо...»

Он отломил большой кусок белого хлеба и с удовольствием съел, запивая простоквашей. Теперь, можно было и до трупа прогуляться. Никита Степанович вытер ладонью вымокшие усы и вышел на бодрый июньский воздух.

За калиткой, кроме вихрастого, топтался ещё один подросток в длинной, до колен, куртке. Оба парня были с дачного хутора и балбесничали в Бобрищах с начала лета.

Никита Степанович грозно осмотрел виновников ранней побудки и первым зашагал в сторону пруда.

— А с чего вы решили, что мужик убитый? Может, от самогонки от местной окочурился? — сурово спросил он на ходу.

— Ага, от самогонки, — нервно усмехнулся семенящий следом вихрастый. — У него из спины багор торчит, и кровищи, как от свиньи.

— Багор?! — Никита Степанович остановился и поправил кобуру на ремне. — Вы-то там ничего не трогали, умники?

— Что ж мы, не понимаем? Отпечатки и всё такое, — пробубнил второй свидетель.

— Понимают они, — проворчал Никита Степанович, продолжая движение. — Вас как туда занесло-то, халамидников, ни свет ни заря?

— Жерлиц мы хотели поставить на щучек, на окуня...

— А что рыбачить в пределах усадьбы запрещено, конечно, не знали? — вполне риторически спросил участковый.

Свидетели тяжело засопели, но промолчали.

Убитый лежал лицом вниз шагах в десяти от пруда на утоптанном крутом берегу. На нём был выцветший брезентовый плащ и высокие сапоги с налипшей на каблуки грязью. Из спины убитого и в самом деле косо торчало древко багра.

Бурое кровавое пятно густо пропитало песок и траву вокруг тела.

Никита Степанович грузно опустился возле трупа, пытаясь разглядеть лицо лежащего. Надвинутый на голову капюшон не позволил этого сделать, и участковый только pokruxтел.

— Больше никого тут не видели? — спросил он ребят, поднимаясь.

— Не, никого, — дружно ответили подростки, но слишком уж поспешно.

— Так-таки и никого? — переспросил Никита Степанович, сдвинув брови. — А ну, колитесь, шалопаи, не то привлеку за проникновение на охранную территорию.

Свидетели затравленно переглянулись.

— Барыню мы видели. Ту... самую, — пролепетал вихрастый.

— Барыню? — насторожился Никита Степанович. — Сотрудницу из усадьбы?

— Да, нет. Ту, что по ночам ходит, — вставил второй. — Вся в белом. Мы её как увидели, жерлицы бросили и тикать.

— В белом, говоришь? — вздохнул Никита Степанович. — Это которая утопленница?

— Ага, — подтвердил пацан. — Её, говорят, каждую ночь тут видят. Из пруда выходит и шастает по дорожке.

— Это кто же её тут по ночам-то видит, если парк ночью закрыт? — усмехнулся Николай Степанович, понимая, что ничего путного от свидетелей больше не добиться.

— Зря вы не верите, дяденька полицейский, — потупившись, произнёс вихрастый. — Ей-богу, была графиня. Вон там, — он махнул в сторону парка. — Она всё время там торчит на поляне, возле Поцелуева камня. Дяденька полицейский, а что нам теперь будет?

— Вам если только крапивой по одному месту за нарушение правил, — серьёзно ответил Никита Степанович, доставая телефон. — А сейчас обоим спецпоручение: бежать домой и молчать во весь рот. Как настоящим мужикам.

Никита Степанович по всем правилам сообщил о происшествии дежурному ОВД. Теперь с чистой совестью можно было и прилечь неподалеку: рассвет только-только занимался, а из области раньше, чем через час, не появятся. И вздремнуть можно успеть.

Однако вздремнуть не удалось: за деревьями раздались голоса, и на берегу появились люди. Один из них был старый знакомец, сосед участкового — садовник из дворца, Данилыч. В компании с ним была молодая парочка. Девушку участковый признал сразу — внучка директора Дашутка, известная активистка и егоза. Третьим был незнакомый паренёк интеллигентного вида.

Все были запыхавшиеся и до крайности озабоченные. По всему видно, неспроста примчались в такую рань.

— Ну, вот же, вот же! — ещё издали закричала Дашутка. — Смотрите, уже и милиция тут, а вы говорили, Пётр Данилыч, а вы не верили... Вот же, вот!

Паренёк помалкивал, впечатлёрный видом торчащего багра, а Данилыч, поздоровавшись за руку, немедленно принялся чесать в затылке с самым обескураженным видом.

— Вишь, дело-то какое, — сокрушённо повторял он, обходя тело. — Ну и ну... А я-то грешным делом, думал, бузят молодые насчёт трупа... Это кто ж такой убивец-то у нас завёлся теперь... Жили-жили тихо, никому не мешали, а теперь, вишь, дело-то какое...

— Никита Степанович! — бросилась к участковому Даша, как к родному. — Вот хорошо, что вы здесь! А мы уже хотели к вам бежать! А Пётр Данилыч отговорил, не поверил нам! У вас блокнот есть? Я сейчас вам всё расскажу! Я показания дам! Это мы, это я, я свидетельница!

— Так, свидетельница, — сурово пресёк эмоции участковый, действительно, доставая блокнот. — Если есть что сказать, говори по делу, а зазря не трещи.

— Я по делу! Вот, Бен подтвердит. Он всё видел. Он — свидетель!

— Свидетель убийства? — сурово уточнил участковый, вглядываясь в парня. Вид у того был совсем городской, и в отличие от Дашутки, которая трупа как бы и не замечала, он был явно поражён случившимся.

— Не убийства, конечно, — вежливо поправил парень, — но... мы здесь гуляли с подругой, она буквально наткнулась на труп в темноте, споткнулась об него. Испугалась... Мы побежали в имение, чтобы рассказать, и вот...

— Видал, Данилыч, молодёжь-то нынче как гуляет, — не стерпел участковый, выуживая карандаш и разглаживая чистую страницу. — Об трупы спотыкаются. Ну рассказывай, мил-человек, как звать-величать тебя и подружку твою спотыкушку, мне ж районному начальству докладывать...

Следственная бригада прикатила в десятом часу утра, когда солнце начало припекать по-летнему. Николай Степанович успел-таки немного вздремнуть, расположившись в тенёчке недалеко от трупа, прежде чем на дорожке у пруда послышались голоса и шаги нескольких человек.

Первым шёл молодой мужчина в сером пиджаке нараспашку — следователь Кречетов. Его Никита Степанович знал уже третий год и считал парнем дельным. Следом за Кречетовым тяжело топал криминалист Оськин, старый приятель участкового. С ним Никита Степанович знаком был не шапочно, а вполне, можно сказать, застольно. Охоч был Оськин до хорошего разговора под хорошую чарку. На том и сошлись они с Никитой Степановичем ещё с милицейских времён.

Позади Кречетова и Оськина угрюмо двигались два санитары в халатах, держа на весу носилки. У этих на лицах читалось лишь одно обоюдное желание: поскорей оттащить труп до машины и опохмелиться казённым спиртом, пока следователь будет бегать по берегу и собирать улики.

— Что у тебя, Степаныч, на этот раз? — спросил Кречетов, протягивая крепкую сухую ладонь.

— Мужика багром завалили, — ответил участковый показывая на и без того очевидную картину.

Кречетов обошёл труп, разглядывая торчащее из спины древко багра.

— Алексей Иванович, — позвал он Оськина. — Багор упакуйте на предмет пальчиков и потожировых. Тело пока не переворачивайте. Мне надо осмотреться вокруг.

Он достал из пиджака блокнот и что-то быстро черкнул в него.

— Приметное орудие убийства, — задумчиво произнёс он. — Такие явно наперечёт.

— Верно, — охотно подтвердил участковый. — Багров у нас не больше десятка на всё село и усадьбу. Перво-наперво, на пожарном щите возле барского дома. Но, у того ручка красная. Два на лодочной станции. Нет, теперь уж, не два, а один, — подумав добавил он. — Второй прошлым летом сторож в пруду утопил по пьяному делу. Хотел сеть вытянуть, да и

сам кувырнулся. Еле спасли.

Кречетов рассеянно слушал, думая о своём.

— Ещё один у Емельяники, — продолжал перечислять участковый, загибая толстые пальцы. — Но у неё за просто так не возьмёшь, удавится...

— Вот что, Никита Степанович, — прервал его Кречетов. — Возьмите вопрос с багром на себя. Тут вам и карты в руки. Меня больше интересует личность убитого.

Оськин тем временем отснял на телефон место преступления и теперь, упаковав заскорузлое древко багра стрейчевой плёнкой, выдернул орудие убийства из тела.

— Удар-то каков, — покачал он стриженной седой головой. — Аккурат, в сердце.

Кречетов присел над телом и стянул капюшон с головы убитого.

— Батюшки, да это же Васька Котов! — всматриваясь сбоку в посиневшее лицо, воскликнул участковый. — Добегался, паразит.

— Хороший знакомый? — с интересом спросил Кречетов, записывая имя убитого в блокнот.

— Век бы не знать, — вздохнул Никита Степанович. — Весной брал его на браконьерке. С приятелем лося завалили. На кураже и в меня стрельнул, паскуда. Хорошо, руки дрожали, не попал. Я его тогда за хулиганку на пятнадцать суток закрыл.

— На пятнадцать суток за стрельбу в полицейского? — покачал головой Кречетов. — Добрый ты, Николай Степанович.

— Пожалел дурака, — вдохнул участковый. — А оно, видишь, как обернулось.

Кречетов обошёл тело и, не увидев больше ничего примечательного, махнул санитарам. Те заметно оживились и, разложив носилки вдоль трупа, ловко перевернули на них убитого. Николай Степанович перекрестился, последний раз глянув на застывшее оскаленное лицо знакомого.

Когда тело унесли, Кречетов спустился с крутого берега на узкий песчаный пляж. Мягкий песок повсюду был утоптан десятками ног. Нечего было и думать о том, чтобы выделить среди этого калейдоскопа следы убийцы.

Среди мусора тоже не обнаружилось ничего интересного: пивные банки и конфетные фантики.

Однако, немного дальше, под чахлым раkitником, Кречетов заметил чёткий прямоугольник. Книга? Следователь подошёл к раkitнику. Так и есть, книга. Точнее, книжка — тонкая, в мягкой обложке, по виду из тех, что берут почитать в электричке. Книжка лежала «ничком», являя миру лишь заднюю обложку с каким-то четверостишием.

— Алексей Иванович, — крикнул он Оськину. — Приобщи к делу.

— Книжку, должно, наши обронули, — подал сверху голос участковый.

— Кто это «ваши»? Здесь ещё кто-то был?

— Да молодежь из дворца, товарищ следователь, место-то намоленное, кто тут только ни пасётся.

— На заметку-то взял эту намоленную молодёжь? — поинтересовался Кречетов, наблюдая как Оськин по всем правилам упаковывает вещдок в мешок. Жестом попросил перевернуть к нему лицом. «Мэрил Джет. Пурпурная сталь» — гласила надпись на суровой серой обложке. Ну, с Мэрил с этим разобраться будет несложно, подумал Кречетов.

Он снова вернулся на песок, цепким глазом оглядывая теперь самую его кромку там, где мелкая волна лениво накатывала на берег. Вот оно! На самом краю пляжа, точно длинный ножевой шрам, виднелся лодочный след.

Рядом с ним, глубоко отпечатавшись в мокром песке, зиял отпечаток сапога.

— Николай Степанович, глянь-ка сюда, — позвал он участкового.

Дождавшись, пока тот спустится к пляжу, показал на след, спросил:

— Лодок на пруду много?

— То не лодка, то ялик, — глядя на песок, определил участковый. — На таких наши постояльцы катаются.

— Постояльцы?

— Тут, в имении, каждое лето чеховский фестиваль проходит, — пояснил Никита Степанович. — По мне, так чистый вертеп. Неделю, а то и больше, писатели да художники куролесят. От этих всего ожидать можно. Чистые бесы. Третьего дня ночью на селе колядки устроили. Пели, декламировали за самогонку. Еле утихомирил.

— Понятно, — кивнул Кречетов, снова открывая блокнот. — Стало быть, круг подозреваемых расширяется.

— Эти вряд ли, — покачал головой участковый. — Малахольные они, конечно, но, чтобы человека, багром... Разве что, от самогонки кому разум заклинило. Лютая у нас в селе самогонка.

— А кроме яликов ещё лодки имеются?

— Только у сторожей, — наморщил лоб участковый. — Но, у них плоскодонка с мотором. Других лодок на пруду нет, — добавил он вполне категорично.

— И где эти ваши сторожа обитают? — спросил Кречетов, пряча блокнот в карман пиджака.

— Тут, недалече, — махнул Николай Степанович в сторону парка.

— Идём туда, а потом на лодочную, — распорядился Кречетов.

— Товарищ следователь, Антон Васильевич, — засуетился участковый, — А, может, ко мне сначала? Наталья моя яишенку со шкварочкой приготовит. Сальце домашнее. Опять же, и по пятьдесят грамм с дороги. У меня не сивуха какая-нибудь. Тройной очистки продукт. Слеза.

— Яишенки бы неплохо, — поддержал идею издалека Оськин, демонстрируя до чрезвычайности острый слух.

— Сначала к сторожам, — твёрдо сказал Кречетов. — А вы, Алексей Иванович заканчивайте здесь и ждите в машине.

Пока шли до сторожки, петляя вместе с тропой меж вековых деревьев, Кречетов спросил:

— А кто труп обнаружил? Местные?

— Дачники. Двое пацанов, — охотно пояснил участковый. — Я их по домам отпустил. Всё одно, ничего не видели. А следом за ними парочки наши набрали аккурат на покойника. Этих-то зарисовал вам для следствия, как положено...

Сторожка, некогда основательное кирпичное строение на белокаменном цоколе, переживала не лучшие времена. Штукатурка с фасада осыпалась, шиферная крыша зияла ржавыми жестяными заплатами, а высокие окна наполовину были заделаны фанерой. На перилах крылечка, на солнцепёке, спал большой рыжий кот.

Кречетов вошёл в сторожку первым, толкнув незапертую ветхую дверь. Посредине единственной комнаты стоял большой стол с остатками скудной трапезы. За столом, рухнув щекой в тарелку, спал человек.

— Колька Стрельников, — вздохнул за спиной Кречетова участковый. — Сторож местный.

— Насчёт сторожа я уже понял, — кивнул Кречетов. — Разбуди-ка его, Никита Степанович. Надо пару вопросов задать.

Участковый с сомнением посмотрел на спящего и на пустую водочную бутылку, лежащую на грязном полу.

— Этот и трезвый не больно-то разговорчив, — проворчал он, хватая тщедушного сторожа за шиворот и сажая ровно.

Сторож никак не отреагировал на эту эволюцию, и Никита Степанович легко хлестнул его пятернёй по небритой щеке. Глаза сторожа приоткрылись, но сфокусироваться на вошедших не смогли.

— Кто здесь? — прорычал сторож, пытаясь встать. — П-покиньте в-веренный мне объект.

Кречетов поморщился от стойкого сивушного перегара.

— Колюня, — вполне миролюбиво обратился к сторожу Никита Степанович. — Ты с каких пор на дежурстве употребляешь? Вылетишь ведь с работы, чучело.

— Степаныч, ты, что ли? — узнал участкового сторож. — Ты чего п-припёрся?

— Товарищ следователь хочет с тобой побеседовать, — терпеливо объяснил участковый.

— Кто?

— Конь в пальто, — теряя терпение, встряхнул сторожа Никита Степанович. — Убийство у нас, Колюня. Следствию необходимо задать тебе, раздолбаю, пару вопросов.

— С-следствие, — с усилием повторил сторож, и на его измождённом лице отразилась нешуточная работа мысли. — Мы с органами... мы, в-всегда... з-завсегда...

На этих словах сторож обмяк и, если бы не твёрдая рука участкового, наверняка бы спикировал лбом в тарелку.

— Допрос придётся отложить, — вздохнул Кречетов. — И часто они у вас так дежурят?

— Случается, конечно, — Никита Степанович отодвинул тарелку и со стуком опустил голову сторожа на стол. — На такую зарплату трезвенников разве сыщешь? Всего-то их, охранников, трое: есть ещё Славка Фролов, молодой совсем, год как после армии. В голове ветер. И Матвеич. Этот в годах уже, лет на пятнадцать меня постарше.

— Надо будет со всеми поговорить, — произнёс Кречетов, не отрываясь от записей.

— Поговорим, чего проще, — вздохнул Никита Степанович. — Только, может, сначала отобедаем? Негоже натошак целый день бегать.

Кречетов посмотрел на часы. Время перевалило за полдень. Можно было и

подкрепиться.

Оськин терпеливо ждал возле машины, обмахивая распаренное лицо папкой. Было и в самом деле жарко. Никита Степанович, шедший следом за Кречетовым, шумно дышал и то и дело обтирал платком потную шею.

— Сторожа допросили? — спросил Оськин.

Кречетов покачал головой и сел в машину впереди, рядом с водителем.

— Форсмажорные обстоятельства, — ответил за него Никита Степанович. — Пьян сторож в стельку. Это ж надо так нализаться с одной пол-литры...

До дома участкового доехали быстро, с ветерком, но Наталья, предупреждённая о визите, уже накрыла к обеду.

— А вот и мы! — возвестил с порога Никита Степанович, пропуская гостей вперёд.

Помимо обещанной яичницы со шкваркой, на столе возвышалась громадная, едва не ведерная кастрюля борща, стояли тарелки с холодным мясом, салом, обсыпанным кристалликами соли, и свежий хлеб в просторном плетёном блюде. В отдельной миске красовались соленья: кумачовые помидоры с прилипшими смородинными листочками и кругобокые огурцы.

Оськин зашаркал в дверях, вытирая ноги и с беспокойством оглядывая стол.

— Доброго здоровья, Наталья Андревна, — кланяясь седой головой, поздоровался он с хозяйкой.

— Проходите, не разувайтесь, — захлопотала та, — у нас по-простому.

Наталья, женщина изрядных кустодиевских достоинств, была на удивленье проворной. Она в два счёта снабдила каждого из гостей глубокой тарелкой, ложкой и полотенцем.

— Вы уж нас извините за вторжение, — произнёс Кречетов, смущённо улыбаясь и присаживаясь к столу.

— Да что вы, Антон Васильевич, разве я без понятия? — защебетала хозяйка. — Не для забавы, поди, приехали. Как-никак, убийство, да какое жуткое!

— Наталья, — строго бросил ей участковый. — Опять встречаешь? Откуда про убийство пронюхала?

— Тоже мне тайна! — всплеснула пухлыми руками хозяйка. — Про то, почитай, всё село гудит. А багор-то, определили чей?

Кречетов только подивился оперативности местных слухов, но про багор решил за столом не распространяться.

— Первым делом у Емельянихи проверьте и у Егоровых, — посоветовала Наталья, проворно разливая по тарелкам дымящийся борщ.

— Ты вот что, Наталья, — прервал её Никита Степанович, — сходи-ка лучше за графинчиком.

Хозяйка вопросительно посмотрела на Кречетова. Поймав умоляющий взгляд Оськина, следовательно кивнул.

— По одной стопочке, — веско сказал он, — не больше.

Наталья метнулась на кухню, откуда немедленно послышался стук дверцы холодильника и стеклянный звон. Оськин нетерпеливо заёрзал. Хозяйка вернулась с графинчиком в одной руке и звякающими рюмками в другой.

— На апельсиновых корках настаиваю, — охотно пояснил Никита Степанович, принимая графинчик. — В них, говорят, самый витамин.

Участковый налил себе и Оськину до краёв, Кречетову по ободок, а супруге — на доньшко. Не чокаясь, помянули убиенного. Никита Степанович опрокинул витамин залпом, Оськин в растяжку, блаженно зажмурил глаза. Кречетов сделал глоток и тотчас закашлялся, хватая воздух.

— Семьдесят градусов, — любовно похлопав графинчик своей лапищей, пояснил участковый. — От любой хвори уберезёт и ясности мысли прибавит.

Насчёт ясности мысли Кречетов не был вполне согласен, но возражать не стал.

— Как думаете, Никита Степанович, — спросил он, закусывая пламень во рту хрустящим огурчиком. — За что могли убить гражданина Котова?

— Ишь, нашли гражданина, — вмешалась Наталья. — От него никому житья на селе не было. У одних картошку прямо с огорода скопает, у других мотоцикл угонит. Били его мужики, да что толку. На этот раз, видать, крепко кому-то насолил.

Хозяйка плюхнула по тарелкам сметаны и раздала хлеб. На какое-то время над столом повисло сосредоточенное молчание и звон ложек.

— Я думаю, — сказал наконец участковый, отстраняя пустую тарелку, — из наших никто на такое не годится. Морду набить, это пожалуйста. На самый крайний случай ножом бы пырнули. Но вот так, багром в спину. Нет, это не наши. — Он решительно покачал головой.

— Тогда кто?

— На дачной стороне с весны шабашники отираются, — вставила Наталья, убирая со стола пустые тарелки. — Бригада у них, человек шесть. Шебутные да пьющие. Их проверьте.

Николай Степанович грозно зыркнул на нарушительницу субординации, но промолчал, видя, как Кречетов достаёт из кармана блокнот и ручку.

— Опять же, фестиваль, — как ни в чём не бывало продолжала Наталья, ловко вытирая клеёнку. — Понаехала куча народу. Эти тоже у меня под большим подозрением. Кто знает, что у этих писателей на уме? Кроме того, сторожа да рабочие в имении. Тот ещё контингент. Алкаш на алкаше. Я тут списочек набросала, Антон Васильевич, может, сгодится?

Наталья зарделась и вынула из кармашка тетрадный листок, исписанный убористым почерком. Николай Степанович вздохнул и бессильно развёл руками.

— Спасибо, Наталья Андреевна, — пробормотал Кречетов, принимая бумагу. — Не знаю, что и сказать.

Хозяйка повела плечами и умчалась на кухню. Кречетов впился в листок, где против каждого имени имелась убористая приписка.

— Твою Наталью к нам бы в отдел, — мечтательно вздохнул Оськин, обращаясь к хозяину. — Глядишь, и мне бы работы поубавилось.

— Ты только при ней не ляпни, — косясь в сторону кухни, бросил ему Никита Степанович, — от неё потом не отвяжешься.

С кухни тем временем раздалось шипение сковородки, и до гостиной донеслись запахи топлёного сала. Оськин, вытянув шею, прислушался к этим ароматам. Не прошло и пяти минут, как хозяйка снова появилась в гостиной, неся перед собой громадную сковороду с кипящей глазуньей. Глазунья заняла место убранной со стола кастрюли, и от неё распространился приятный жар.

— Накладывайте сами, кому сколько надо, — распорядилась хозяйка, ставя перед гостями чистые обширные тарелки.

Участковый и Оськин нервно переглянулись.

— Алексею Ивановичу рюмочку на посошок можно, — кивнул Кречетов. — Ему, всё равно в отдел возвращаться. А нам с вами, Никита Степанович, ещё на лодочную станцию надо прогуляться да и сторожа допросить. Должно быть, уже проспался.

— Непременно прогуляемся, — заверил участковый, разливая витаминный напиток по двум рюмкам.

На этот раз приятели чокнулись и торопливо, без тостов, выпили. Над столом снова повисло молчание и скрежет вилок.

— Мой благоверный наверняка про графиню-утопленницу не доложил? — тихо произнесла хозяйка, пододвигая Кречетову миску с соленьями.

— Наталья! — погрозил вилкой Никита Степанович, — угомонись, не то выставлю из гостиной.

— Больно надо, — вспыхнула она и, демонстративно прихватив со стола ополовиненный графинчик, величаво удалилась на кухню.

— Вот ведь, характер, — усмехнулся ей вслед Никита Степанович. — Всё одно по-своему поворотит.

— А в самом деле, Никита, что за утопленница? — спросил Оськин, подбирая кусочком хлеба остатки яичницы.

— Пацаны, что труп обнаружили, видели графиню-утопленницу, — неохотно пояснил участковый. — Должно быть, с испугу померещилось.

— Ничего им не померещилось, — раздалось с кухни. — Она уже неделю как по ночам появляется. Должно быть, фестивальщики её покой осквернили. Я сразу говорила: жди беды! Так и вышло.

— Утопленница ваша, это привидение, что ли? — понял наконец Кречетов. — Это уж точно, мы к делу не приобщим.

— А зря, — подала голос Наталья. — Не просто так графиня наша с того света явилась.

Визит на лодочную станцию ровно ничего не дал. Собственно, и станцией назвать увиденное язык бы не повернулся. Три ялика, носами вытащенные на берег, да открытый настежь сарай. Осмотр яликов не обогатил следствие ни малейшей зацепкой. Из посторонних предметов в них обнаружили лишь бутылочные пробки, окурки и одинокий сморщенный презерватив.

— Пойду-ка я, Никита Степанович, в усадьбу, — решил Кречетов. — Тут, похоже, ловить нечего. Пустышка. А ты охранника нашего проведай, может, уже очухался.

Утоптанная дорожка, петляя по берегу пруда, вывела следователя сначала на парковую аллею, а затем — и к особняку. У входа его уже ждали трое: участковый, давешний охранник и интеллигентного вида старик в песочной тройке и дирижёрской бабочке.

— Вот, доставил на допрос охламона, — доложил участковый, толкая перед собой смертельно бледного охранника с мокрыми, прилипшими ко лбу волосами.

По всей видимости, участковый применил к подозреваемому водную процедуру, чтобы привести того в чувство.

— Почему без наручников? — коротко спросил Кречетов.

— А куда он денется? — пожал плечами Никита Степанович.

Кречетов не стал спорить и подошёл к интеллигентному старику.

— Следователь прокуратуры Кречетов Антон Васильевич, — представился он, протягивая руку.

— Дольский Иван Степанович, директор музея-усадьбы, — старик подал крепкую сухую ладонь. — Какая чудовищная трагедия! Ударить человека багром...

Судя по реплике, участковый успел ввести директора в курс дела.

— Иван Степанович, нам для опроса подозреваемых и свидетелей нужна комната. Желательно изолированная.

— Да, да, — спохватился Дольский. — Думаю, мой кабинет подойдёт. Прошу.

Дольский пропустил вынужденных гостей к парадному входу и пошёл следом за ними.

— Через фойе, направо по коридору, — подсказал Кречетову участковый, хорошо знакомый с планировкой особняка.

— Помяните моё слово, господа, — подал голос Дольский. — Всё это из-за этих проклятых сокровищ.

— Сокровищ?! — Кречетов остановился так резко, что похмельный охранник едва не врезался ему в спину.

— Тут все с ума посходили из-за клада, — со вздохом пояснил Дольский. — Только и разговоров, что о графских сокровищах.

Кречетов укоризненно посмотрел на участкового, но тот только пожал плечами.

— Ладно, — вздохнул следователь, — о кладоискателях поговорим позже. А пока меня интересует ваш сотрудник гражданин Стрельников.

Услышав свою фамилию, охранник поёжился.

В кабинете подозреваемого усадили на фамильное кресло, отчего Дольский тоскливо покачал головой, но воздержался от комментария. Сам директор остался стоять в дверях, нервно теребя галстук. Директорский стол занял Оськин и, нацепив очки, принялся оформлять протокол допроса.

Никита Степанович встал за спиной подозреваемого и со скучливым интересом принялся разглядывать старинную карту уезда на противоположной стене.

— Имя, фамилия, должность.

— Николай я, Стрельников, — заёрзал подозреваемый. — Охранник. В чём меня обвиняют, начальник?

— Вас, гражданин Стрельников, ни в чём пока не обвиняют, — сказал Кречетов, меряя шагами кабинет. — Идёт следствие по делу об убийстве, и вас вызвали сюда, как возможного свидетеля.

— Я проспал всю ночь, падлой буду, — охранник попытался вскочить с кресла, но тяжёлая рука участкового вернула его на место.

— Как вышло, что вместо дежурства и обхода территории вы спали в сторожке и прозевали убийство?

— Это всё Кот, — пряча глаза, проямлил охранник. — Яв да сё. Выпили.

Дольский при этих словах громко и тоскливо вздохнул.

— Погоди, — перебил его участковый. — Это Васька Котов бутылку принёс?

— Он, подлюга! — торопливо закивал охранник. — Душа, мол, горит, а выпить не с кем. А я что? Я с понятием. Негоже русскому человеку в одиночку пить.

— Во сколько это было? — спросил Кречетов.

— Часу в десятом, — поскрёб небритую щёку охранник. — Смеркалось уже.

— Что дальше?

— После второго стакана я вырубился. Точно, в омут нырнул, ни хрена не помню.

— Колюня, — снова встрял участковый. — Не пой нам песни. Ни за что не поверю, чтобы ты со второго стакана оуклился.

— Как на духу, Степаныч, — охранник клятвенно замотал головой.

— Ясно, — сам для себя подытожил Кречетов. — Котов принёс бутылку водки, куда было подмешано снотворное. Цель: усыпить охранника, чтобы он не стал свидетелем какого-то важного события. Затем сообщник убивает Котова. Зачем? Либо вышла ссора, либо сообщник убрал свидетеля.

— Либо не захотел делиться добычей, — вставил свою версию Оськин.

— Какой добычей? — повернулся к нему Кочетов.

— Графским кладом, конечно, — дёрнул плечами Оськин.

— И вы туда же, Алексей Иванович, — поморщился Кречетов. — Вы ещё прс привидение вспомните.

Он тяжело вдохнул. Весь его опыт и разум протестовали против древних кладов и бродячих приведений. И всё-таки было что-то в ночном убийстве неправильное, непонятное.

— Вот что, — сказал он, наконец, — гражданина Стрельникова к нам в сизо. Алексей Иванович, поезжайте с ним. У подозреваемого взять кровь на наличие снотворных препаратов.

— За что, начальник? — вскинулся подозреваемый. — Мамой клянусь, не трогал Кота!

— Давай клешни, Колюня, — вздохнул участковый, доставая наручники.

Когда Стрельникова увели к машине, молчавший весь допрос Дольский заговорил:

— Зря вы, товарищ следователь, отмахнулись от идеи с кладом, — сказал он мягким извиняющимся голосом. — Я и сам в него не очень-то верю, но вот, посмотрите-ка сей документ.

Дольский пересёк кабинет и, сев за стол, раскрыл лежащую на столе папку.

— Что это? — спросил Кречетов, разглядывая протянутый ему лист.

— Копия письма, в котором есть перечень ценностей.

Кречетов бегло прочёл письмо и невольно задержался на списке сокровищ. Деловито составленный документ производил впечатление. Следователель с новым интересом посмотрел на хозяина кабинета.

— Как давно это письмо у вас и кто о нём знает? — спросил Кречетов, доставая блокнот.

— Несколько дней назад его передал нам Луи Кастор вместе с упомянутой в тексте картиной, — охотно пояснил Дольский.

— Иностранец?

— Француз. Потомок рода Бобрищевых.

— Кроме вас и француза, кто знал о письме? — повторил вопрос Кречетов.

Дольский немного подумал, шевеля губами, и начал загибать пальцы:

— Кроме вашего покорного слуги, Громов Илья Евгеньевич, ему по долгу службы положено, как министерскому представителю, ещё Даша Дольская, моя внучка — ну, она у меня всегда в курсе всего, маленькая хозяйка большого дома... Да и всё, пожалуй, насколько помню. Хотя, наверняка, знают и другие. Мы, ведь, из письма-то тайны не делали. Напротив, хотели в день закрытия фестиваля приобщить его к экспозиции музея. Вы поймите: это же большая ценность. Можно сказать, реликвия. После войны и революции мало осталось письменных документов, связанных с хозяевами усадьбы.

— В письме упоминается связь картины с местом, где, якобы, спрятан клад. — произнёс Кречетов, делая очередную пометку в блокноте. — Можно ли на неё посмотреть?

— Конечно, конечно, — заверил Дольский, поднимаясь из-за стола. — Картина в фойе. Пойдёмте, я покажу.

Кречетов убрал блокнот в карман пиджака и вышел из кабинета вслед за директором. Однако, в фойе, на положенном ей месте, картины не было.

— Боже мой! — воскликнул Дольский, вскинув руки да так и замер напротив пустой стены. — Как же так? Что же это такое? Кто?!

Кречетов подошёл к месту, где висела украденная картина и внимательно осмотрел пол и стену, из которой торчал одинокий чёрный крючок. Никаких видимых следов здесь не было. Да и отпечатков искать не стоило. Снять картину с крючка дело пустяшное.

— Что же это у вас экспонат не был на сигнализации? — укоризненно спросил Кречетов, оборачиваясь к потрясённому Дольскому.

— Картина материальной ценности не имеет, — пробормотал Дольский. — К тому же, тут у нас камеры... Кто же мог подумать, что вот так, среди бела дня...

— Камеры, говорите, — оживился Кречетов. — Это замечательно.

— Боже мой, что я скажу Кабору... — Дольский тоскливо закачал головой.

— Ничего, ничего, Иван Степанович, картину мы найдём, — твёрдо заверил Кречетов.

Он был в этом и в самом деле уверен. Реальная кража реальной вещи — это вам не клад с привидениями.

— А где у вас сервер видеонаблюдений, в сторожке? — спросил Кречетов, припоминая заляпанный жирными кляксами пульт и пыльный монитор, за которым был обнаружен спящий охранник.

— Что, простите? — переспросил Дольский упавшим голосом. — Ах, да, да, е

сторожке. Знаете, где это?

Кречетов кивнул и направился к выходу.

— Господи, за что нам всё это? — тоскливо вздохнул за его спиной Дольский. — Убийство, кража... Каких ещё ожидать напастей?..

Когда Кречетов вышел из особняка, пустовавшая до этого лужайка была вся заставлена мольбертами, над которыми мелькали соломенные шляпы, бейсболки и козырьки от солнца.

Обойти лужайку из-за живых изгородей не представлялось возможным, и Кречетов двинулся напролом, лавируя от мольберта к мольберту. Вежливость заставляла следователя приостанавливаться у холстов. Все рисовали особняк, залитый солнцем. Получалось, пожалуй, неплохо.

Возле крайнего мольберта Кречетов задержался подольше. Грузный бородатый художник, больше похожий на грузчика, самозабвенно изображал подсолнухи, то и дело бросая цепкий взгляд на махину особняка. Кречетов огляделся. Подсолнухов нигде не было.

Бородач, заметив интерес зрителя, отчего-то обрадовался.

— Очаровательно, не правда ли? — не без самодовольства произнёс он.

— Почему подсолнухи? — не удержался Кречетов.

— Ну как же! — воскликнул художник, поддавая кистью желтизны. — Разве вы не видите внутреннего света, озаряющего это здание?! Именно — подсолнух! Подсолнух, который тянется из глубины, из мрака веков, сквозь войны и революции, к сияющему свету небес. У всякого предмета, у всякой вещи есть свой внутренний смысл, своя ассоциация. Настоящий художник должен понять его, выстрадать и выплеснуть из себя на холст.

Кречетов снова покосился на особняк, но внутреннего смысла, хотя бы отдалённо напоминающего подсолнух, не уловил.

— А вы, должно быть, следователь? Насчёт убийства? — спросил живописец, нанося очередной точный мазок.

— Что, так заметно?

— Знаете, у нас с вами похожие профессии.

— Неужели?

— Вы тоже пытаетесь найти в людях и событиях внутренний скрытый смысл. Только вытаскивать на свет божий вам приходится всё больше мерзкое и тёмное. Оттого и аура у вас яркая, но однотонная.

— Вот как? — усмехнулся Кречетов, немного уязвлённый своей однотонностью. — А какая же аура у вас?

— Представьте, я тоже однотонен, — признался художник. — Утешает лишь название цвета: «бёдра разбуженной нимфы». Да, да, представьте себе, есть и такой. Что-то близкое к беж и слоновой кости. А вот, скажем, у Аркаши Апашина, вон он, в своём дурацком халате, — художник ткнул кистью в фигурку, согнувшуюся за соседним мольбертом. — Вот у него в ауре сплошной ультрафиолет.

— Это почему же?

— Гений, — просто ответил живописец. — Исписавшийся, испившийся, но всё-таки гений.

Кречетов более внимательно взглянул на обладателя ультрафиолета. Голова гения была обмотана бинтом, и сияния над ней не наблюдалось.

— Чем это его так? — спросил Кречетов.

— Битой городошной, — неохотно пояснил живописец. — Поспорили мы с Аркашей насчёт картины, ну той, что француз привёз. Вы её, должно быть, видели: в фойе на стене

висит.

— Уже не висит, — сказал Кречетов. — Украли её.

Кречетов внимательно посмотрел на художника, пытаясь определить, какую реакцию вызовет эта новость. Кисть в руке живописца замерла, и он с искренним непониманием уставился на говорящего.

— Господи, кому эта мазня понадобилась?

— Мазня?

— Именно так, — подтвердил художник. — Пруд, травка и две берёзки. Такое любая школьница намалюет.

— И всё же её украли, — произнёс Кречетов, разочарованный вялой реакцией живописца. — Может быть, было в ней что-то особенное?

— Особенное? — задумчиво повторил художник. — Разве что тени.

— Тени?

— Да, тени от берёз были нарисованы неправильно. Посторонний взгляд не заметит, а художники такие мелочи видят сразу.

— Так-так, и что там было с тенями? — быстро спросил Кречетов.

— Написаны были против солнца. Нормальная тень ложится по солнцу, а у этих берёз всё наоборот — навстречу. Эдакая причуда автора. Из-за этих теней мы с Аркашенькой и повздорили.

— И куда же падали тени?

— Тени падали на воду, если не ошибаюсь, — пожал плечами художник.

— На воду, — повторил Кречетов и, раскланявшись с живописцем, продолжил прерванный путь.

Итак, картину украли не случайно. Странные тени, скорее всего, были ключом. Если тени, по словам художника, падали на воду, скорее всего, это и был ориентир. Обуреваемый нехорошим предчувствием, Кречетов прибавил шагу.

Дверь в сторожку была закрыта, но не заперта. Само по себе это было странно. Кречетов давно и хорошо знал участкового. Предположить, что Никита Степанович, явившийся за охранником, не проследил за дверью, было невозможно. Кречетов наклонился и осмотрел косяк. На взлом не похоже. Дверь явно открыта ключом. Кто же её открыл, если сменщик Стрельникова ещё не прибыл?

Внутри сторожки никого не было. По-прежнему возле стула лежала пустая водочная бутылка, а на столике возле пульта потревоженные мухи кружили над грязной тарелкой. Впрочем, кое-что изменилось. Один из квадратиков на пыльном экране монитора рябил помехами. Нетрудно было догадаться, что именно этот сектор и наблюдал за происходящим в фойе.

Пошарив рукой с обратной стороны пульта, Кречетов без труда нашёл аккуратно вынутый штекер. Вывод был ясен: пока шёл допрос охранника, некто пробрался к сторожке, открыл ключом дверь и вынул штекер, вырубив камеру в фойе. Затем, пользуясь отсутствием охраны, выкрал картину. Всё просто до банальности, но оставляет массу вопросов: кому и зачем понадобилась картина и кто мог воспользоваться ключом? И куда среди бела дня картину спрятали? Это ведь не коробок спичек, её в карман не положишь...

Кречетов вздохнул и, достав блокнот, набросал несколько строк, не поспеившись на жирные вопросительные знаки. Наклонившись, он поднял с пола бутылку, аккуратно ухватив её пальцами за горло и дно, чтобы не смазать имевшиеся отпечатки. Затем соорудил из

найденной газеты кулёк и отправил бутылку туда.

А на крыльцо тем временем всходил кряжистый пожилой мужчина в чёрной форменной куртке.

— Вы, должно быть, Матвейч? — спросил его Кречетов, разглядывая угрюмое неприветливое лицо охранника.

— Кому Матвейч, а кому Юрий Матвеевич Круглов, — свирепо обронил тот. — Ты сам-то кто будешь и какого лешего здесь отираешься?

Кречетов вынул из кармана удостоверение.

— Ты тот мент, что насчёт Кота приехал? — зыркнув на документ, сообразил Матвейч. — Ну, спрашивай, раз пришёл.

— Что-то вы не очень приветливы, Юрий Матвеевич, — заметил Кречетов. — Что так?

— А мне с мусорами запахло по душам балакать, — охранник зло сплюнул и исподлобья посмотрел на следователя.

— Сидели, — догадался Кречетов. — По какой же статье?

— Грабёж в составе группы, — невесело усмехнулся Матвейч. — Шесть лет от звонка до звонка.

— И как же вы с такой статьёй — и в охрану? — удивился Кречетов.

— Иван Степанович пособил, — с внезапной теплотой в голосе произнёс охранник. — С пониманием человек. Личность!

— Что можете сказать об убитом? — спросил Кречетов, доставая блокнот.

— Это о Ваське-то? — Матвейч снова зло сплюнул. — Баклан приклатнённый. Гонору и понтов на законника, а случись ему сесть на кичу, самое его место — петушиный угол.

— Понятно, — кивнул Кречетов, делая пометку в блокноте. — А вам доводилось с ним встречаться незадолго до убийства?

— Было, заходил Васька в ночь, когда я дежурил, — неохотно признал Матвейч. — Принёс водки с закусью. То да сё, дескать, выпить не с кем.

— Ну, и?

— Выпроводил я его, — сурово сказал Матвейч. — Мне, начальник, не по масти с бакланом дружбу водить.

— Ясно, — сказал Кречетов, закрывая блокнот. — А напарник ваш?

— Славка? Фролов? — Матвейч покачал стриженной головой. — Запил, стервец. Ещё и с бабой какой-то спутался. Молодой ещё, шалопутный. Сегодня-то как раз его смена. Я на замену вышел. Иван Степаныч упросил, а я для Ивана Степаныча...

— Ясно, — перебил его Кречетов. — Спасибо за сотрудничество, Юрий Матвеевич. Постарайтесь не покидать пределов места проживания в ближайшие дни.

Кречетов сошёл с крыльца, но услышал слова, адресованные ему в спину:

— И ещё про Кота, начальник. Когда я его спровадил, решил чай погонять...

Кречетов обернулся с пробудившемся интересом.

— Чаёк у меня в термосочке, — продолжил Матвейч. — Сам завариваю с чабрецом, с мятой. Веришь, начальник, пяти минут не прошло, сморило меня так, что я всю ночь за пультом продрых. Сроду такого не было. Должно быть, Кот, пока крутился в сторожке, подсыпал мне что-то в термос. Только, начальник, ты про это Ивану Степанычу ни гу-гу, лады? А то получается, подвёл я его, уснул на шухере.

Итак, убитый Котов одного за другим усыплял охранников, чтобы те не стали свидетелями какого-то действия. Если бы намечалась обычная кража, то достало бы и

одного раза. Значит, что-то сообщники за одну ночь не успели...

— Договорились, — пообещал Кречетов, несколько удивлённый откровенностью бывшего сидельца. — Скажите, Юрий Матвеевич, а камеры возле пруда имеются?

— Нет, а на кой они там? — удивился охранник. — Камеры только в здании, у входа и на алее. А у пруда два раза за ночь мы обход делаем. Браконьеры замучили, спасу нет. Карпа зеркального ещё мальком из Голландии завезли. Теперь-то он подрос. Рыбины здоровенные, с рук едят. А они их, паразиты, бреднями. А то и пацанье со своими нырётками. Если не уследить, изведут всю рыбу под корень за одно лето.

— Стало быть, в ваше дежурство обхода не было?

— Не было, — угрюмо вздохнул охранник.

Пока Кречетов совершал визит в сторожку, площадка перед особняком снова опустела. И художники, и зеваки, утолив творческий голод, отправились утолять голод телесный.

Антон зашёл попрощаться с директором перед отъездом, однако у кабинета Дольского его ожидали двое: пожилой импозантный мужчина европейской наружности и юная белокурая девушка с косой. Оба заметно волновались.

Мужчина отрекомендовался Луи Кастором, спутница представилась сама.

— Луиза Кастор. Дедушка плохо говорит по-русски. Я буду переводить.

Кречетов жестом пригласил их проследовать в кабинет и вошёл вслед за ними.

Кастор устало опустился в антикварное кресло, положил руки на трость и начал говорить. Луиза едва поспевала транслировать его сбивчивую, наполненную трагизмом речь.

— Это я, это я во всём виноват, — уверял Кастор, глядя на следователя исполненными раскаянья глазами. — Я скрыл от господина Дольского кражу.

— Кражу? Вы имеете в виду украденную картину?

— Нет, нет, господин комиссар, — покачал головой Кастор. — У меня украли письмо. Это случилось в день моего приезда.

— Вот как?! И отчего же вы не сообщили о краже?

— Об этом попросил господин Громов, он руководит фестивалем.

— Громов? Илья Евгеньевич?

— Да, да, он самый, — горячо подтвердил Кастор. — Этот господин убедил меня, что Дольский будет весьма огорчён кражей. К тому же, осталась электронная копия письма.

— Да, я с ним ознакомился, — кивнул Кречетов, делая очередную пометку в блокноте. — А как произошла кража?

— Это был человек в чёрном, — с готовностью ответил Кастор. — Он забрался в номер через балконную дверь.

— Так вы его видели?

— Увы, — печально вздохнул француз. — Было темно, и я различил лишь силуэт. К тому же, на ужине я выпил лишнего. «Северное сияние», — произнёс он по-русски. — Шампанское и водка.

Луиза укоризненно посмотрела на дедушку, а Кречетов сочувственно кивнул.

— Какие-то ценности были похищены?

— Только письмо, — покачал головой Кастор. — И ещё, господин комиссар, — он нервно постучал тростью о пол. — Во Франции ко мне приходил человек с предложением продать ему это письмо. Предлагал две тысячи евро. Я отказался.

— Две тысячи за письмо?!

— Я подумал, что это какой-то сумасшедший, — развёл руками Кастор. — Во Франции много потомков русских эмигрантов, готовых потратиться на подобную редкость. Он также интересовался картиной.

— А почему вы решили, что он, непременно, русский?

— Акцент, господин комиссар, человек дурно говорил по-французски. И ещё, — Кастор подался вперёд и заговорил тише. — Я слышал этот голос здесь, в поместье, во время ужина. Самого говорящего я не видел, но голос был тот самый, я узнал его.

— Grand-père, tu as dû te tromper, — шепнула деду Луиза, — D'où vient cet homme de France?^[7]

— Нет, нет, — горячо возразил Кастор, — это был именно тот голос.

— А вы смогли бы опознать этого человека?

— Тот, что хотел купить письмо, был с рыжими волосами и бородой. К тому же, на нём были тёмные очки. Здесь я таких не видел, — покачал головой француз.

«Рыжие волосы, борода и очки, конечно же, камуфляж, — понял Кречетов. — Но какая нацеленность на результат! Не вышло во Франции, завладел письмом здесь, в России. Пошёл на кражу. Неужели, клад, действительно, существует? Если это так, тогда мотив ночного убийства налицо. А вдруг, клад уже найден и извлечён из пруда? Тогда убийцу найти будет гораздо труднее. Придётся попридержать фестивальную публику, пока не разбежались, как тараканы. И особенно господина Громова. Уж больно подозрительно он скрыл кражу письма. И ещё вопрос: не был ли этот персонаж в последнее время во Франции?»

Эту мысль Кречетов занёс в свой блокнот и, поблагодарив Касторов, отпустил их из кабинета.

После аперитива заговорили о происшествии.

— Как хотите, господа, но здесь не обошлось без потустороннего, — заявил драматург Шалапутников, наливая в опустевший стаканчик самогона, подкрашенного клюквенным морсом. — Сами посудите: ночь, графские сокровища, дама в белом, вышедшая из пучины, и окровавленный труп! Каков типаж, господа! Каков нерв события! Нет, нет, я обязательно возьмусь за перо.

— А я уверена, что это преступление страсти, — томным шёпотом произнесла Кутеева. — Не забывайте, что труп найден у Поцелуева камня. Убийца выследил своего соперника и поразил в сердце. Как это волнует, как возбуждает! Я бы безропотно отдалась тому, кто готов бы был на подобную дерзость. Глаза Кутеевой мечтательно затуманились, и она стала декламировать, покачиваясь на стуле:

Ночь приоткрыла заветную дверцу
Чёрного солнца жадный оскал
Кровь на траве — пронзённое сердце
Капли вина — разбитый бокал

— Это Игорь Северянин? — робко поинтересовался Веня Романов.

— Нет, деточка, это из нынешних, — усмехнулась Кутеева, с интересом разглядывая восторженную физиономию Вени. — Если хочешь, я познакомлю тебя с творчеством этого автора в более куртуазной обстановке.

При этом она как бы ненароком провела пальцем по краю обширного декольте.

— Этот ваш декаданс — мещанство и пережиток, — звонким голосом заявила Маша Жиганова. — Мы с Беном предпочитаем другую поэзию.

Маша положила на руку юноши свою ладонь.

— Верно я говорю, Бен? — требовательно спросила она.

Веня рассеянно кивнул, с трудом отнимая взгляд от примечательного бюста поэтессы.

— А я думаю, банальная бытовуха, — раздался бесшабашный голос Хвастова. — Повздорили мужики. Слова за слово, сначала по мордасам, а потом и до багра дело дошло.

— А как же привидение? — возразил Шелапутников. — Говорят, видели его недалеко от места преступления. — Нет, нет. Тут, господа, непременно тайна.

— А ну вас с вашими приведениями, — отмахнулся Хвастов, наливая третий стаканчик аперитива. — А не соорудить ли нам, братцы, банчишко, пока горячее не принесли? По маленькой, на желания.

Желающих не нашлось. Все помнили печальный опыт Апашина, дефилирующего гольшом по ночным деревенским улицам.

— А кто видел нашего сюзерена Илью Евгеньевича? — неожиданно спросил Карамазов.

— Он ещё после обеда куда-то подорвался. Прыгнул в машину и укатил. Спешил, точно на пожар.

— Стая осталась без жоака, — весело констатировал Хвастов. — Предстоит ночь наслаждений. Я требую вина и порочных женщин! Братцы, как у нас с горячительным?

— Литра три самогона, мой генерал, — по-военному доложил Шелапутников. — Кроме того, имеется портвейн и сливовица в размере шести бутылок. Для настоящей оргии маловато.

— Портвейн и прочее баловство выдать куртизанкам, — скомандовал захмелевший Хвастов. — После ужина идём в набег на деревню. Будем добывать самогон, как менестрели — пением и силой таланта.

— Побьют, — возразил Апашин. — Они ещё в прошлый раз грозились.

— Тебя, Аркаша, оставим в лагере оберегать целомудрие женщин и боеприпасы, — бросил ему Хвастов. — Твоё второе явление может вызвать крестьянский бунт.

Предвкушая нескучную ночь, художники и литераторы наполнили опустевшие стаканчики и выпили кроваво-красный самогон.

Утром следующего за убийством дня на почту Кречетова пришёл отчёт из лаборатории.

В древесине дровяка багра были обнаружены частицы донного ила и фрагменты водорослей, из чего выходило, что багор был тот самый, что в прошлом году утопил охранник при неуклюжей попытке подцепить сеть. Вот только как утопленный багор мог поучаствовать в убийстве? На дровяке также обнаружены были застрявшие в заусенце нитки чёрного цвета. О происхождении ниток догадаться было нетрудно. Наверняка, обычная перчатка. Что ж, какая-никакая, а зацепка.

С книгой повезло больше. На заднике суперобложки обнаружили отпечатки пальцев и пятно крови. Анализ крови убитого был ещё не готов, но Кречетов и так понимал, что кто-то ненароком испачкал палец и наследил. Вот только убийца ли? Ведь если тот, кто убил гражданина Котова, был в перчатках, то зачем было их снимать? Да и сама книга. Вряд ли убийца прихватил её с собой, чтобы полистать перед тем, как ударить человека багром. Выходит, там, на берегу, был и ещё кто-то. Сообщник или свидетель? Впрочем, автор книги был налицо. Некий Мэрил Джет. Кречетов полистал запачканные, новенькие страницы, но, поскольку в поэзии был не силён, со вздохом закрыл — до поры до времени.

Обо всём этом Кречетов размышлял по дороге к усадьбе. План следственных мероприятий на предстоящий день был примерно таким: разобраться, куда и зачем уехал организатор фестиваля Громов; выяснить, бывал ли он месяц назад в Париже; разыскать третьего охранника, не вышедшего на работу. На десерт оставались окровавленная книга и украденная картина. Если считать с десертом, немало. Впрочем, кое-что он надеялся узнать из опросов свидетелей, пригласить которых распорядился уже с утра.

Распоряжение было выполнено: возле особняка Кречетова ждала маленькая молодёжная делегация — три хорошенькие девушки и парень.

У всех были серьёзные, напряжённые лица без тени улыбки. На миг Антон встал на их место: из юной, беспечной, артистической среды с песенками, стихами, спектаклями и ночными гулянками эта компания в одночасье попала в другой мир — жестокий и суровый. Мир, где человеческая жизнь ничего не стоит. Где её, не задумываясь, отнимают одним ударом. Наверняка эти ребята не задумывались о том, как близки эти миры друг к другу и как тонка между ними граница. Скорее всего, они столкнулись с этим впервые, и, пожалуй, не позавидуешь сейчас их душевному состоянию. Конечно, это не допрос по всей строгости и форме. Но для них сейчас нет разницы: они встают перед необходимостью отвечать за свои слова. Ничего, когда-нибудь это наступает в жизни человека — момент взросления, порог ответственности. Возможно, это наступит сейчас. Сейчас, когда они будут отвечать на такие простые, но такие трудные вопросы.

— Имя, фамилия, отчество.

— Романов Вениамин Борисович.

— Работаете, учитесь?

— Учусь на четвёртом курсе Политехнического института.

— Как вы попали на территорию музея-усадьбы?

— Меня направила литературная студия «Лёгкое перо».

— Каким образом вы оказались на месте преступления?

— Мы прогуливались с моей подругой Машей.

— Марией Жигановой?

— Да. Мы прошли по аллее от дворца, потом спустились к пруду, чтобы дойти до Поцелуева камня.

— Вы гуляли с какой-то целью?

— М-м, у девочек была идея разоблачить привидение, они считали, что кто-то мистифицирует здешних жителей.

— То есть, это была не ваша идея?

— Нет, конечно, я был уверен, что это выдумки.

— Как был обнаружен труп?

— Было довольно темно, а я не очень хорошо вижу в полумраке. В общем, Маше показалось, что на берегу лежит чья-то одежда. Она решила, что именно здесь произошло переодевание «привидения» или «ныряльщиков». Она подбежала к этой... мм... груди, но споткнулась о сапог. Она очень испугалась, закричала, выронила сумочку и кинулась прочь... Я подобрал сумку и книжку, которая выскользнула из сумки и упала рядом с убитым. Побежал за Машей, хотел передать ей вещи, это был последний экземпляр её книги, она ей дорожила. Но она испугалась крови на обложке, опять закричала, отшвырнула книжку и побежала дальше... Буквально через минуту нас встретили Даша с Луизой. Надо было что-то делать, мы вернулись во дворец. Встретили садовника, привели его на берег. Собственно, всё.

— Посмотрите, это та самая книга?

— Да, это она. И кровь на ней...

— Здесь написано «Мэрил Джет».

— Да, это Машин литературный псевдоним.

— Спасибо, Вениамин, за помощь следствию, распишитесь здесь и здесь. И пригласите сюда Марию Жиганову.

— Фамилия, имя, отчество, возраст?

— Жиганова Мария Сергеевна. Девятнадцать лет.

— Учитесь, работаете?

— Перешла на третий курс педагогического Университета.

— Как вы попали на территорию музея усадьбы?

— Меня... я была в числе приглашённых от студии «Лёгкое перо».

— Как вы оказались на месте преступления?

— Преступ... я... мы гуляли с... моим другом, и я нечаянно...

— С кем именно вы гуляли?

— С Беном. То есть, с Веней, с Вениамином Романовым.

— Как давно вы знакомы с Вениамином Романовым?

— Очень давно, мы ещё в школе ходили в эту студию... он тоже поэт...

— Поэт. Очень хорошо. Вы гуляли возле пруда. С какой целью вы отправились в такую дальнюю прогулку?

— Вообще... мы без особенной... Шли потихоньку... Мы ждали Дашу. И вот, шли, читали стихи...

— Читали стихи в темноте?

— Нет... то есть да, в темноте... наизусть читали.

— Шли и читали стихи, хорошо. Вы не волнуйтесь. При каких обстоятельствах вы обнаружили тело?

— Мы... шли... и я нечаянно... В темноте мне показалось, кто-то забыл одежду, и... я как-то подбежала... в общем, я споткнулась. И я... и...

— Успокойтесь, пожалуйста. Вот вода. Успокойтесь. Что было потом?

— Я... не помню. Я уронила сумочку, я очень испугалась... даже не знаю...

— Вы выронили сумочку и, наверное, закричали?

— Да. Нет, я не помню, совершенно не помню. Даша сказала, что да, кричала...

— Кто это Даша?

— Моя подруга, Даша Дольская. Мы собирались вместе, она, Луиза...

— Луиза Кастор? С какой целью вы все собирались на берегу пруда?

— Мы... мы хотели выяснить, кто пугает народ в лесу. Все говорили о привидении, и мы решили... и, когда мы увидели одежду... я подумала... мы подумали...

— Вы не волнуйтесь, что вы подумали?

— Подумали, что кто-то переоделся, надел эту простыню, а одежду бросили здесь — и вот сейчас мы разоблачим... Даше очень хотелось разоблачить... я обрадовалась...

— Хорошо. Успокойтесь, пожалуйста. Скажите, вам знаком этот предмет.

— Д-да, это м-моя книга... Она выпала там... Там...

— Где именно она выпала? Не надо плакать, вам ничего не грозит.

— Ну, возле этого... Бен поднял и... там кровь... Я даже не знаю, куда она делась. Я очень испугалась... Побежала в ужасе куда-то, сама не своя, Бен меня догнал, в общем, я не помню...

— Спасибо, прочитайте и подпишите. Не волнуйтесь так, вам ничего не грозит. И, пожалуйста, не плачьте. Пригласите в кабинет Дольскую Дарью.

— Фамилия, имя, отчество, возраст.

— Дольская Дарья Васильевна. Восемнадцать лет.

— Работаете, учитесь?

— Перешла на второй курс педагогического Университета, факультет искусствоведения.

— Каким образом вы попали на территорию музея-усадьбы?

— Как «каким образом»? Я здесь работаю сейчас, это моя летняя практика. И вообще... я выросла в этом имении, это место работы дедушки, я здесь каждый кустик знаю.

— Каждый кустик... очень хорошо, так и запишем. Значит, знаете каждый кустик... так.

При каких обстоятельствах вы очутились на месте преступления?

— Мы бежали с Луизой. Мы опаздывали.

— С Луизой Кастор?

— Ну да. Но вообще, нет. Я вам скажу правду. Вот, слушайте. Это я застрельщица. Это я всех собрала. Мне нужно было поймать привидение. И кто-то там ещё с лодки нырял, с фонариком, я подумала: мальчишки, а дедушка волнуется за парковый ансамбль, в пруду рыбу разводили специально, а эти всякие лезут и портят. Я хотела поймать привидение и разоблачить перед всеми, чтобы люди поняли. Я не могла допустить, чтобы в этом прекрасном парке, где я росла, кто-то чего-то боялся, понимаете? Я не хочу этого допускать! Мы должны были встретиться на пруду и там караулить. Мы ещё хотели носом натывать. Я даже верёвку приготовила.

— Верёвку. Чтобы носом натывать?

— Ну да! Сначала связать — а потом натывать.

— Смелый план... Итак, вы бежали к пруду.

— Ну, да, мы бежим и слышим: Мэрил орёт.

— Кто это — Мэрил?

— Машка. Маша Жиганова. Наша хорошая подруга.

— Почему вы решили, что кричала именно Мария Жиганова?

— Просто... Ну, а кто ещё? Ну, хорошо, в общем, пишете: кричала женщина.

— Кричала женщина... Хорошо, дальше.

— Дальше мы с Луизой как дунули... побежали, то есть. А там Мэрил и Бен... бегут навстречу. То есть, Мария Жиганова и эээ... Вениамин Романов.

— Вы были знакомы ранее?

— Ну, конечно, с Мэрил мы ещё в школе ходили на драму.

— Куда, простите, ходили?

— На драму. В театральную студию. А потом в Университете опять на драме встретились, и потом на ролёвке.

— Где, простите, встретились?

— На ролёвке. На ролевой игре. Исторические реконструкции. У нас от Университета проходят.

— Понятно. Итак, что вы увидели, когда прибежали к пруду?

— Ну, мы прибежали, смотрим, Мэрил орёт, как реза... ээ... как ненормальная. Я смотрю издали — вроде, мужик лежит, вроде мёртвый. Но издали не скажешь. Как куча одежды.

— Вы приближались к трупу?

— Да я вообще ничего не успела! Мэрил так орала, у неё форменная истерика началась, а Бен сказал: надо срочно полицию. Ну раз срочно, мы как дунули к дому все вчетвером. А Мэрил не может, она прямо падала, как подкошенная...

— Какие действия вы предприняли далее?

— Я хотела к участковому, Бен сказал — к охранникам. Дедушку будить не стали, его инфаркт хватит. И тут нам навстречу — Данилыч. Ну, Пётр Данилович, садовник наш. Мь — к нему! А он не верит: говорит, в темноте померещилось, надоели мне ваши привидения, все с ума посходили. А мы уже тоже думаем, может, и правда, померещилось. А уже светает, и теперь уже всё видно. В общем, уговорили его, повели на то место, а Луизу оставили с Мэрил, её реально надо было откачивать... то есть, это... в чувство приводить. В общем, прибегаем втроём, а там уже участковый наш. Оказалось, пацаны деревенские раньше нас труп обнаружили. И между прочим, мы их видели, когда к пруду шли, они от нас так и маханули кустами, и правильно, мы бы им уши оборвали за нарушение, потому что на графском пруду запрещено нырётки ставить. Ну и всё... тут утро наступило...

— Скажите, вам знакома эта книга?

— Конечно, это Машкина. Это её стихи. Она ещё на драме стихи писала. Она их всегда писала. Она и драму в стихах один раз написала.

— Эту книгу нашли на месте преступления.

— Она её там потеряла. Последний экземпляр. А можно, я ей отдам? Это точно она, там и фотка её — посмотрите, посмотрите!

— Я вижу фотографию. Значит, вы удостоверяете, что на фото — именно Мария

Жиганова.

— Ну, конечно! Кто же ещё? У неё эта фотка по всем пабликам мотается... И в контакте есть, и в фэйсе есть — вы можете проверить, вы посмотрите!

— Мы проверим.

— А где вы её подобрали?

— Дарья Васильевна, вам не кажется, что вы задаёте вопросы чаще, чем я, следовательно?

— Правильно! И нужно задавать вопросы! Потому что я ничего не понимаю. И дел ничего не понимает. Всё это ужасно! А Мэрил... И что, вы теперь книгу не отдадите?

— Пока нет. У меня к вам вопрос: Каким образом на книге могли оказаться отпечатки пальцев?

— Как это каким образом? Это же её книга. Ну, или Бена!

— Так кому принадлежит книга? Марии Жигановой или Вениамину Романову?

— А какая разница-то? Стихи-то её. Ну, она, может, и подарила Бэну, она многим дарила. И у меня такая есть. Но вы эту-то отдадите?

— Дарья Васильевна, вы просто отвечайте на вопросы, так вы поможете своим друзьям.

— А это ещё не факт, что могу помочь! А если всё только запутается! Нет, я не буду ничего говорить! Я буду говорить только в присутствии своего адвоката!

— Дарья Васильевна, это не допрос обвиняемого. Мы вас просто опрашиваем, как свидетеля. Книга была найдена на месте преступления. На ней следы крови и отпечатки пальцев. У меня вопрос: кому принадлежит эта книга?

— Мэрил, кому же ещё?

— У меня огромная просьба: давать ответы не в вопросительной форме. Договорились?

— Конечно.

— То есть, вы никаких вопросов не задаёте.

— Ну, конечно. А вы что хотите сказать? Что Мэрил вот этого дядьку?! Да она в жизни... она мухи... Она, знаете, один раз увидела раздавленного жука... ну, майского жука... и написала поэму целую. Мы со слезами читали! Вот реально все плакали! Он у неё выходил на дорогу просить милостыню. И его сбила машина. И проехала мимо.

— Простите... кого сбила машина?

— Жука!!!

— Жука... Дарья Васильевна, спасибо. Вы не горячитесь, вашей подруге ничего не грозит. Мы просто обязаны взять подписку о невыезде. До окончания следствия.

— Что? Она здесь будет жить? А учёба? Вы же будете искать три года, а как она учиться будет?

— Против учёбы никто возражать не будет.

— Я тогда тоже никуда не поеду!

— Это ваше право, Дарья Васильевна. Подпишите, будьте добры.

— А Луиза? Луизу позвать?

— Луизу Кастор? Нет, мы не имеем права её опрашивать, как подданную другого государства.

— Как? Вы даже её не позовёте? Но это же... она же расстроится! Она специально пришла, она хочет участвовать! Она обещала рассказать своим подругам во Франции, как она была на допросе в России!

— Передайте ей, пожалуйста, что она освобождена от дачи показаний.

— Как? Но так же нельзя с человеком! Это нарушение прав! Она хочет помогать

правосудию!

— Хорошо, передайте ей, пусть она делает показания в письменном виде.

— Вовремя ты, Никита Степанович, — с облегчением выдохнул Кречетов, когда участковый буквально столкнулся в дверях с пылающей возмущением Дашей. — А то пришлось бы мне к французскому консулу на аудиенцию отправляться или в конвенцию по нарушениям прав человека.

— Дашутка, поди, баламутит-то, ох, она куда хочешь отправит, коза-егоза, — покрутил головой участковый. — Командир почище моей Натальи. А я к тебе, капитан, не с пустыми руками-то.

Никита Степанович с важным видом достал из нагрудного кармана смятый листок и передал Кречетову.

— Информация по баграм, — пояснил он. — Все, как один, на месте.

Кречетов стрельнул глазами по списку, сделанному аккуратным убористым почерком и вернул участковому.

— Оперативно, Никита Степанович, ничего не скажешь, — похвалил он.

— То не я, то Наталья, — смутился участковый. — Весь день вчера по деревне бегала.

— Передайте ей мою благодарность. Теперь, по поводу экспертизы. Багор, похоже, тот самый, что утопили прошедшим летом.

— Откуда ж он взялся?

— Со дна пруда. Видно, в самом деле, кто-то графский клад ищет. А, может быть, уже и нашёл.

Никита Степанович с сомнением покачал головой.

— Этот клад уже сколько лет ищут, да всё без толку, — сказал он.

— Тот, кто ищет, знает точное место, — пояснил Кречетов. — А ведь вы не всё мне доложили, Никита Степанович, — сказал он, заметив хитрецу в глазах участкового. Ну-ка, выкладывайте, что припрятали.

Участковый огляделся по сторонам и, понизив голос почти до шёпота, сообщил:

— По оперативным данным, Верка Кондратьева купила у Емельянихи литр самогона.

— Кто такая Верка, и почему это так важно? — спросил Кречетов.

— Верка Кондратьева, разведёнка, — пояснил участковый. — К ней по мужской надобности полдеревни шастает.

— И что с того? Мы с вами не полиция нравов.

— С Веркой этой в последнее время двое крутили: Кот и Славка Фролов, охранник. На этой почве и повздорили. Говорят, третьего дня драка меж ними вышла.

— Вот оно что, — осознал важность информации Кречетов. — Вы считаете, Славка Фролов у этой вашей разведёнки затаился?

— Больше негде, — уверенно кивнул Никита Степанович. — Домой к себе он неделю носа не кажет. Да и самогонку не для себя брала.

— Что ж, Никита Степанович, едем в деревню, — сказал Кречетов, вставая. — Пора познакомиться с гражданином Фроловым.

Машины оставили в проулке, чтобы не всполошить гражданку Кондратьеву и её постояльца.

— Вон тот дом, третий справа, за заборчиком, — сориентировал участковый.

Кречетов постоял возле машины, осматривая дом. Обычный деревенский пятистенки. Большие окна с резными крашеными наличниками. Сбоку крыльцо и летняя веранда. Ничего особенного.

— Второй выход есть? — спросил он участкового.

— Выхода нет, — ответил тот, явно ожидая такого вопроса. — Есть окно в сад.

Кречетов вынул из наплечной кобуры плоский чёрный пистолет и проверил обойму.

— А ты, Никита Степанович, почему без табельного? — спросил он с некоторой укоризной.

— А на что мне? — отмахнулся участковый. — Моё табельное всегда со мной.

Он продемонстрировал громадный кулак, и Кречетов не стал спорить об уставе, памятуя как Никита Степанович одним ударом свалил битюга с топором, которого не могли скрутить трое омовцев.

— Никита Степанович, давай под заднее окно. На случай, если Славка решит уйти по-английски.

— Сделаем, Антон Васильевич, не уйдёт, — заверил участковый.

Калитка была не заперта. Никита Степанович пригнув голову, прокрался к задней стене дома и занял позицию. Кречетов, нарочито громко топая, прошёл по скрипучему полу веранды и постучал в дверь.

В доме загомосилось, однако, открывать не спешили. Кречетов постучал ещё раз. Внутри замерло.

— Гражданка Кондратьева здесь проживает? — спросил Кречетов громким казённым голосом.

Из-за двери послышалась короткая тихая перебранка.

— Чего надо? — раздался наконец встревоженный женский голос.

— Откройте, Вера, надо поговорить.

— Я болею, в дом не впущу.

«Тянет время, — понял Кречетов. — Надеется, что ухажёр через окно улизнёт».

В этот момент со стороны сада послышался стук распахнутого окна, и звуки короткой схватки.

— Всё в порядке, Антон Васильевич, — послышался довольный голос участкового. — От нас по-английски не уйдёшь.

Кречетов кинулся во дворик.

Навстречу ему Никита Степанович уже выводил из-за угла худого жилистого парня с заломленными за спину руками. Парень стонал, но всё ещё пытался вырваться из железных лап.

— Славка Фролов, собственной персоной, — представил парня Никита Степанович, не обращая внимания на сопротивление пленника.

Кречетов заглянул в лицо парня — ожесточённое, с громадным багровым фингалом.

— Кто это тебя так разукрасил? — поинтересовался он.

Парень угрюмо молчал, глядя из-под упавших на лоб волос.

— Отпустите его! — внезапно раздалось истошное, и во двор с крыльца скатилась по ступеням молодая женщина, босая, в едва запахнутом цветастом халате. Её огненно-рыжие волосы горели, как флаг. Скромный палисадник сразу запылал цветом.

— Славик!.. Отпустите его, он ни в чём не виноват!

Подскочив к участковому, рыжая дама, не раздумывая, вцепилась ему в физиономию, а потом принялась молотить его маленькими крепкими кулачками, то одним, то другим — второй рукой она безуспешно пыталась прикрыть себя полами халата.

— Гражданка Кондратьева, прекратите! — бросился к ней Кречетов.

Гражданка Кондратьева на призывы не откликнулась, халат её предательски распахивался, и Кречетову приходилось то и дело отводить глаза от обнажённой натуры.

— Гражданка Кондратьева, прекратите брыкаться, — шипел Кречетов, стараясь отодрать её от участкового, — отпустим мы вашего сожителя.

— Сожителя?! — ещё больше взъярилась неугомонная гражданка. — Да он мне предложение вчера сделал! Он мне муж уже! А ты на него, ментяра поганый, хочешь дело повесить!

— Верка, охлони, — грозно бросил ей участковый, у которого по щеке уже текла свежая струйка крови, — и платью застегни, не позорься перед обществом.

— Вер, не надо, — тихо, но отчётливо произнёс Славик. — Я так и так не виноватый, разберутся, отпустят, а тебя за сопротивление упекут.

— А как я теперь одна-то, — заголосила в отчаянии Верка, запахивая халат и переключаясь на насущное. — Обещал ведь по-хорошему, через ЗАГС...

Только теперь Кречетов разглядел синяк и на Веркином лице. Он был не таким красочным, как на лице будущего мужа и располагался, в отличие от своего собрата, под правым глазом. Верка прикрыла его ладонью.

— А у вас откуда бланш, гражданка? — строго спросил Кречетов.

— Это я приложил, — угрюмо сознался Славик. — Полезла разнимать, когда мы с Котом сцепились...

— Ясно, — сказал Кречетов. — Никита Степанович, отпусти ты его, а то и вправду плечо вывернешь.

Участковый, судя по укоризненному взгляду, был не согласен с Кречетовым, но хватку ослабил, и подозреваемый высвободился из его лап.

— Славик! — кинулась к нему Верка и повисла на шее.

«У этой хватка покрепче будет, чем у Степаныча, — подумал Кречетов, наблюдая за проявлением чувств».

— Славик, скажи им, что ты у меня был ночью, когда Ваську убили, — затараторила Верка, прижимаясь лицом к небритой щеке подозреваемого.

— Гражданочка, вы бы поосторожней с советами, — предостерег Кречетов. — А то привлеку за сговор.

— Правду она говорит, — угрюмо заявил Славик. — У ней я третий день зависаю.

— Подтвердить кто-то может?

В ответ Славик только пожал плечами.

— Ясно, — вздохнул Кречетов. — Прошу в машину. И давайте, гражданин Фролов, без резких движений.

— Я что, арестован?

— Пока задержан в качестве подозреваемого, — пояснил Кречетов.

Верка принялась было выть, но Славик отстранил её от себя и зашагал к калитке. Блестя быстрыми слёзами, размахивая рыжими кудрями, Верка ринулась вслед за суженым, но Никита Степанович погрозил ей кулаком.

До машины шли молча. Только участковый кряхтел, вытирая кровь с раны большим носовым платком. Лишь, когда уселись в кабину, Кречетов спросил расположившегося на заднем сидении Славку:

— Почему на дежурство своё не вышел?

— Как я с такой рожей на работе-то появлюсь? — буркнул Славик. — Да и башка после драки кружилась два дня. Здорово Кот приложил, паскуда. Наверное, сотрясение мозга.

— Нечему там сотрясаться, Славик, — проворчал участковый, устраиваясь поближе к подозреваемому.

Славик, обиженно сопя, усталился в окно. Следователь Кречетов включил зажигание, и машина весело понеслась вдоль узкой деревенской улицы в сторону большака.

После полудня на почту Кречетова пришло два сообщения из оперативного отдела:

«По вашему запросу относительно пребывания гражданина Громова Ильи Евгеньевича во Франции выяснено следующее:

Гражданин Громов побывал в Париже в составе смешанной делегации от областного министерства культуры в период с 10.05 по 17.05. сего года. Сканы проездных документов и распоряжения по министерству прилагаются».

Итак, теперь вполне объяснимо странное поведение чиновника и его неожиданный отъезд. Теоретически, Кастор должен был узнать его по голосу. Но... не узнал. Хотя и утверждал, что слышал этот голос, тут в усадьбе. То есть, сходилось всё, кроме опознания по голосу. Значит, с рыжей бородой к Кастору приходил кто-то другой, не Громов... И этот «кто-то» был здесь. А, может быть, он здесь и сейчас. Сообщник? Вполне, может быть. Нужно получить списки всей делегации. Или француз, действительно, ошибся.

Второе сообщение усиливало возводимый фундамент подозрений:

«Согласно полученного ордера на отслеживание информации по гражданину Громову, установлен факт оплаты с его карты в магазине „Спортмастер“ по адресу: г. Тула, Октябрьская, 91, следующих товаров:

— Фонарь подводный „Philips“ — 1 шт.

— Ласты для плавания „Joss“ — 1 пара.

— Маска с трубкой для снорглинга „Bradex“ — 1 шт.

— Гидрокостюм „Sargan“ (чёрный) — 1 шт.

Оплата произведена 13.06. в 14.29».

Прочитав список, Кречетов присвистнул. Вот, значит, за каким реквизитом так спешил гражданин Громов. Прямо, День Нептуна какой-то...

Поразмыслив, Кречетов решил не форсировать событий. Раз сделана такая покупка, стало быть, Громов поспешит извлечь клад и будет торопиться, чтобы не опередили. Оставалось подготовить засаду и взять чиновника с поличным. То есть, заниматься тем, что Кречетову было по душе. Тем, что он умел делать хорошо. А потом можно и обыски производить. И, наверняка, и картина, и оригинал письма отыщутся.

Подготовку засады начинать надо было незамедлительно. Найти подходящее место на берегу пруда, обустроить на случай длительной лёжки и дождя. Он не сомневался, что захват

произойдёт этой же ночью.

Кречетов набрал номер участкового и объяснил ему диспозицию. Теперь за провиант и одеяла можно было не волноваться. Хлопотливая Наталья подготовит им такой паёк и амуницию, что можно будет отправляться на полюс.

Оставалась только одна проблема, да и та сугубо техническая. Необходимо было заснять все действия господина Громова на камеру. Ночью, под возможным дождём и с приличного расстояния снимать будет непросто. А потом ещё потребуется и монтаж. Тут нужен профи. И такой в поместье имелся.

Оператор Макс Караваев обнаружился у себя в номере. Несмотря на дневное время, мэтр спал — прямо в одежде, на неразобранной кровати и обняв во сне треногу штатива. В густо накуренном помещении стоял такой самогонный дух, что воздух казался непрозрачным.

Лавируя между пустых бутылок и банок с окурками, Кречетов протиснулся к окну. Когда в распахнутую створку ворвался, неся свежесть, летний ветерок, оператор недовольно повёл носом и приоткрыл глаза.

— Что, уже пора? — спросил он хрипло и сел на кровати, подтягивая поближе штатив.

— Куда пора? — переспросил Кречетов, разглядывая служителя главнейшего из искусств.

Макс Караваев совершенно не соответствовал своей аппетитной фамилии — был он худ, сутул и больше всего походил на измождённого богомола.

— Курить есть? — спросил оператор, пытаясь сфокусировать взгляд на неожиданном госте.

— Бросил, — ответил Кречетов, присаживаясь на стул, предварительно смахнув с него окурков.

— А ты кто? — спросил оператор, хлопывая себя по карманам. — Насчёт вечернего шоу?

— Скорее, насчёт ночного, — усмехнулся Кречетов.

Оператор сделал ещё одну попытку сфокусировать взгляд на собеседнике. На этот раз всё получилось.

— А я тебя помню, — заявил он, откладывая штатив в сторону. — Ты — мент. Насчёт убийства тут кантуешься.

— Вот и славно, — кивнул Кречетов. — Значит, представляться не придётся. Слушайте сюда, Максим Леонидович.

Караваев слушал внимательно, но личного интереса к затее не проявил.

— На кой мне комаров-то задарма кормить, — напрямую объявил он.

— Эксклюзив, — терпеливо открыв козыри Кречетов. — Вы снимете уникальный репортаж о задержании преступника. Такой материал любой канал оторвёт с руками. Опять же, гражданский долг.

На гражданский долг оператор поморщился. Но мысль об эксклюзиве заработала в нужном русле, и Антон себя поздравил.

— Значит так, — сказал маэстро, пожевав тонкими губами. — То, что сниму, моя собственность. С правом публикации в любых СМИ. Годится?

— Годится. Не забудьте только копию мне отдать.

— Само собой, — кивнул оператор. — Так, вечером я концерт снимаю. Часам к девяти освобожусь.

— Раньше и не надо, — заверил Кречетов. — Дождь съёмке не помешает?

Оператор перегнулся через спинку кровати и поднял с пола большой чёрный кофр с синими буквами «Canon».

— Обижаете, гражданин следователь, — сказал он, любовно кладя кофр на колени. — Моя старушка ни разу не подводила. Формат 4К, фильтры, инфракрасная подсветка. Кино

будет, как в Голливуде.

После обсуждения всех деталей Кречетов и совсем уже повеселевший мэтр Караваяев ударили по рукам. Оставалось дожидаться ночи.

Громов прикатил из города в половине восьмого и, забрав из багажника машины две больших сумки, закрылся в номере.

— Прекрасно, — весело сказал Кречетов, наблюдавший его приезд из окна директорского кабинета. — Теперь он от нас никуда не денется.

Никита Степанович, третий час томившийся ожиданием, тоже заметно оживился.

— Скорей бы уж, — проворчал он. — Не пообедали нынче толком. Похоже, и не поужинаем.

Место засады Кречетов с участковым оборудовали заранее в кустах возле аллеи, соорудив что-то вроде шалаша и тщательно его замаскировав. Не пройти мимо укрытия по пути к лодочной станции кладоискатель никак не мог. Оставалось лишь ждать сумерек. Наверняка, Громов не отважится отправиться к пруду засветло.

Так и вышло. В начале десятого, как только на лужайке перед особняком вспыхнули фонари, Громов, озираясь, вышел из гостевого дома и, никем не замеченный, заспешил по дорожке в сторону пруда, сгибаясь под тяжестью здоровенной сумки. Он был одет во всё тёмное и явно спешил. С его стороны это было разумно: подходил к концу конкурс чтецов, и оживлённая толпа его подопечных вот-вот должна была разбрестись от летнего театра по всему парку.

Вслед за чиновником из двери гостевого дома выскользнула женская фигура, облачённая в чёрный балахон.

— Это ещё кто? — удивлённо спросил Кречетов, глядя на тёмную фигуру, догнавшую Громова.

— Похоже, они заодно, — сделал несложный вывод участковый, видя, как обе фигуры продолжили движение совместно.

— С дамой разберёмся потом, — бросил Кречетов. — Пора нам торопиться, Никита Степанович.

Они торопливо вышли из кабинета и, покинув особняк, припустили напрямки к своему убежищу. Громову и его спутнице, идущим по аллее, нужно было минут семь, чтобы достичь места засады.

Держащий себя в неплохой форме, Кречетов добежал до укрытия первым. За ним, заметно отстав, примчал участковый. Они рухнули под кусок брезента, служивший навесом, и замерли. Вскоре, со стороны аллеи раздались шаги и приглушённые голоса. Наконец, две фигуры, мужская и женская, вышли из-за поворота.

— Ты не понимаешь, — бубнил мужской голос. — Этого хватит и на Париж, и на жаркие страны. Хочешь, улетим прямо завтра?

— Чтобы ты бросил меня там, в Париже, и смылся с какой-нибудь сучкой? — прозвучало в ответ. — Нет уж, сначала оформим отношения, а уже потом дальние страны...

Шаги затихли, и силуэты растворились в сгустившихся сумерках.

«Что им всем в этом Париже, мёдом, что ли, намазано? Мне бы отпуск на месячишко, да денег вольных, закатился бы в Карелию или, ещё лучше, на Белое море» — подумал Кречетов, мучительно пытаясь вспомнить, когда в последний раз случался у него отпуск.

В кустах со стороны особняка затрещало.

— Еле вас отыскал, — раздался голос оператора, и к шалашу, отдирая от штанов колючие ветки, вышел Макс Караваев.

— Не опоздал? — спросил он, ставя штатив на траву.

— В самый раз, — бросил ему Кречетов. — Успеете подготовиться. Наши следопыты сейчас, наверное, сели в лодку. Скоро мы их увидим.

— Следопыты? Вы же говорили об одном человеке.

— Баба какая-то с ним увязалась, — пояснил участковый.

— Баба так баба, — профессионально не удивился оператор и принялся готовить аппаратуру. Ему было явно всё равно, сколько народу попадёт в кадр.

Наконец, лодка обозначила себя плеском вёсел.

Предположение Кречетова сбылось: силуэт лодки с двумя тёмными фигурами замер метрах в двадцати от берега напротив места убийства. Оператор немедленно приник к камере и принялся настраивать зум и инфракрасную подсветку. В лодке произошло шевеление и в воду плюхнулось что-то тяжёлое, должно быть, якорь.

— Готово, — сообщил Караваев, — съёмка идёт.

Он охлопал себя по карманам и извлёк пачку сигарет.

— А вот курить погоди, — шепнул Кречетов. — Ветерок в сторону пруда.

Караваев с сожалением кивнул, но всё-таки не удержался: достал сигарету и, размяв её в пальцах, приложил к носу. Сердобольный Никита Степанович понял жест завязтого курильщика, тихо предложил флягу — явно не с лимонадом. Караваев покосился на Кречетова, но тот демонстративно вздохнул и отвернулся, его больше занимало происходящее в лодке. Сделав пару хороших глотков, оператор с удовольствием крикнул.

— Семьдесят градусов, — охотно пояснил участковый. — На апельсиновых корках. Чистый витамин.

Пришлось шикнуть на компаньонов, иначе рассказ про витаминный напиток, перемежаемый дегустациями, продолжался бы до утра.

На лодке вспыхнул фонарь, и тотчас одна из теней с плеском упала в воду. Свет фонаря мелькнул в глубине и растаял. Нырятьщик находился под водой не меньше минуты. Затем вынырнул в стороне от лодки, отдышался и снова нырнул. Нырания продолжались с деловитой регулярностью ещё не менее получаса. Заморосил дождь, силуэт лодки стал едва различимым. Оператор снова припал к камере, колдуя с настройками. Наконец, нырятьщик вернулся в лодку. Даже сквозь дождевую морось было видно, как он неистово жестикулирует. До шалаша долетела череда невнятных матерных фраз.

Наконец якорь был поднят, вёсла невпопад зашлёпали по воде.

— За мной, — скомандовал Кречетов. — Будем брать на лодочной станции.

Караваев в два счёта собрал аппаратуру, и маленький отряд трусцой припустил по дорожке к дальнему краю пруда, куда гребец направлял лодку.

Чертыхаясь на дождь и поминутно оступаясь на скользкой дорожке, преследователи обогнали лодку и оказались на станции первыми. Караваев, деловито расставил треногу.

— Когда они вылезут из лодки, я включу свет, — предупредил Кречетов.

Караваев кивнул и принялся переключать камеру на дневную съёмку.

Когда лодка вынырнула из дождевой пелены, послышалась перебранка экипажа.

— ... что доверилась такому ничтожеству! — негодовал грудной женский голос.

Мужской в ответ бубнил что-то неразборчивое. Лодка с шорохом врезалась носом в берег, одна из фигур торопливо прыгнула на песок.

— Постой, Нелли, прошу тебя! — раздался ей вслед рыдающий вопль.

— Прощай, козлик, — бросила неумолимая Нэлли и направилась мимо лодочного сарайчика к едва приметной дорожке.

В это мгновение Кречетов включил свет. Прожектор, припрятанный ещё днём сотней солнц озарил причал с лодками, сарай и пять застывших фигур.

— Гражданин Громов, — громко и торжественно произнёс Кречетов, — вы задержаны по подозрению в совершении убийства и попытке присвоения ценностей. Вы, гражданка, тоже стойте на месте.

— Ещё чего! — вспыхнула гражданка, мгновенно пришедшая в себя. — Я про ваши дела знать не хочу. А все ценности у этого козла в кармане. На них он меня в Париж собрался везти.

Она сдобрила фразу парой площадных выражений и повернула было на тропинку, но на её пути выросла фигура Никиты Степановича.

Из лодки вылез уполномоченный от министерства культуры и затравленно посмотрел на Кречетова. Вид у него был жалкий. Со слипшихся волос и гидрокостюма падали тяжёлые капли. Взгляд кладоискателя был ошалевшим. Он был совершенно потрясён происшедшим..

— Золото, бриллианты... Где всё это? — бормотал он, словно в беспамятстве. — Это вы? — он вдруг обратился в Кречетову, — Это вы всё?! Отдайте, верните!

Он неожиданно зарыдал и упал на колени, судорожно тряся головой. Кречетов подошёл к нему и защёлкнул приготовленные наручники на мокрых запястьях.

— Где сокровища? — строго спросил Кречетов. — В лодке?

— Сокровища?! — Громов посмотрел на следователя совершенно безумным взглядом. — Это вы называете сокровищами? Это?

Он скользнул рукой к закреплённому на поясе кармашку и извлёк оттуда золотую монету.

— Вот и все мои богатства, — давясь безумным смехом, произнёс Громов.

Кречетов забрал у него монету и внимательно рассмотрел. Так и есть — царский империял!

— Монет должно быть двенадцать. Где остальные?

— Где? — хохотнул Громов и тут же ответил сам себе, используя похабную рифму.

Кречетов оставил его и направился к лодке.

— Максим Леонидович, снимайте здесь, — бросил он оператору.

Однако, снимать было нечего. На дне лодки лежали ласты, маска и якорь на длинной сырой верёвке. Сокровища отсутствовали, и для Кречетова это был весьма удручающий факт.

Допрос чиновника и его подруги, которой оказалась поэтесса Кутеева, Антон решил отложить до утра. После фиаско с исчезнувшим кладом от них вряд ли можно было услышать что-нибудь путное. Да и сами организаторы задержания, изрядно вымокнув под морозящим дождём, едва стояли на ногах.

Задержанных отвели в гостевой дом и заперли в номерах, взяв слово, что до утра те не наделают никаких глупостей. Права и ключи от машины Кречетов всё же у чиновника отобрал. Слово словом, но оставлять отчаявшемуся человеку соблазн для побега было бы не по-христиански. Только после этого наручники с гражданина Громова были наконец сняты.

Кречетова, усталого и опустошённого неудачей, зазвал на ночлег участковый, категорически не принимая отказа. Кречетов и не противился: глаза его предательски

слипались, в голове нехорошо гудело. Провести остаток ночи, ютась на неудобном антикварном кресле в кабинете Дольского ему сейчас было не под силу.

— Вот и ладно, — обрадовался Никита Степанович. — Наталья ещё с вечера пирог с капустой затеяла. Повечеряем и баиньки. Утро вечера мудреней.

Утром, за галушками с домашней сметаной, Наталья так и бросала красноречивые взгляды на Кречетова. Пришлось поведать изнывающей от любопытства хозяйке о прошлой ночи.

— Стало быть, опередили вас, — покачала она головой. — А ведь говорила я, что есть в пруду графский клад. Мой-то только отмахивался. Сказки, мол, суеверия. Вот и домахался.

Она ткнула пухлым кулаком в макушку супруга и ушла в кухню за чаем. Упрёк Натальи Кречетов взвесил и на себя. Он ведь тоже до последнего не верил в клад — пока не подержал в руке царский империял.

Телефон тренькнул сообщением:

«Вчера в 19.20. следственной группой прокуратуры был предпринят обыск в квартире гражданина Громова Ильи Евгеньевича. В присутствии его супруги и понятых была обнаружена и изъята картина, соответствующая данному вами описанию.

Майор юстиции Шестакова Е. М.»

Наталья принесла из кухни пузатый чайник, распространяя дух хорошо заваренного свежего чая с листом смородины. К чаю были предъявлены маленькие сахарные плюшки.

«Всё идёт отлично, — подумал Антон, с удовольствием укусывая мягкое тесто. — Будет чем прижать ночного ныряльщика».

Никиту Степановича Антон отправил в сторожку к дежурному охраннику — узнать новости на объекте. Сам же направился в особняк.

Каково же было удивление Антона, когда в фойе его встретил Громов, переодетый в деловой серый костюм. Он учтиво поздоровался со следователем и, мягко схватив его за локоть, повлёк в кабинет Дольского.

— Гражданин Кречетов, поймите, не для себя, — причитал он, с собачьей преданностью заглядывая в глаза представителю закона. — Хотел ведь как лучше. Думал, найду сокровища, отреставрируем имение, парк восстановим... Сами знаете, какое скудное финансирование.

Судя по воспалённым глазам, ночь для чиновника выдалась бессонной, зато, он, похоже, успел подготовить к допросу стройную линию поведения.

Услужливо улыбаясь, Громов распахнул дверь кабинета и ласково подтолкнул Кречетова вовнутрь. В кабинете, превратившемся в последние дни в допросную, Антона ждали ещё двое: поэтесса Кутеева в чрезвычайно открытом летнем туалете и сам потеснённый хозяин, Иван Степанович Дольский. Директор сидел в историческом кресле, положив седую голову на молитвенно сложенные руки и смотрел на вошедших со смиренным страданием. Нэлли Кутеева прохаживалась от стены к стене и нервно курила тонкую дамскую сигаретку, заправленную в мундштук.

— Прежде всего, кто выпустил задержанных из их номеров? — строго спросил Кречетов.

— Это я, гражданин следователь, — с покаянным видом отозвался Дольский. — Илья Евгеньевич, конечно, понаделал глупостей, но ведь он не преступник.

— С чего вы взяли? — поинтересовался Антон, усаживаясь за директорский стол.

— Он милейший и глубоко порядочный человек, — убеждённо произнёс Дольский.

— Сильный аргумент, — вздохнул Антон, качая головой. — Тогда пусть этот глубоко порядочный человек объяснит, как в его тульской квартире оказалась украденная картина?

Все молча уставились на следователя: Громов, побледнев и затравленно бегая глазами, Кутеева — удивлённо подняв острую бровь, Дольский укоризненно качая седой головой.

— Видите ли, — сказал наконец Громов, нервно поправляя узел безупречного галстука. — Это была не кража.

— Вот как?!

— Да, да, я понимаю, всё выглядело именно так. Но, прошу вас, Иван Степанович, не казните.

Голос Громова театрально дрогнул, и он направил взгляд, исполненный раскаяния на потрясённого новостью Дольского.

— Казнить вас или миловать, решать мне, — напомнил Антон. — Итак, зачем вы завладели картиной?

— Господи, это же очевидно! — потряс ладонями чиновник. — Чтобы никто другой не догадался о месте клада. К сожалению, кто-то меня всё же опередил. И теперь сокровища неизвестно где и, похоже, навсегда утрачены для государства.

— А вы, стало быть, этой ночью радели о государстве? — уточнил Антон, прекрасно понимая, что прижать этого скользкого господина ему будет не так просто.

— А как иначе?! — искренне удивился Громов. — Я, как законопослушный гражданин, собирался сразу же сдать сокровища государству.

— А как же жаркие страны, которые вы обещали гражданке Кутеевой?

— Ну... причитающейся мне премии хватило бы и на жаркие страны, и на восстановление графского парка, — не смутился Громов. — Кстати, как насчёт добровольно сданного мной империала? На аукционе его стоимость колеблется в районе ста тысяч долларов. По закону мне причитается пятьдесят процентов. Все эти деньги я собирался направить в фонд реставрации.

— Вы благородный человек, — воскликнул Дольский.

— Что ты несёшь? Какой фонд? — вмешалась Кутеева. — Отдайте мне мою долю.

— Монета изъята в ходе следственных действий и является в настоящий момент вещественным доказательством, — напомнил Антон.

— Как изъята?! — возмутился Громов. — Позвольте. Я сам, добровольно, передал империал вам, как представителю закона. В конце концов, есть съёмка этого вашего задержания.

— На вашем месте, гражданин Громов, я думал бы сейчас не о конфискованной монете, а об алиби в ночь убийства. Одно дело, если вам инкриминируют 192-ю статью за нарушение правил сдачи найденных ценностей, и совсем другое статья 115-ю — умышленное убийство.

Пункты уголовного кодекса произвели на присутствующих парализующее действие. На лице чиновника застыла болезненная гримаса. Брови Дольского взлетели. Рука Кутеевой замерла, не донеся мундштука до губ.

— Убийство?! — едва слышно прошептал Громов. — Но я ведь не был там, у пруда, в ту ночь. Нэлли?!

Он с мольбой посмотрел на поэтессу.

— Расслабься, козлик, — вздохнула Кутеева. — Будет тебе алиби. Пишите, гражданин полицейский. Этот низкий человек был со мной в ночь убийства. Подтвердить это смогут

наши соседи. Барабанили к нам в номер до самого утра. Мы с господином Громовым слишком громко предавались плотским утехам.

Кутеева мстительно посмотрела на чиновника. Глаза министерского работника забегали по кабинету, а нервные пальцы снова занялись галстуком.

— Гражданин следователь, — подал голос Дольский, — могу я просить вас не оформлять исчезновение картины как кражу? Мы с этим как-нибудь меж собой разберёмся. Не хочется, знаете ли, сор из избы выносить.

Громов посмотрел на Ивана Степановича с сыновней преданностью, а Антон вынужден был признать своё полное и окончательное поражение. Версия, ещё недавно казавшаяся столь перспективной, рассыпалась в прах.

Оформив протокол допроса, Кречетов отпустил всех и, оставшись один, задумался.

Задуматься было о чём. Мало того, что он столько времени потратил на пустопорожнюю версию, он ещё и настоящего преступника прозевал. Ах, если бы он с первой минуты поверил в клад! Тогда бы здесь, перед ним, сидел не этот холёный Громов, а тот другой, способный пропороть человека багром. Только кто же он? Улик не оставалось никаких, кроме чёрной нитки, зацепившейся за древко багра и голоса, услышанного Луи Кастором. Впрочем, последняя улика иллюзорна. В суде её не предъявишь. Любой сносный адвокат пожмёт плечами и заявит, не моргнув глазом, что француз обознался. Тут нужно что-то повнушительнее, попредметнее, как тот самый империал. Вспомнив о монете, Антон вынул её из кармана. Тяжёлый жёлтый кругляш был тёплым. С аверса смотрел куда-то вдаль сосредоточенный профиль самодержца Николая Второго. Антон перевернул монету. Вокруг двуглавого орла ясно читалось: «25 рублей золотом».

«Неужели эта безделица стоит сто тысяч зелени?» — подумал Антон.

Сто тысяч. Стоп! Такие бабки вряд ли лежат в кармане простого смертного. Стало быть, продать такую монету не просто. Судя по списку, монет было двенадцать. Значит, нашедший клад, располагает пока одиннадцатью. Это больше миллиона...

Антон встал и принялся ходить по кабинету — так лучше думалось.

Купить монеты сможет только серьёзный и очень состоятельный коллекционер. Таких в России можно сосчитать по пальцам одной руки. Конечно, коллекционеры народ скрытный, но снять со счёта подобную сумму незаметно не получится, даже если счёт находится на Мальдивах.

Конечно, на отслеживание транзакций потребуется санкция прокурора. Конечно, пронюхают комитетчики. Чёрт с ними! Если бы Антон был ревнив к лаврам победителя, давно дослужился бы до полковника. Дюжина раскрытых убийств, ранение. Однако в свои тридцать шесть он всё ещё капитан...

Он встал перед окном. Итак. Мы выходим на такого покупателя — и вычисляем продавца.

Он вернулся к столу, сунул протоколы в папку и заспешил к выходу. Нужно было ехать в Тулу, — и немедленно, чтобы застать нужных людей.

В фойе он чуть не столкнулся с Костей Тагариним, вытягивающим из-за колонны длинный кабель. Антон приостановился. Говорили, этот самый Костя — ас в компьютерных сферах. Отлично. Везти сюда аййтишника из отдела — утопия. А здесь, прямо под рукой — специалист-компьютерщик.

— Константин, — окликнул Антон парня. — Можно вас на минуту?

Антон отвёл Костю обратно в кабинет и коротко посвятил его в свои планы.

— На живца хотите выманить? — серьёзно кивнул Костя. — Это можно. Только интернет здесь паршивый. Выделенка нужна, а ещё лучше, 4G.

Антон смутно представлял себе, как устроить эти самые 4G в семидесяти километрах от Тулы, но пообещал сделать всё возможное. Ударили по рукам. Рука компьютерного гения оказалась горячей и неожиданно твёрдой.

Не успел Костя исчезнуть за дверью, как в комнату вошёл участковый. У Никиты Степановича улов тоже оказался никудышным. Из ночных происшествий примечательна была лишь драка на дискотеке между деревенскими донжуанами и здешней творческой интеллигенцией. На месте драки участковый обнаружил лишь фрагмент вставной челюсти и разорванный дамский лифчик. Впрочем, по заверениям очевидцев, горячая фаза противостояния довольно быстро закончилась замирением и совместной попойкой.

— У меня тоже мимо, — признал Антон. — Громова пришлось отпустить.

— Как отпустить? — искренне возмутился Никита Степанович. — Мы ж его, паразита, всю ночь пасли.

— Нечего ему предъявить, — вздохнул Антон. — На момент убийства у него алиби. Дольский заявление о краже картины отзывает. Остаётся монета. На суде он от неё отбрешется. Уже отбрехался. Короче, пустышка. опередил кто-то господина Громова. Только вот кто?

— Ну, дела, — участковый задумчиво поскрёб подбородок. — Наталья моя расстроится. Как-никак, преступление века. Кого ж мы теперь искать будем?

Антон рассказал ему о своей версии, не забыв упомянуть о стоимости монеты.

— Сто тыщ?! — Изумился Никита Степанович. — Это ж сколько на наши?

Он быстро пересчитал, шевеля губами и глаза его округлились.

— А почему именно монеты? — спросил он, морща крестьянский лоб. — Там вон сколько добра: и камни и, цацки золотые.

— Цацки, в основном, именные, включая ордена. Сдать их в скупку, значит сразу же нарисовать себе срок, — пояснил Антон. — Да и одним разом сдать не получится. Для этого нужно найти серьёзного покупателя. Остаётся, вывезти за границу. Как вывозить? Это не коробок спичек. Только контрабандой или дипломатическим каналом. И то, и другое требует весьма крутых связей. Это раз, — Антон загнул один палец.

— А переплавить не проще?

— Проще, — согласился Антон. — Только можно потерять на этом целое состояние. Уникальные исторические вещи стоят в разы дороже самого золота. Например, орден Святой Анны у коллекционеров идёт по двести-триста тысяч рублями, в зависимости от сохранности. А сколько с него получишь, если переплавишь? Дальше: брюлики, — Антон загнул второй палец. — Бриллианты пристроить проще, но тут мы в тупике. Если брюлики средних размеров, не уникальные, они затеряются у барыг, и отследить продавца будет непросто. Дальше — изумруды. Необработанные изумруды купит разве что ювелир, — он загнул третий палец. — Ювелиры — публика до крайности тeneвая. Изумруды относятся к валютным камням. Снова — статья. Если кто и прикупит с рук для работы, не сознается и на дыбе.

— Остаются монеты! — ахнул кулаком по колену участковый. — Ловко вы, Антон Васильевич, я бы сам не скумекал.

Никита Степанович уважительно посмотрел на следователя.

— А ну как успел-таки, подлюка, сбегать эти империалы? — помрачнел участковый. — Как тогда?

Антон уверенно покачал головой.

— Такие дела просто не делаются, — пояснил он. — Нужно найти покупателя, выйти с ним на связь. Нужна личная встреча, чтобы засветить товар. К тому же, наверняка, преступник захочет пристроить товар оптом. Деньги огромные: будут торговаться. На это уйдёт не меньше недели. К тому же, имение за последние дни никто не покидал, кроме нашего ночного ныряльщика. Но господин Громов, как мы выяснили, не в счёт.

— Так что же это, клад ещё здесь, в имении?

— Думаю, да, — кивнул Антон. — Разумнее перепрятать клад и дожидаться, пока закончится следствие, чтобы потом спокойно вывезти ценности.

— Почему не теперь?

— Дорога из Бобрищ одна. Я в первый день распорядился поставить пост. Каждую машину проверяют тщательно, иголку не провезёшь. Зачем же рисковать?

Участковый снова наморщил лоб.

— Так как же мы найдём покупателя? — спросил он обеспокоенно. — Он ведь сам с повинной не явится.

— А искать покупателя и не нужно, — усмехнулся Антон. — Нумизматов, способных разом прикупить одиннадцать империалов, в стране несколько человек, и к вечеру я буду знать их поимённо.

Антон взглянул на настенные часы и присвистнул: пора было немедленно ехать в Тулу.

Утром следующего дня Антон прикатил в имение с обещанным списком нумизматов и комплектом для спутникового интернета, взятого в техотделе за литр дагестанского коньяка.

Костя Тагарин отыскался быстро. Первый же постоялец гостевого дома указал в сторону сцены. Там, несмотря на раннее время, собралась порядочная толпа и звучала музыка. Когда Антон подошёл ближе, стала очевидна цель мероприятия. На сцене лёгкая, пружинистая девушка в голубом трико проделывала под бодрую музыку упражнения китайской гимнастики цигун. Её движения были просты, изящны и совершенны. Публика безуспешно пыталась их повторять.

Подобное действо Антон видел однажды в Шанхае, куда ездил в командировку. Его тогда поразила утренняя площадь, заполненная людьми, и их неспешные размеренные движения, точно повторяемые за гуру. Правда, там, на шанхайской площади, не было стольких похмельных лиц и никто из китайцев не курил.

В толпе выделялась бодрая, деятельная фигура Громова. Вчерашний арестант сновал между нестройными рядами физкультурников, отбирая сигареты и пивные банки.

— Чёрт знает что, — как ни в чём не бывало, посетовал он, здороваясь со следователем. — Стоило на день отлучиться, дисциплина совершенно расстроилась. — Пьют, курят, как паровозы, вчера драку устроили.

— Вы бы по ночам поменьше дайвингом занимались, — напомнил ему Антон. — Глядишь, и паства ваша от рук бы не отбилась. Вы картину-то Дольскому вернули?

Громов затравленно посмотрел по сторонам.

— Завтра привезу, — нервным шёпотом произнёс он. — Вы же знаете, картину ваши забрали при обыске. Но я звонил, договорился. Завтра вернут. Лучше скажите, когда закончится ваша принудительная изоляция? Ещё день-два — и мои башибузуки взбунтуются. Неделю сидят без денег. Художники, писатели — народ, знаете ли, высокой нервной организации. Многие пьющие. Вчера Апашин свой халат на портвейн выменял. Если так и дальше пойдёт, они голышом отсюда поедут.

— Идёт следствие, — напомнил Антон. — По моим данным убийца и сейчас находится здесь, на территории. Так что прищемите хвост вашим башибузукам с высокой нервной организацией. Скоро всё прояснится. Кстати, и с вас, Илья Евгеньевич, я полностью подозрения не снимаю.

Услышав последнюю реплику, Громов криво улыбнулся и поспешил к прерванным обязанностям.

Костю Антон разглядел за пультом и устремился к сцене, лавируя между согбенными в причудливых позах фигурами. Среди всех белой вороной выделялся художник Апашин. Лишённый своего знаменитого халата, он был облачён в белоснежные простыни на манер римского патриция, но оставался узнаваем по своей неизменной тубетейке.

Костя заметил Антона и помахал рукой.

— Ты мне нужен, Константин, — заявил Антон, протягивая руку. — Можно тебя украсть на полчаса?

— Не вопрос, — пожал плечами Тагарин. — Сейчас эта байда закончится. Осталось минут пять. Подождём?

Антон кивнул, отошёл в сторонку, за сцену. Вид на пруд отсюда был, как всегда

великолепным. Антон оглядел, насколько хватило взгляда, раскинувшийся вокруг парк, оглянулся на дворец, залитый солнцем. Утро было прекрасным, роса сверкала на каждом листочке, мир улыбался. Но где-то здесь, затерявшийся среди других, слившийся с этим парком, с этим чарующим миром, таился преступник. Старина Кастор клялся, что узнал голос — значит, этот человек здесь... И может быть, не один. И, может быть, не раз эти люди проходили мимо него, следователя Кречетова, смотрели в глаза, здоровались за руку. Он тяжело вздохнул, облокотился о стену. С одной из кулис на него смотрела нарисованная к фестивалю чеховская чайка. Набросанная умелыми лихими росчерками, выглядела она при этом какой-то не по чину потрёпанной. Антон подошёл поближе. Ах, вот оно в чём дело... Сквозь слой белил проступало угольно-чёрное. То есть, первоначально это была не чайка? Или чайка, но чёрная. Есть ли такие в природе? Кречетов этого не знал. Он видел сейчас другое: невозможно на скорую руку чёрное сделать белым. Будет серое. И в людях бывает точно так же: вместо чёрного — серое. Так не бросается в глаза. Так удобнее жить. А чтобы разглядеть это чёрное — надо подойти близко, совсем близко...

Как там сказала Даша? Я хочу, чтобы в этом парке люди гуляли, ничего не боясь... Хорошая девочка. Смелая, чистая. По сути, он хочет того же самого: чтобы люди по земле ходили, ничего не боясь. Но вот мешают сделать это серые чайки, которых не распознаешь с первого взгляда... Для этого надо подойти близко, очень близко...

Девушка в голубом трико поклонилась и, сопровождаемая аплодисментами мужской половины публики, легко спрыгнула со сцены. Антон подошёл поближе.

— С интернетом вопрос решили? — спросил его Костя, выключая усилитель и микшерный пульт.

— Привёз всё, что нужно, — заверил Антон.

— Тогда пойдёмте ко мне?

Обиталище Кости Тагарина было одновременно и спальней, и складом. Повсюду громоздились звуковые колонки, софиты и остовы различной аппаратуры. На столе, среди остатков завтрака, соседствовали чайник и паяльник на проволочной подставке. Интерьер спартанского жилища дополняла книжная полка и выцветший пейзаж Левитана.

— Сядьте куда-нибудь, — беспечно предложил Костя и занялся уборкой стола.

Сеть, собственно, было некуда. Разве что на кровать. Единственный табурет занимал здоровенный, потемневший от старости, самовар.

Антон сел на край кровати и принялся раскладывать прямо на покрывало принесённый комплект для спутникового интернета. Костя отвоевал у хаоса немножко места на столе, с непочтительным стуком переставил самовар на столе и жестом показал, что к работе готов. Ноутбук, в отличие от окружающего хлама, был у него новеньким и мощным. Костя водрузил его на отвоёванную поверхность и принялся колдовать с проводами и принесённым оборудованием. Работал он быстро, толково, сосредоточенно, и Антон залюбовался.

— Готово, — сказал Костя, когда на экране появилось знакомое разноцветное «Google». — Связь устойчивая. Скорость приличная. Можем начинать.

Антон вынул из кармана заветный блокнот и, открыв на нужной странице, положил перед Костей.

— Это список нумизматов, способных купить монеты, — пояснил он. — Фамилий здесь шесть, но половину следует, пожалуй, исключить.

— Почему?

— Номером один здесь значится Алекперов.

— Это который «Лукойл»?

— Тот самый, — подтвердил Антон. — Вагит Юсуфович вряд ли станет связывать своё имя с подобной сделкой.

— Пожалуй, — согласился Костя.

— Вторым значится Федорин. Этот хоть и крупнейший нумизмат, но, похоже, отошёл от серьёзных дел.

— Почему так считаете?

— В 2016-м он продал с аукциона значительную часть коллекции: более четырёхсот монет. К тому же, ему сейчас под семьдесят. Вряд ли он отважится на авантюру с империями.

— Сколько же он выручил с аукциона?

— Порядка тридцати миллионов.

— Ай да дедушка! — воскликнул Костя. — Вот это я понимаю, пенсионный капитал!

— Третьим в списке стоит Петрунин Юрий Петрович. Этот тоже не наш клиент.

— А этот почему?

— Петрунин, скорее, учёный, нежели барыга, — пояснил свою мысль Антон. — Он — коллекционер старой школы, можно сказать, романтик. Такой нипочём не свяжется с сомнительной сделкой.

— Остаются трое, — подытожил Костя.

— Верно, трое: Игорь Лаврушин, Исаак Гройсман и гражданин Канарский, он же, Батон.

— Батон?! — переспросил Костя. — Уголовник что ли?

— Статья 226. Контрабанда культурных ценностей. Работал по-крупному. Пару раз приседал, но ненадолго. Вокруг него кружилась целая стая адвокатов. После последней отсидки Батон свалил из России и теперь греет гениталии где-нибудь на солнечных островах согласно своей фамилии. Отыскать его не представляется возможным, да и не к чему. Всё одно, ради сделки он вряд ли возвратится в Россию.

— Получается, остаются двое.

— Верно, — кивнул Антон. — И оба по-своему, перспективны. Лаврушин — владелец аукционного дома. Ему выгодно было бы прикупить все монеты оптом, а потом, с хорошей маржой продать в розницу. Исаак Гройсман близок к еврейской банковской элите. А эти господа не брезгают прикупать для тайных коллекций ценности сомнительного происхождения.

— Итак, с кого же начнём?

— Пожалуй, с Гройсмана, — подумав, сказал Антон. — Нужно проследить всю его переписку в соцсетях, особенно по защищённым каналам. Сможешь?

— Попробую, — кивнул Костя. — Есть у меня одна программалина. Любую защиту вскрыет.

— А я займусь господином Лаврушиным. — сказал Антон, пряча блокнот со списком в карман пиджака. — К этому персонажу на козе не подъедешь. Придётся кланяться московским коллегам.

— Так он в Москве?

— Лаврушин — в Москве, Гройсман — в Питере, — уточнил Антон.

Они коротко обговорили детали предстоящих действий и обменялись телефонами.

Антон покинул обитель Кости воодушевлённым.

По обыкновению последних дней, ужин был накрыт на открытом воздухе. Однако, в отличие от дней предыдущих, проходил он в суровом молчании и меланхолии, точно поминки по недавно усопшему. Творческая интеллигенция вяло слушала Громова, с отвращением ковыряя вилками в тарелках и брезгливо обнюхивая компот. Кладовые Бахуса были исчерпаны, и труженики пера и кисти пребывали в чрезвычайнейшем удручении.

— Дорогие друзья! — громким театральным голосом обращался к ним Громов. — Фестиваль подходит к концу. Он подарил нам множество незабываемых минут, творческих озарений и ярких идей. Скажем ему спасибо, друзья!

Он всплеснул руками, провоцируя аплодисменты. Над столами раздались скупые хлопки.

— А теперь я представляю вашему вниманию нашего гостя Луи Кастора, — всё также бодро возвестил Громом. — Мсье Луи и его внучка Луиза сегодня покидают нас и хотят произнести прощальную речь. Попросим, господа попросим.

Он снова зааплодировал, и на этот раз собравшиеся ответили более дружно.

— Друзья! — сказал Кастор, вставая из-за стола и, приподнимая стакан компота. — Мы увозим в своём сердце частичку России. Я предложил уважаемому Ивану Степановичу, — продолжил Кастор, — привезти экспозицию музея в Париж. Русская диаспора поможет собрать средства на перелёт. Господин Дольский любезно на это согласился.

На этот раз вечерний воздух сотряс шквал аплодисментов.

— А теперь я хочу выпить этот чудесный напиток за дружбу России и Франции. Представим, друзья, что в наших с вами бокалах великолепный бобрещенский самогон.

Последнее слово Кастор произнёс по-русски старательно, по слогам. Луиза посмотрела на деда с немым укором, а с мест, опрокидывая стулья, к оратору бросилась прочувствованная толпа. С Кастором обнимались, пили по-гусарски, с плеча, кричали тосты, плеская киселём и компотом.

Через час за Касторами прибыло такси. Французов проводили до машины, требуя обещания непременно приехать на будущий год, и в сотый раз извиняясь за непростительно пуританский ужин.

Наконец, такси понеслось прочь от особняка. Кастор что-то кричал, высунувшись из окна кабины и махая рукой. Французские слова были непонятны, а из русских провожающие разобрали лишь два: «Северное сияние»...

После ужина, как и предсказывал Громов, его подопечные подняли безобразный бунт. Захватив в кладовке недельный запас консервов и круп, мятежники намеревались обменять всё это на самогонку. Для обмена они прихватили также платья и парики из театрального реквизита. Толпу художников, смахивающую на пеший цыганский табор, Громов и случившийся в именин участковый нагнали на половине пути к деревне.

Бунтовщики выслали парламентёром Хвастова.

— Евгенийч, душа горит, — страстно убеждал поэт, колотя себя в грудь. — Третью неделю торчим в этой Тьмутаракани. Весь одеколон выпили. Яви милосердие, выпиши суточные. На сухомятку даже на баб не тянет.

Понимая, что творческая интеллигенция доведена до края, Громов пообещал к вечеру выбить денег, и хрупкий мир был достигнут: продукты возвращены в кладовку, платья и парики — в гримёрку.

Утром последующего за бунтом дня, когда машина Антона подкатила к особняку, у входа его ожидал до крайности обеспокоенный Громов.

— Антон Васильевич, надо что-то решать с этим чёртовым карантинном, — набросился он на следователя. — Вчера реквизит хотели пропить, а завтра и до экспонатов дойдёт. Если кого-то нужно арестовать, арестуйте меня. Только прекратите эту бездарную буффонаду.

Громов демонстративно выставил перед собой руки.

— Вам, я гляжу, понравилась роль арестованного, Илья Евгеньевич? Может всё-таки, чистосердечное напишем? — поинтересовался Антон.

— Шутите?! — взбеленился Громов. — А мне уже не до шуток! На какие средства, я извиняюсь, эту свору кормить? В министерстве требуют отчёта по финансированию фестиваля. Как я отчитаюсь за перерасход? Не по вашей статье пойду, так за растрату посадят.

— Ещё день, — обнадёжил Громова Антон. — Допрошу оставшихся — и больше вас никто не задержит. Только, обеспечьте мне явку. Вот список.

— Будут, — заверил Громов, принимая исписанный лист. — Строем приведу, как пионеров.

Антон и сам уже понимал, что слепые опросы не дадут должного результата. Нужно было отпускать художников. Всё, что возможно было получить от этой публики, он получил ещё в первый день. Однако, следствие — дело рутинное, бумажное. Предстояло допросить оставшихся возможных свидетелей, прежде чем давать добро на их отъезд из имения.

Вынужденный подчиниться служебным предписаниям, Антон принялся за опрос свидетелей с утроенным рвением. В конце концов, ему было искренне жаль милейшего Ивана Степановича, чей кабинет он бессовестно оккупировал вот уж который день. За последнюю неделю Дольский, близко принимавший к сердцу всё, что творилось в имении, поник и осунулся, а на его интеллигентном лице появилось выражение смиренной обречённости.

Вскоре фойе особняка наполнилось толпой опрашиваемых. Антон приглашал их по одному в директорский кабинет и задавал одни и те же навязшие в зубах вопросы:

«Что вы делали в ночь убийства?»

«Знали ли убитого или, хотя бы, видели ли его в имении?»

«Что вы знаете о графском кладе?»

«Видели ли в парке так называемое привидение?»

Папка с протоколами опросов пухла, но ничего, что могло бы пролить свет на ночное убийство, в ней так и не появилось.

На исходе монотонного дня в кабинет ввалился Костя Тагарин.

— Есть новости, — с порога заявил он.

Антон тотчас выпроводил очередного свидетеля и запер дверь.

— Рассказывай, — велел он, возвращаясь к столу.

— Я вскрыл «личку» Гройсмана. Шифруется, гад. Понаставил паролей, аккаунты удалённые... Пришлось повозиться. Так вот. Вчера на его «твит» письмо капнуло, —

победно засиял Костя. — От того самого Батона. Ни на каких он не на солнечных островах. На днях прибывает из Хельсинки прямо в Питер.

— Вот это номер! — Антон хлопнул ладонями по столу. — Как же ты понял, что это Канарский?

— Гройсман пропалил. В дальнейшей переписке несколько раз называл Батоном. Наверное, считает, что его личку никому нельзя хакнуть.

Антон азартно потёр руки.

— Ставлю сто к одному, что гражданин Канарский в Питер не на экскурсию в Эрмитаж прикатит, — сказал он с чувством. — Бубнов у него интерес, иначе не рискнул бы вернуться.

— Слушайте дальше, — продолжил Костя. — Я пошарился по чатам, где нумизматы тусят. Некто «Гоблин» интересовался стоимостью царского имперяла.

— Мало ли народа может этим интересоваться?

— Мало кто имеет десять таких монет, — парировал Костя. — Я сумел дознаться об этом.

— Вот это удача! — воскликнул Антон. — Это наверняка он! Только почему десять, а не одиннадцать?

Костя пожал плечами.

— Это ещё не всё, — сказал он. — В переписке с Канарским Гройсман дважды упомянул этого «Гоблина». Похоже, «Гоблин» уже как-то на него вышел.

— Похоже, похоже, — покивал Антон.

Ай, да Костя! Ай, да молодец! — тихо возликовал Кречетов. Теперь можно будет и санкцию получить на прослушку. Наверняка, все окончательные договорённости фигурантов, вплоть до нюансов встречи, могут пройти по телефону.

— Пора наступить на хвост гражданину Канарскому, — сказал он вслух воодушевлённо. — Сегодня надо закончить с эпистолярным жанром и рвануть в Питер — готовить встречу.

— А я?! — упавшим голосом спросил Костя. — Возьмите меня в Питер, товарищ Кречетов.

Антон задумался. В принципе, парня можно было взять. В конце концов, это он ведь вышел на Батона и таинственного «Гоблина». К тому же, иметь толкового помощника в таком щекотливом деле вовсе не помешает.

— А как с начальством твоим?

— Договорюсь, — уверенно сказал Костя. — Я тут круглые сутки две недели не отходил от станка. По-хорошему, у меня одних отгулов должна быть неделя.

— Если получится с начальством, я не против, — сказал вслух Кречетов. — Только поедешь инкогнито.

— Это как ещё? — не понял Костя.

— Неофициально и за свой счёт, — пояснил Антон. — Извини, зачислить в оперативную группу я тебя не смогу.

— Пусть будет инкогнито, — вздохнул Костя.

Как и было обещано, отъезд гостей фестиваля состоялся на следующий день. Был дан последний завтрак, произнесены прочувствованные речи, прозвучали гимны, и пёстрая толпа художников, писателей и работников культуры устремилась к сияющим под солнцем автобусам.

Иван Степанович Дольский плакал и вытирая с лица слёзы облегчения, махал отбывающим.

— В добрый путь, друзья, в добрый путь, — восклицал он и тихо вздыхал.

Музей выстоял очередное нашествие почти без потерь. Пара разбитых окон, сбита с петель дверь, испорченная люстра да дюжина прожжённых окурками простыней. Пустяки. В прошлые годы фестивали проходили куда разрушительней. Даже украденная картина возвратилась на положенное ей место. И всё же было грустно расставаться с этим безумством праздника, с этим молодым бесшабашным весельем. Вот скроются из виду украшенные флагами и шарами автобусы и увезут с собой частичку его души, его молодости. Завершится ещё один сезон, и станет он, Иван Степанович Дольский, ещё на один год старше.

Прощально сигналив, развернулся и выехал со стоянки первый автобус, за ним второй. Замешкался лишь третий, последний, куда грузили отчаянно пьяного Апашина. Живописец рвал с себя простыню, предъявляя миру измождённую нагую натуру, и громогласно прощался с сотрудниками музея, кучкой сбившимися вокруг директора:

— До свиданья, друзья, до свиданья, — выкрикивал он нечто есенинское. — Вы навечно у меня в груди. Предназначенное расставанье обещает встречу впереди...

Апашина подняли на руки и внесли в автобус. Двери с шорохом закрылись, и последний транспорт покинул опустевший двор.

Однако, за первым же поворотом дороги, в километре от имения, автобусы были остановлены. Антон Кречетов устроил отъезжающим прощальный обыск. Смысл мероприятия был прост: если среди отъезжающих есть преступник, то он мог бы прихватить с собой и часть клада. Антон пошёл на примитивную хитрость: окончив допросы, он ещё с вечера попрощался со всеми фигурантами и пустил слух, что полицейский пикет снят с дороги. Если преступник не семи пядей во лбу, вполне мог бы и клюнуть на провокацию.

Негодующих пассажиров вежливо вывели в чисто поле и каждого, вместе с багажом, обшарили металлоискателем. Проверка заняла не более получаса и не обнаружила решительно ничего. Преступника среди отъезжающих не было.

Либо он оказался умнее следователя.

Когда Антон вернулся, в особняке чувствовалась сиротливая опустошённость. Так неприкаянно всегда бывает после многолюдных праздников. Особняк казался замершим, на лужайке не было ни души, не гремела музыка, не звенел смех над главной поляной.

Лишь одинокий воздушный шарик гонял по стриженной траве лёгкий июньский ветерок.

И никому не ведомо, улетели серые чайки или остались здесь, притаились невидимые, до поры до времени...

Костю Антон нашёл в его крохотном номере, сосредоточенного и полностью готового к выезду. На полу стояла собранная дорожная сумка, на столе сложенный ноутбук и аппаратура для спутникового интернета.

— Едем? — коротко спросил он.

— Да. Только попрощаемся с Иваном Степановичем.

Они погрузили Костины вещи в багажник авто и отправились к особняку.

Дольский принял их в своём кабинете, ставшим и для Антона таким привычным.

— Забираете, значит, Костю? — спросил он, пожимая руку Антона и глядя на следователя усталым грустливым взглядом.

— Забираю, — признал Антон. — Костик ваш молодец. Здорово помог мне.

— Так вы всё-таки не сдаётесь? Ищете? — спросил Дольский, заметно оживляясь. — Ах, как бы хотелось посмотреть на этот клад! — он азартно потёр руки. — Мы бы такую экспозицию сделали!

Он мечтательно покачал седой головой.

— Будет вам экспозиция, обязательно будет, — твёрдо пообещал Антон. — Кстати, сундук, в котором хранился клад, вам передадут по окончании следствия.

— Очень был бы признателен, — прижал ладони к груди директор. — Вещь исключительно оригинальная и представляет музейную ценность.

А вам удачи, Антон Васильевич. Надеюсь, найдёте того мерзавца.

Он ещё раз пожал руку Антона.

Пора было отправляться.

Спустившись к машине, оба, не сговариваясь, оглянулись, подняв головы вверх. Из эркера им махали сгрудившиеся сотрудники. И отчаяннее всех, обеими руками сразу — Даша.

— Я скоро вернусь, — крикнул девушке Костя, садясь в машину.

Антон включил зажигание и авто, шурша шинами по сухому гравию, покатило прочь от согретого солнцем особняка.

Конец первой части.

Часть 2

Белые ночи

*Всё кружится стрекоза...
Никак зацепиться не может
За стебли гибкой травы*

Мацуо Басё

Пётр Канарский происходил из интеллигентной питерской семьи. Его дед был знаменитым тенором в Мариинке, отец — известным в городе адвокатом. Маленький Петя рос среди картин, фарфоровых и бронзовых статуэток, антикварных вещей. Особенно ему нравились шахматы. Его поражали вырезанные из слоновой кости величавые слоны, надменные ферзи, суровые пешки... Позже, когда Петя вырос и узнал, сколько стоят эти, купленные ещё прадедом шахматы, он проникся к ним уже другим, меркантильным трепетом.

Юный Канарский стал одержимым собирателем. Он коллекционировал всё подряд: почтовые марки, монеты, перочинные ножи, пивные крышки. Однако, если выпадал случай продать что-то из коллекции с хорошим наваром, он делал это незамедлительно.

К тридцати годам Пётр Канарский имел неплохую коллекцию старинных монет, бронзы и живописи, а также — завидные связи среди серьёзных коллекционеров. Понимая, что истинной мечтой перекупщика является вовсе не Россия, Канарский наладил выходы за границу. На этом он и погорел. Первый срок Пётр Канарский получил за попытку вывезти прижизненное издание сказок Пушкина. Подвела перекупщика банальная жадность. Сказки достались задёшево от известного в Питере домушника Васи Баламуга. Их бы припрятать до поры да подождать, пока уляжется шмон после кражи. Но засвербело в пустом кармане — и поехал Канарский в Хельсинки, к знакомому по прошлым делам барыге. Взяли Петра Канарского на досмотре, и засиял ему первый срок.

В исправительном учреждении № 23 Канарский был закреплён на работы в пекарне, откуда и произросла впоследствии его кличка. Выйдя через полтора года на вольный воздух, Батон поумнел и впредь делал гешефт, озираясь на уголовный кодекс.

Однако и это не спасло от неумолимой Фемиды. Второй срок ему нарисовали за продажу поддельного Караваджо. Копия «Кающейся Магдалины» получилась чудо как хороша. Даже грудь кающейся грешницы была выписана куда пышнее и округлей оригинала. Покупатель, весьма высокопоставленный чинуша из бывших питерских бандюганов, остался весьма доволен, не заподозрив подделки. Да вот незадача: спившийся художник, что ваял копию, поставил, скотина, под Магдалиной свою подпись. Скандал. Суд. Колония.

После второй отсидки обиженный на отечество Пётр Канарский выехал за границу. Возвращался в Россию лишь изредка, когда наклёвывалось что-то серьёзное.

Дельце, ради которого он решился посетить Питер в этот раз, обещало быть вкусным. Шутка ли, десять царских импералов! Да ради одной такой монеты следовало пересечь границу. Тем более, что от Финляндии, где он обретался в последние годы, до Питера было рукой подать.

«Интересно, где это Ися Гройсман откопал такое богатство? По словам этого выжиги, импералы — двадцатипятирублёвики 1896 года. Их выпущено было всего-то сто семьдесят пять штук. Музеи и частные коллекционеры на аукционах за такие раритеты глотки друг другу рвут. А тут сразу десяток! Не иначе старинный клад», — примерно так размышлял Канарский, ступая с борта парома «Принцесса Анастасия» на гранит Санкт-Петербурга. Впрочем, на гранит отчизны сошёл вовсе не Пётр Канарский, а гражданин Финляндии Юхон Мякинен. Импозантный финн, немного полноватый, уже не молодой, но вовсе ещё не

старый, не обременённый никаким багажом, прошёлся вдоль набережной, с удовольствием вдыхая душный июньский воздух. «Что ни говори, а дым отечества, действительно, сладок», — подумал фальшивый Мякинен, останавливаясь, чтобы взять такси.

Сев в подъехавшую машину, Канарский бросил шофёру:

— В «Старое зеркало», милейший.

Пётр Канарский предпочитал этот отель остальным по двум основным причинам: отель был обустроен в старинном доме на Невском без излишней современной ажитации и, что немаловажно, в нём редко селились финны. К своим новым соотечественникам Канарский относился без особых родственных чувств.

Такси весело покатило в сторону центра. За окном замелькали милые сердцу питерские улицы, и Пётр Канарский вглядывался в их величавые черты с сыновней чувственностью. Но если бы блудный сын обернулся, то, наверное, заметил бы, что в сотне метрах позади такси пристроился неприметный седан.

Питерские сыщики, сев на «хвост» гражданину Канарскому, плотно вели его до отеля.

Питерские коллеги забронировали для Антона номер в том же отеле, где поселился и Пётр Канарский. Косте пришлось довольствоваться хостелом в двух кварталах от «Старого зеркала», но он, казалось, был счастлив и этим. Питер восхитил парня, и он, как только заселился в крохотную комнатку, отправился бродить по набережным Невы.

Антон в номере ожидали. Курчавый юноша с внешностью рэпера пружинисто поднялся с дивана. Если бы Антон не ожидал этой встречи, он бы подумал, что в номер забрался вор.

— Добро пожаловать в Питер, товарищ капитан, — произнёс юноша, широко улыбаясь и пританцовывая на месте. Если бы юноша добавил «йо!» и воздел к потолку средний палец, как это заведено в рэперской среде, Антон вряд ли бы удивился.

— Вас в школе милиции учили так одеваться? — поинтересовался Антон, кивая на болтающуюся на худых плечах парня чёрную футболку с оскаленным черепом и рваные на коленях джинсы.

— Это, типа, для маскировки, — ещё шире улыбнулся парень. — А так, по жизни, я лейтенант. Лейтенант Болтухин. Погоняло: Болт.

— А как твоё имя, лейтенант? Чисто по жизни?

— Имя у меня простое, беспонтовое: Кирилл, — представился лейтенант, всё так же лучезарно улыбаясь.

— А меня зовут Антон Васильевич, — Кречетов протянул руку.

— Да я, в теме, кэп, — лейтенант крепко и надёжно пожал протянутую ему руку.

Антон сделал приглашающий жест, и они присели на край дивана.

— Какие новости о Канарском? — спросил Антон, переходя к сути дела.

— Прибыл вчера. Поселился в 312-м «люксе». Сидит тихо, как пацифист, — коротко доложил лейтенант. — Никаких гостей, никаких тёлок. В настоящий момент гуляет по набережной, кормит голубей. На хвосте у него двое наших. С его трубы зафиксировано два звонка: заказал столик в «Северянине» на вечер и побалакал с неким Гройсманом Исааком Марковичем.

— О чём договорились?

— Забились на стрелку в «Северянине».

— Хороший ресторан?

— Тю, — присвистнул лейтенант. — С разбегу видно, что вы не питерский. В «Северянин» ходят только депутаты и авторитетные воры. Там цены — космос. Я как-то раз туда свою скво водил. Чисто приколоться. Все мои понты закончились на кофе с пироженкой.

— Придётся прогуляться туда ещё раз.

— Вы, кэп, часом не внебрачный сын Абрамовича? Внешнее сходство, вроде, есть.

— Закажи столик на то же время, что и Канарский, — проигнорировал шпильку Антон. — И еще, лейтенант Болтухин, переоденься к вечеру во что-то приличное. Пойдёшь в ресторан со мной.

— Из шмоток я, пожалуй, найду что-нибудь архаичное, — задумчиво взъерошил шевелюру лейтенант. — А вот в плане капиталов я чистый люмпен.

Он встал и демонстративно вывернул пустые карманы.

— Гулять будем на мои командировочные, — успокоил Антон. — И ещё, Кирилл, нам понадобится портативная система прослушки.

— «Жучок» что ли?

— Он самый, — кивнул Антон. — «Жучок» вместе с приёмным блоком. Сможешь?

— Достану, — заверил лейтенант. — Моя скво как раз в техотделе чалится. Можно добыть хоть гиперболоид.

— Пообещай ей коробку конфет, — посоветовал Антон, прикидывая во что ему обойдётся командировка в Питер.

— Шоколад не употребляет, — вздохнул лейтенант. — Калории. Лучше фруктовый смузи.

— Пусть будет смузи, — согласился Антон.

Лейтенант не подвёл. Ровно в пять вечера он явился в номер в совершенно ином обличи. Тройка, галстук, начищенные до блеска остроносые туфли.

— Ну вот и славно, — с улыбкой констатировал Антон, разглядывая лейтенанта. — Эволюция рэпера в человека.

— Скорее деградация, — возразил лейтенант. — Ощущение, как в скафандре. Последний раз надевал эту бодягу на школьный выпускной.

— «Жучок» раздобыл?

Лейтенант молча выложил на столик две чёрных коробочки. Одну маленькую, вторую — побольше.

— Здесь микрофон, — пояснил он, открывая маленькую коробочку. — Здесь — приёмник.

Он открыл и вторую коробочку, демонстрируя содержимое.

— Дальность уверенного приёма — пятьдесят метров.

Антон вынул из футляра приплюснутую горошину микрофона и взвесил на ладони.

— Установишь под стол, где они сядут, — сказал он, возвращая микрофон в коробочку.

— Яволь, герр капитан, — козырнул лейтенант Болтухин. — Хорошо бы сделать это до прихода Канарского и его кореша. Номер столика можно узнать у официанта или сомелье.

— У сомелье?

— Ну да. Чухонец наш — тот ещё сноб. Абы какое бухло пить не станет, позовёт сомелье.

— А если ни официант, ни сомелье не захотят светить информацию? — задумчиво произнёс Антон.

— Тогда сунем им в хайло наши ксивы и напомним тридцать седьмой год, — беспечно заверил лейтенант.

Антон посмотрел на часы. До прибытия Канарского в ресторан оставалось немногим более двух часов. Пора было выдвигаться на исходную. Пересчитав наличность, Антон стойчески вздохнул и подмигнул лейтенанту. Вечер обещал быть занимательным.

Убранство главного Гостиного зала в «Северянине» переносило посетителя в эпоху декаданса и Серебряного века: антикварная мебель, цветы в кадках, чёрно-белые фото на стенах, самовар, свечи, абажуры. Столик, заказанный лейтенантом Болтухиным, притулился с краю от входа и являл собой идеальное место для наблюдения. Вообще, главный зал ресторана был невелик, человек на сорок. За столики садились по трое-четверо, что создавало ощущение камерности и уюта.

Когда Антон и его спутник присели за заказанный стол, публика уже заняла большинство мест и неспешно вкушала закуски и лёгкие вина под живую фортепианную фугу. Во всём: в убранстве зала, в благообразных посетителях, в кружевных скатертях и мягком свете читалась томная, изысканная богемность.

Лейтенант беспокойно заёрзал на стуле.

— Чувствую себя, как лошара, — признался он, глядя на разложенные перед ним ложечки, вилочки и ножи. — Как всем этим есть? Зачем, например, столько вилок?

— Вот эта, которая побольше, — для мяса, — пояснил Антон. — Та, что поменьше, — для рыбы, а самая маленькая — десертная.

— Блин, кэп, это понты какие-то. Я без проблем рыбу схавую и мясной вилкой.

Антон не успел прояснить тонкости этикета — к столику подошёл неслышный, как ниндзя, официант.

— Чего изволите, господа? — спросил он с отстранённым достоинством. — На закуску рекомендую карпаччо из оленины и форелевый рийет. Есть икорка свежайшая.

— Не стоит, дружище, — остановил его Антон. — Принеси-ка нам сразу горячего. Мне сливочный суп с треской и белыми грибами.

— А юноше?

— Юноше пельмени, — буркнул лейтенант, внимательно изучивший меню и не нашедший там других знакомых названий.

— Что пить будете? — осведомился официант. — Может, пригласить сомелье?

— Алкоголя не нужно, — лучезарно улыбнулся Антон. — Диета, знаете ли. Принесите минералочки с газом.

Официант сочувственно покивал.

— Есть квас брусничный архангельский и клюквенный морс, — сообщил он.

— Пожалуй, графинчик кваса, — согласился Антон. — Но только, дружище, не тёплый.

— Как можно-с, — дёрнул бровью официант. — Квас будет со льда, не извольте сомневаться.

— И вот что, любезный, — Антон перешёл на доверительный тон. — Сегодня мой приятель у вас ужинает. Канарский Пётр Аркадьевич. Не подскажешь, за каким столиком? Повздорил я с ним, наговорили всякого. Не хочу, чтобы мы здесь соседствовали, понимаешь?

— У нас не принято о клиентах распространяться, — с вежливой холодностью заявил официант и воздел глаза к потолку.

— Конечно, конечно, имидж заведения, — серьёзно кивнул Антон, незаметно для окружающих переправляя тысячную купюру в карманчик официанта.

Официант скосил глаз, определяя достоинство купюры.

— Веранда, второй столик справа. Заказан на двоих, — сквозь зубы промычал он и

величественно удалился.

— Офигеть, — произнёс лейтенант, провожая взглядом чопорную фигуру официанта. — Ловко вы его, кэп. А я-то, собирался свою ксиву светить и брать пацана на зихер.

— Лейтенант, ты выражаешься, как босяк, — попенял напарнику Антон. — Где ты набрался такого сленга?

— Улица и необозримые просторы интернета, — с притворным сожалением произнёс Болтухин. — Как будем действовать, кэп?

— Прогуляешься до веранды и поставишь жучка, — тихо сказал Антон. — Сделай всё незаметно.

— Обижаете, гражданин начальник, — усмехнулся лейтенант. — Всё будет натурально, как в Голливуде.

Он пружинисто поднялся со стула и разболтанной стилижьей походкой направился через зал. Вернулся лейтенант минут через десять, как раз в тот момент, когда официант с молчаливой торжественностью опустил на столик серебряный поднос и расставил заказанное на белоснежную скатерть.

— Интересующее вас лицо только что вышло из гардероба, — едва шевельнув губами, сообщил официант и с почтительным поклоном отошёл к соседнему столику.

Лейтенант бухнулся на свой стул и подвинул к себе дымящуюся глиняную миску с пельменями.

— Всё кучеряво, кэп, — доложил он. — Сделал вид, что развязался шнурок и шлёпнул жука под столешницу.

— Замечательно, — кивнул Антон и, сделав неуловимое движение, вставил в ухо пилюлю динамика.

Голову мгновенно наполнили усиленные аппаратурой шаркающие звуки шагов, скрип стульев, невнятная речь.

— Работает, — удовлетворённо кивнул он. — Теперь дело за Канарским.

В этот самый миг через зал, поминутно кланяясь и отвечая на негромкие приветствия, прошёл высокий благообразный мужчина с проседью в аккуратно стриженных волосах. Пётр Канарский, собственной персоной. Было очевидно, что он завсегдатай заведения и знаком со многими посетителями вовсе не шапочно.

— Петруша! Канарский! — крикнули из-за крайнего столика. — Где пропадад, чертяка?!

— Пётр, к нам, прошу, к нам, негодяй ты эдакий! — воскликнули из другого конца зала. — В своей Чухонии совсем забыл родные пенаты.

Каждому Канарский горячо кланялся, прижимая узкую музыкальную ладонь к лацкану пиджака. Однако, ничьих приглашений он не принял и прошёл на веранду к заказанному столику. Тотчас возле него возник щуплый официант:

— Моё почтение, Пётр Аркадьевич, — отчётливо услышал Антон сквозь посторонние звуки. — Какими судьбами в Питере?

— Дела, Ванечка, дела, — вальяжно отозвался Канарский. — Принеси-ка, дружок, анисовой водочки, закуски поострее, икорки и хлебушка побольше. Истосковался я, Ванечка, по хлебушку чёрному.

— Один момент, Пётр Аркадьевич, — с лакейской преданностью заверил официант. — На горячее что изволите? Сегодня судак недурён с беарнским соусом.

— Тащи судака, — велел всё тот же вальяжный голос.

В наушнике слышался скрип стула, что могло означать лишь одно: Канарский обустроивается за своим столиком. Дальнейшие скрипы, вздохи и шум улицы, доносившийся до веранды, слушать было неинтересно. До прихода Гройсмана вряд ли могло произойти что-то существенное.

Антон пожелал лейтенанту приятного аппетита и с удовольствием принялся за подставший суп. Лоснящийся перламутровой тресковой юшкой, суп был исключительно нежен и духовит.

Лейтенант ел молча и, прикончив последний пельмень, неэтикетно облизнул ложку.

— А мне здесь нравится, — сыто произнёс он, наливая в фужер пенистого кваса из запотевшего графинчика. — Разве что музыка нудновата да чикс не видно.

— Ну, здравствуй, Батон, — неожиданно раздался в наушнике Антона хриплый, с придыханием голос.

— Здравствуй, Исаак Маркович, — ответил голос Канарского. — Садись, дорогой, угощайся. Водочки откушаешь под икорку?

Антон отодвинул недоеденный суп и замер, вслушиваясь в каждый звук, в каждое слово. Очевидно, что Гройсман — а это, без сомнения, был он — прошёл на веранду не через главный зал, а другим входом.

— Ты же знаешь, Пётр, что я так и так не пью. Лучше ответь словами, что ты имеешь сказать мне за те монеты.

— Дело стоящее, — охотно отозвался Канарский. — Десять империалов, это серьёзно.

— Пётр, скажу тебе, как родному: их будет, увы, не десять, — перебил Гройсман. — Три монеты я обещал очень серьёзным людям.

Наступила пауза, слышался узнаваемый звук льющейся в рюмку водки. Канарский крякнул и смачно хрустнул чем-то, закусывая.

— Я так и знал, — просипел он. — Знал, что ты, Ися, непременно меня хоть немного, но кинешь.

— Зачем такой пафос! — возмутился Гройсман. — Да, я таки имею свой маленький гешефт с этого дела. Я пожилой человек, Пётр. У меня неважное здоровье и внуки. Посмотри, Пётр, как всё дорожает...

— Ты ещё пожалуйся на собес, — перебил Канарский. — Давай, Исаак Маркович, ближе к делу. Три монеты, как я понял, ты скинешь сам. Семь реализую я за границей. Дело нешуточное. Монеты нельзя сбывать по одной. Если они начнут всплывать в частных коллекциях, цены упадут вдвое. Вывод: нужно найти семь покупателей и слить монеты одновременно.

— Именно так, Пётр, именно так, — подтвердил Гройсман. — Свои три я тоже попридержу.

Снова возникла пауза: принесли судака. Пока ставился поднос, звенели ножи и вилки, по делу не было сказано ни слова.

— Сколько зелени продавец просит за всё? — спросил наконец Канарский.

— Триста тысяч, — вздохнул Гройсман. — Причём этот шламазл требует непременно в евро.

— Сколько?! — возмутился Канарский. — Да он что, белены объелся. У меня всего сотка в долларах, ещё двадцать штук наскребу в евро.

— Я дам сорок пять, — вздохнул Гройсман.

— Итого, в евро сто пятьдесят, — подытожил Канарский. — Больше не дадим ни копейки.

— Золотые слова, Пётр, — снова вздохнул Гройсман. — Будем сказать ему свою цену. Только не сделает ли нам продавец красивый прощальный жест ручкой?

— Не сделает, — заверил Канарский. — Сбыть оптом десятков таких монет, неизвестно откуда взятых, в нашей отчизне, кроме нас с тобой, больше никому. А за границу с таким прикупом продавца не выпустят. Тут нужно человечка на таможне иметь. У меня, к примеру, он есть.

Снова возникла пауза: плеск водки, кряканье и звон вилки о фарфор.

— Зря ты, Исаак, отказался от судачка, — с чувством произнёс Канарский. — Лучше, чем здесь, его нигде не готовят.

— Ты же знаешь, Пётр, за мой анамнез, — в очередной раз вздохнул Гройсман. — Ни жира, ни алкоголя и только положительные эмоции. А где таки взять те эмоции, когда вокруг один грандиозный шухер?

— Ты уже встречался с продавцом? — перебил Канарский.

— Нет, но этот поц уже в Питере. Судя по хватке и гонору, из деловых. Договорились так: я пришлю к нему Мойшу Лимбаха посмотреть на товар.

— Почему Лимбах? Почему, не сам?

— Лимбах хорошо знает за монеты. Если поц порожняк засветит, Мойша поймёт это на раз и два. А я посмотрю за Мойшей, не прилипнет ли за ним хвост.

— Думаешь, подстава? Пасут продавца?

— Думаю, пока нет. Но я, Пётр, никому никогда не верю. Потому и дожил до такого анамнеза.

Снова возникла пауза: плеск водки, шумный выдох и дробь нетерпеливых пальцев о стол.

— Мне тоже светиться не следует до поры, — тихо сказал Канарский. — Ладно, пусть идёт Мойша. Если всё чисто, я в деле. Если нарисуются мусора, я завтра же сваливаю в Финляндию.

— Батон, не торопись думать за Финляндию и мазать лыжи, — скрипучим шёпотом произнёс Гройсман. — Есть к тебе ещё один интерес. Поц, что торгует монеты, засветил ещё и вот это. Прислал фотку. Вот, глянь.

Антон напряг слух, пытаясь не упустить ничего важного. Глядя на его побледневшее, каменное лицо, лейтенант хотел было встрять с вопросом, но Антон сделал ему знак не мешать.

— Пресвятая Богородица! Я думал, что такие больше не находят, — послышался наконец голос Канарского, явно взволнованный.

— А он и есть дореволюционный, — вставил Гройсман. — Можно сказать, осколок империи. Посмотри, Пётр, чистый дюшес!

— И сколько же продавец просит за осколок империи?

— Разговора не было. Но, что-то мне подсказывает, что таки дорого. У старого бедного Исаака нет таких денег.

— Скинем монеты, деньги будут, — заверил Канарский. — Упускать такой шанс нельзя.

— Очень правильно, — отозвался Гройсман. — Представляешь, Петя, какой кипиш

вызовет эта шуковина на любом европейском аукционе? Готов сброситься напололам: даю тридцать процентов.

— Давно хотел спросить тебя, Исаак Маркович, — после паузы спросил Канарский. — Зачем тебе столько денег?

— Мне не нравится здешний климат, — с печальным вздохом сообщил Гройсман. — Я долго думал Пётр, где Моисей на самом деле сорок лет водил мой народ? И я понял: он шёл как раз через Россию. Иначе, чем объяснить, как мои предки оказались именно здесь. Это историческое недоразумение, Пётр, пора исправить. Ещё полгода, и я увезу всех своих на историческую родину, куда-нибудь под Тель-Авив или Хайфу.

— Понятно, — теперь уже вздохнул Канарский. — А мне наоборот, хотелось бы жить здесь, на родине, а приходится торчать на чужбине. Когда Лимбах идёт на встречу?

— Сегодня в девять. Гостиница «Талисман», на Васильевском.

— Что ж, удачи. И сразу позвони мне, Исаак, о результатах.

— О чём ты говоришь, Пётр! Как только Мойша выяснит за монеты, я тут же выйду в эфир.

Послышался скрип стула, звяканье потревоженных бокалов и удаляющиеся шаги.

— Всё, Гройсман ушёл, — подытожил Антон. — И нам, Кирилл, тоже, пора.

— Скажите толком, — взмолился лейтенант, — о чём они столько времени тёрли?

— Некогда, — бросил ему Антон. — Расскажу по дороге. Твои архаровцы пасут сейчас Гройсмана?

— Ясен пень, — отозвался лейтенант. — Ещё со вчера.

Антон подал знак официанту и, отсчитав нужную сумму, бросил купюры на белоснежную скатерть.

— Да куда едем-то, кэп? — нехотя поднимаясь, спросил лейтенант.

— На Васильевский. Отсюда, кажется, недалеко...

Лимузин Гройсмана сопровождал на Васильевский остров хвост в виде неприметного зелёного «ситроена». Оперативники были на постоянной связи с Болтухиным, и тот ежеминутно докладывал:

— Едут через Дворцовый, встали в пробке на Васильевской стрелке, тащатся по набережной Макарова.

Не зная города, Антон вёл машину по навигатору. За окнами проносились опрятные величественные фасады домов, однако Антону было не до архитектурных изысков. Он был исполнен азартом предстоящего дела и желанием всерьёз поквитаться за недавнее фиаско с бобрищенским кладом.

«Интересно, о какой такой штуковине тёрли за столом два афериста? — думал Антон. — Что из бобрищенских сокровищ может вызвать серьёзный переполох на европейских аукционах? Ложка, табакерка, ордена? Нет, всё это мелко, всё не то...»

— Поворачивают к «Талисману», — доложил лейтенант. — Амба, кэп, паркуются на стоянке.

Гостиница «Талисман» представляла собой обычную питерскую семиэтажку и была лишена помпезности град-отеля и бонтонного обаяния «Старого зеркала». Однако, судя по плотно заставленной машинами гостиничной парковке, «Талисман» пользовался у гостей северной столицы несомненной репутацией.

Антону повезло: нашлось свободное место, и он припарковал машину метрах в двадцати от входа в гостиницу. Место для наблюдения было, пожалуй, идеальным.

— Фотографируй всех входящих и выходящих, — бросил он лейтенанту. — Всех без исключения.

Лимузин Гройсмана выделялся на стоянке, как большой чёрный ворон в стае разномастных пичуг. Помимо самого Исаака Марковича, чей громоздкий силуэт угадывался на заднем сиденье авто, впереди маячили две фигуры в чёрном: шофёр и тип с рыскающим лицом. Тип вылез из лимузина первым и цепко огляделся вокруг. О его профессиональной принадлежности не приходилось гадать: телохранитель. Немного обождав, выбрался из машины и сам Гройсман. Это был грузный обрюзгший человек в светлом костюме свободного кроя, который сидел на хозяине с изяществом картофельного мешка. На обширном рыхлом лице подпольного воротилы поблёскивали круглые бухгалтерские очки.

— Хорошо бы иметь фото этого самого Лимбаха, — вздохнул Антон, наблюдая за довольно оживлённым движением перед гостиницей. Постояльцы и их гости по одному и по двое входили и выходили, сверкая стеклянную дверь.

Была смутная надежда встретить среди этого многолюдья знакомую физиономию с недавнего фестиваля. Как бы упростилось вся эта история с убийством и графским кладом...

— Лимбах? — переспросил лейтенант, непрерывно щёлкающий на телефон всех гостиничных персонажей. — Тоже мне теорема Хеопса. Этот перец раз пятнадцать светился по особо крупным.

— И с такой богатой историей он на свободе?

— Поди, ухвати такого за жабры, — усмехнулся лейтенант. — Он в сделках участвует только как консультант. Ясно, что за приличный кэш, но при задержании при нём никогда

не случилось обнаружить ничего, кроме носового платка и неизменной лупы. Чист, как библейский ангел. А вот, кстати, и он.

Из дверей гостиницы появился худой высокий мужчина лет тридцати. Над его смуглым меланхолическим лицом возвышалась копна по-африкански чёрных волос, заплетённых в дреды. На ангела он был не похож, и крыльев за спиной Лимбаха явно не наблюдалось. Руки консультанта, не обременённые никакой ношей, на секунду приподнялись, изображая в воздухе какой-то замысловатый знак. После этого Лимбах неспешно пересёк стоянку, не взглянув в сторону напряжённо следящего за ним Гройсмана, и удалился по тротуару в сторону набережной Смоленки.

— Интересно, что он отсемофорил? — сам себя спросил Антон, глядя на удаляющуюся фигуру Лимбаха.

— Что делаем, кэп? — с беспокойством спросил Болтухин. — Может, ребятам цинкануть, чтобы пропасли? Уйдёт ведь, Антон Васильич!

— Пусть катится, — бросил Антон. — Сам же говоришь, не на чем его брать. Меня больше интересует тот, к кому приходил Лимбах. Так что сидим ровно и снимаем всех посетителей. Ребята пусть тоже замрут: Гройсман со своей гориллой наверняка будут его пасти. Заметят хвост — сделка может сорваться.

Антон оказался прав. Как только фигура консультанта скрылась за поворотом, Гройсман и его чёрный человек протопали через стоянку, шаря по сторонам напряжённым взглядом в поисках соглядатая. Не обнаружив ничего подозрительного, они отправились следом за Лимбахом.

— Теперь важен перехват разговора Гройсмана с Канарским, — задумчиво произнёс Антон. — Главное, чтобы Батон успокоился и не спешил убраться в Финляндию. Тогда вся наша затея коту под хвост.

— Да куда он не сорвётся, — беспечно отозвался Болтухин. — Где он столько бабла себе нарисует?

Замечание было верным. В психологии каждого барыги, пусть даже такого тёртого, как Канарский, всегда доминирует фактор жадности. На неё и следовало уповать.

После ухода Лимбаха снимать входящих в гостиницу уже не было никакого смысла. Пришлось переключиться на выходящих. Лейтенант безропотно выполнял эту нудную работу в течение последующего часа.

— Амба, — наконец заявил он, — память кончилась.

Антон задумался. Сколько ещё нужно торчать возле гостиницы? Если продавец приходил в номер, снятый только для встречи, то он, скорее всего, уже вышел из здания. Тогда есть шанс вычислить продавца по отснятым фото. А если продавец снял номер надолго? Стоило проверить всех постояльцев.

— Вот что, лейтенант, дуй на ресепшн и требуй информацию на всех, кто поселился в гостинице в течение последних трёх дней.

— Без ордера не дадут, — убеждённо сказал Болтухин. — Приватная информация.

— Не разочаровывай меня, лейтенант, — бросил ему Антон. — Будут артачиться, пригрози полномасштабным шмоном.

Антон подтолкнул Болтухина в плечо, выпроваживая из машины. Лейтенант побрёл к озарённой вечерним сиянием гостинице, по-пижонски засунув руки в карманы.

Пропадал Болтухин довольно долго, что вселило в Антона сдержанный оптимизм. Стало быть, не отшили и оставался шанс заполучить информацию без прокурорских наездов.

Вернулся лейтенант с победительной ухмылкой на лице.

— Там у них такая цыпа на ресепшене, огонь, — доложил он, шмякаясь на соседнее сиденье. — Я ей в уши надул, что секретный агент, что родина в опасности и в гостинице полно террористов. Она и поплыла. Чуть в обморок не грохнулась. Подхватил её возле пола. А какой бюст у администраторши, кэп! Не меньше четвёрочки. Ей богу, не вру. Пока её в чувства приводил, договорились на тили-вили. Взял её телефончик и адрес хаты.

— Я тебя не за её телефончиком посылал, — напомнил Антон.

— Ах, это, — спохватился Болтухин, вытаскивая флэшку из кармана. — Извольте. Полный список всех проживающих. Есть даже пометки об их гастрономических и сексуальных предпочтениях.

Антон принял флешку и хлопнул Болтухина по плечу. Этот шальной малый, непонятно каким ветром занесённый в полицию, начинал ему нравиться.

— Отзывай ребят, — распорядился Антон. — Сегодня им пасти больше некого. Пусть отдыхают. Завтра, наверняка, будет много работы.

Однако для себя отдыха Антон не планировал. Нужно было срочно пересмотреть все отснятые фото и список постояльцев гостиницы.

— Едем, — сказал он лейтенанту и включил зажигание.

Кирилл Болтухин жил в Красногвардейском районе, и, не слушая вялых возражений, Антон довёз его до дома.

На Неве уже начинали разводить мосты, когда он, подкатил, наконец, к «Старому зеркалу». Над городом в этот поздний час бушевало безумство белой питерской ночи...

Остаток ночи, если кисельное марево за окном можно было так величать, Антон провёл за экраном ноутбука. Отснятых лейтенантом фотографий оказалось около двух сотен. Лица выходящих из гостиницы получились на загляденье, а вот с входящими дело обстояло куда печальней: многие фото получились в профиль, а некоторые и вовсе с затылка. Все снимки Антон просмотрел придирчиво и не нашёл ни одной хотя бы смутно знакомой физиономии.

От гостиничных списков, добытых Болтухиным, проку оказалось не в пример больше. Проверяя паспортные данные постояльцев, Антон наткнулся на особу, приехавшую в Питер днём раньше из той же Тульской губернии, откуда должен был прибыть и сам продавец. Некая Екатерина Свирская, двадцати пяти лет, уроженка местечка Косая Гора, что под Тулой. Проживала дама в одиночном номере 712, забронированном на семь дней.

Эта была соломинка, за которую можно было ухватиться. Конечно, мало ли Екатерину приезжает из полумиллионного города в северную Пальмиру посмотреть на Эрмитаж и белые ночи. Всё так, но чутьё Антона, его многолетний опыт говорили: это не совпадение, это — след.

Первое, что нужно было сделать незамедлительно — навести справки о Свирской. Кто такая, где работает и, главное, с какой целью прикатила в Санкт-Петербург.

Интернет — великий маг современности. Не успел Антон заварить себе кофе, как на его почту пришёл ответ от оперативного дежурного по Тульскому ОВД:

Свирская Екатерина Андреевна, 1995 г.р., проживает в посёлке Косая гора, ул. Школьная, д.5., кв. 12. Не замужем. Сотрудница областного краеведческого архива.

К данным прилагалось фото Свирской и номер её мобильного телефона.

— Что ж, Екатерина Андреевна, не пора ли познакомиться? — тихо произнёс Антон, разглядывая миловидное лицо, улыбающееся с фотографии.

Его вдруг охватило хорошо знакомое предчувствия неременной удачи. Сотрудница краеведческого архива. Не она ли и хороводит всем этим спектаклем с бобрищенским кладом? А что если это не спектакль, а бенефис? Может быть, госпожа Свирская действует в одиночку? Впрочем, нет! Антон вспомнил багор, торчащий из спины трупа, и новая, едва забрезжившаяся версия рассыпалась в прах. Кроме того, представить себе ныряющую за сундуком сотрудницу областного архива Антон тоже не смог. Есть у неё сообщник, обязательно есть. Именно он убил гражданина Котова, именно он достал клад и именно он выкрал письмо у Луи Кастора. Вот только, кто он? Орудие в руках хитрой авантюристки или же её повелитель, держащий свою жертву в безусловном подчинении? Пожалуй, Антон смог бы решить эту дилемму, познакомившись с девушкой.

Выяснить, с какой целью пожаловала сотрудница архива в Питер, до утра не представлялось возможным. «Утром, честь по чести, подниму весь оперативный отдел. Пусть потрясут начальство госпожи Свирской. Вдруг, и в самом деле, промашка? Просто командировка или отпуск? Утром, всё утром...».

Антон выключил ноутбук и рухнул на неразобранную кровать.

Разбудил его робкий стук в дверь. Болтухин? Нет, этот так скрестись не подумает. Антон сел на краю кровати, прогоняя остатки недолгого сна.

— Войдите, — сказал он.

Дверь отворилась, и в номер вошёл Костя Тагарин.

— Разбудил? — участливо поинтересовался он.

— Разбудил, — отчаянным усилием подавляя зевок, признался Антон. — Чего припёрся в такую рань?

Часы и в самом деле показывали без четверти семь.

— Есть новости, — коротко сообщил Костя.

— Новости — это хорошо, — произнёс Антон, ощупывая небритую щёку. — Ты посиди здесь, я хотя бы умоюсь.

— У вас пожевать нечего? — спросил Костя, присаживаясь на стул.

— Пожевать? Сейчас устроим.

Антон подошёл к телефону, стоящему на прикроватной тумбочке и поднял трубку.

— Дежурный? Доброе утро, девушка. Мне бы завтрак в номер и поскорее. Два кофе и пару бутербродов. Нет, лучше, четыре. Да, можно с ветчиной. Десять минут? Отлично. Номер 217.

— Спасибо, — вздохнул Костя. — А то со вчера на диете.

— Что так? — поинтересовался Антон. — Не нашёл, где перекусить?

— Днём на набережной чебуреков купил, — отозвался Костя. — А вечером тут одни бары да рестораны. Цены столичные. Ничего, сегодня заранее закуплюсь.

Антон вздохнул, чувствуя дискомфорт от мысли, что они с лейтенантом отужинали вчера в роскошном заведении, тогда как парень лёг спать голодным.

— Ты как обустроился? — спросил он с неподдельным сочувствием.

— Так себе, — пожал плечами Костя. — Всю ночь финны-студенты горланили, да и тараканов там тьма.

— Ясно. Может, переберёшься ко мне? — предложил Антон. — Спать, правда, негде. Разве что кресло разложить.

— Нет, что вы, — смутился Костя. — Я пока там перекантуюсь. А потом, тётка у меня в Питере. Думаю, пустит на пару дней.

— Ну, как знаешь, — бросил Антон, направляясь в ванную.

Когда он вышел, выбритый и посвежевший, на столике возле ноутбука стояли чашки кофе и обещанные бутерброды. Один из них повеселевший Костя уже прикончил.

— Ты говорил про новости, — напомнил Антон.

— Гройсман отправил сообщение Канарскому, — не переставая жевать, сообщил Костя. — Пишет, что какой-то Мойша даёт добро и что товар стоящий.

Антон кивнул. Новости были ожидаемые.

— Что-то ещё?

— Гройсман написал, что хвоста не было.

Антон снова кивнул. Костя стремительно дожевал второй бутерброд, запил, обжигаясь, горячим кофе и сообщил, наконец, главное:

— Гройсман пишет, что продавец — баба.

Антон кивнул в третий раз, и на этот раз Костя посмотрел на него удивлённо.

— Вы знали?

— Скорее, догадался, — сказал Антон, пробуя принесённый кофе. Вкус оказался недурным. — В списках постояльцев гостиницы, где упомянутый тобой Мойша встречался с продавцом, значится некая мадам Свирская, накануне приехавшая из Тулы.

— Так просто? — задумчиво произнёс Костя. — И что теперь?

— Будем следить за Свирской. Как только с ней встретятся покупатели, прихлопнем всю компанию разом.

— Ясно, — сказал Костя. — А что делать мне?

— Сможешь установить локацию по телефону?

— Смогу, — пожал плечом Костя. — Если он будет включен.

— Тогда держай, — Антон кивнул лежащий на столе ноутбук.

Костя задумчиво кивнул и пересел поближе к компьютеру. Пока он возился с поисковой программой, Антон позвонил Болтухину.

— Дрыхнешь? — спросил он, услышав в трубке громкий зевок. — Одевайся и дуй ко мне.

— Яволь, герр капитан! — отозвался Болтухин.

В номере Антона лейтенант появился ровно в восемь.

— Доброе утро, экселенс, — поздоровался он, без стука заходя в дверь.

Вчерашний выпускной костюм был оставлен дома и лейтенант предстал перед Антоном в своём первозданном виде: траченных джинсах со свисающими с колен нитками и безразмерной чёрной футболке с черепом.

— В нашей стае новая особь? — весело осведомился он, бросив взгляд на Костю.

— Познакомьтесь, будем работать вместе, — сказал Антон, давая возможность молодым людям представиться самостоятельно.

— Тагарин Константин, — буркнул Костя с видом человека, которого оторвали от решения мировых проблем.

— Константин — это звучит антично, — одобрил лейтенант. — А моё погоняло Болт.

— Болт?!

— Если по паспорту, Болтухин Кирилл Станиславович, — с готовностью пояснил лейтенант. — Пока представишься, щи прокиснут.

— Болт так Болт, — пожал плечами Костя. — Антон Васильевич, с локацией не выходит. Наверное, телефон у этой вашей Сквирской выключен.

— Свирская Екатерина Андреевна, — машинально поправил Антон. — Между прочим, вполне симпатичная девушка.

— Предлагаю внедриться в банду, — предложил лейтенант. — Пользуясь своим личностным обаянием, я вступаю в интимную связь с этой вашей Екатериной Андреевной и в момент близости выведываю все секреты её сообщников. Читали «Момент истины» Богомолова?

— Не предполагал, что ты вообще умеешь читать, — усмехнулся Антон. — Хотя мысль дерзкая. Стоит подумать.

— Если уж кому-то и знакомиться с девушкой, так это мне, — неожиданно предложил Костя.

— Обоснуй, — попросил Антон.

— Я успел прочесть ответ на ваш запрос об этой девушке. Вы уж, извините, Антон Васильевич, но вы не закрыли файл, — Костя смущённо потупился.

— Продолжай.

— Девушка, как я понял, работница областного архива. Такую вряд ли заинтересует юноша с внешностью гопника и погонялом Болт.

— Алё, за гопника можно и по рогам, — возмутился лейтенант. — Девушки, между

прочим, грезят о плохих мальчиках, а не о тех, кто им будет цитировать Шопенгауэра.

— Брэк, — сказал Антон, осаживая распетушившихся помощников. — Конечно, познакомиться со Свирской было бы неплохо. Костя, первым попробуй, ты. Если не получится, подключим героя с отрицательным обаянием.

Лейтенант вздохнул и безнадежно махнул рукой.

— Теперь о Канарском, — напомнил Антон. — Вести его нужно нежно, чтобы он ни в коем случае не почувал слезки.

— Обижаете, кэп, — возмутился Болтухин. — У него на хвосте сидят Карагод, Тихий и Гном. Лучшие оперативники из отдела.

— У вас не отдел, а малина какая-то, — покачал головой Антон. — Как только будут новости, сообщай мне немедленно.

— Костя, — обратился он к Тагарину, — Гройсман при встрече с Канарским показал тому фото весьма ценной вещицы. Не знаешь, о чём могла идти речь?

Костя пожал плечами.

Поселить Костю на седьмом этаже «Талисмана», где проживала уроженка тульской губернии, оказалось не так-то просто. Гостиница была забита под завязку. Не помогло и отрицательное обаяние лейтенанта Болтухина.

— Это невозможно, господа, — сообщил сухой как палка клерк с бесцветными бегающими глазами. — Сами понимаете — сезон. Так, сказать, белые ночи.

Невозможное стало возможным, когда Антон предъявил удостоверение и пригрозил небывалым в истории гостиницы шмоном. В дело пошёл тезис о террористах, придуманный накануне лейтенантом.

Костю подселили в двухместный номер к пожилому шведу, который сутками пропадал в питейных заведениях и борделях культурной столицы. Антон был рад и за Костю, который проведёт пару ночей в комфортных условиях и за шанс побольше разузнать о таинственной работнице архива. Пожелав Косте успеха в завоевании симпатии гражданки Свирской, Антон откланялся и поспешил удалиться из «Талисмана», чтобы ненароком не намозолить глаза возможным соглядатаям Гройсмана.

Пока Антон покидал гостиницу, пришло два сообщения: первое из оперативного отдела Тульского ОВД, второе от хвоста, приставленного за Канарским. Первое было, пожалуй, ожидаемым: гражданка Свирская Е.А. взяла внеочередной двухнедельный отпуск и отбыла в неизвестном направлении. Впрочем, направление было, как раз, известным.

Второе сообщение прозвучало в пересказе лейтенанта Болтухина и отличалось более художественным анализом ситуации:

«Пётр Канарский, погоняло Батон, вышел из „Старого зеркала“ в 9.37. На Дворцовой набережной объект приобрёл пончик и до 10.28 кормил голубей и придавался ностальгическим созерцаниям Невы. Ни одной подозрительной рожи поблизости не наблюдалось. Затем объект проследовал в антикварный магазин на Гороховой, где и завис до 11.35. В магазине гражданин Батон приобрёл бронзовую статую правосудия за 3200 рублей со сломанными весами. (По мне, так этот Батон — чистый лошара. За сломанную статуэтку три косаря! Да еще потребовал документ, что она не представляет художественной ценности. Ясен пень, не представляет. Такой страхолодиной только орехи колоть, а он её за бугор вывозить собрался. — прим. лейт. Болтухина К. С.). Там же, на Гороховой, объект посетил Петропавловскую церковь, где пробыл до 12.22, где, должно быть, замаливал грехи. Агент Гном внутрь церкви не заходил по причине неподходящей одежды и происходящее там наблюдал со стороны двери. Гражданин Канарский приобрёл не менее дюжины толстых восковых свечей, одну из которых зажёл и поставил перед иконой Николая чудотворца. После этого, перекрестившись, вышел из церкви. Гном божится, что к объекту за всё это время ни одна падла не приближалась».

Дослушав пространный доклад Болтухина, сидящего рядом в машине, Антоном задумался. В отличие от лейтенанта, он догадывался, для чего понадобилась Канарскому сломанная статуя правосудия и дюжина толстых церковных свечек.

— Размер статуи сантиметров двадцать пять-тридцать? — спросил Антон.

Болтухин немедленно связался с Гномом по рации, что-то сказал ему на птичьем языке и кивнул:

— Точно так, кэп, статуэтка размером с пивную полторашку, — подтвердил он. — А вы

это как поняли?

— Канарскому необходим контейнер, чтобы вывезти монеты, — пояснил Антон. — Бронзовое литьё, как правило, пустотело. Внутри семь империалов вполне уместятся. А чтобы они не звенели, как в копилке, он их зальёт воском.

— Мама мия! — воскликнул лейтенант, звонко хлопнув себя ладонью по колену. — А я-то его за лошару принял. Извиняйте, гражданин Канарский, что не оценили красоту ваших помыслов. И ведь как ловко: ни один сканер не определит монеты внутри бронзовой статуэтки! Разве что при тщательном досмотре.

— А такого не будет, — подхватил Антон. — Учитывая «нужного человечка» на таможне.

— Теперь понятно, почему этому челу всё с рук сходит. Больно умён. А умный человек должен жить на свободе.

Антон не разделил этой максимы, тем более, что «умный человек» Канарский уже дважды чалился в мало интеллигентной компании. Похоже, назревала и третья ходка. Антон включил зажигание и повёл машину по уже знакомой дороге к «Старому зеркалу». Торчать на стоянке перед «Талисманом» не было сейчас никакого смысла. Оставалось ждать. Ждать, когда умная и осторожная добыча сама подставит себя под выстрел.

До самого вечера не происходило ничего примечательного. Костя не звонил и, следовательно, было непонятно, насколько преуспел он в попытках знакомства с гражданкой Свирской. Наружка, пущенная за Батоном, также новостями не баловала: Канарский, отнеся статуэтку и кулёк со свечами в номер, из гостиницы больше не выходил.

В ожидании предстоящих событий Антон и лейтенант Болтухин, вернулись в номер и, заказав пиццу и чудовищное количество кофе, принялись ждать.

Лейтенант расположился в кресле, на американский манер положив ноги в чумазых кроссовках на столик, где сиял экраном включенный ноутбук.

— Я всё хотел спросить, кэп, — произнёс он, откусывая от большого треугольного куска пиццы. — Как мы будем брать эту публику за «фаберже»?

— В момент сделки, — охотно пояснил Антон. — Когда покупатель оплатит монеты и выложит всю наличность. Меня больше занимает, конечно же, продавец. Во-первых, он связан с убийством, во-вторых, он знает, где спрятан остальной клад.

— А с чего вы взяли, ваше превосходительство, что расплачиваться будут наличными? — лейтенант шумно отхлебнул кофе. — В последнее время серьёзные перцы рассчитываются не кэшем, а безналом. Батон прибыл в Питер без чемодана, а, следовательно, без наличности.

— А зачем ему таскать наличность через границу? — возразил Антон. — У него есть счета в ВТБ и «Райффайзенбанке». Достаточно зайти и обналичить.

— Это слишком заметно, — парировал лейтенант. — Я бы поставил на безнал. Быстро, красиво и аккуратно. Без пальчиков и потожировых следов на купюрах.

— Но такую крупную транзакцию не проведёшь незаметно, — не сдавался Антон. — Всегда можно отследить и счёт продавца, и счёт покупателя.

— Если продавец не последний лох, то, наверняка, создал виртуальный счёт на несуществующее лицо, — лейтенант отправил в рот последний кусок и с удовольствием облизал пальцы. — А транзакцию можно провести и в биткойнах. Хрен мы её тогда отследим.

Антон задумался и с сомнением покачал головой.

— Для этого нужно быть неплохим хакером, — сказал он. — Надеюсь, наш продавец предпочтёт кэш.

— Поживём, увидим, — философски объявил лейтенант, закрывая лицо гостиничным полотенцем и явно собираясь вздремнуть.

В этот момент тренькнул телефон Антона — пришла SMS-ка от Кости Тагарина: «Познакомился. На вечер пригласил в кафе. Одолжите немного денег».

Антон показал текст встрепенувшемуся лейтенанту.

— Вот тебе и ботаник! — воскликнул Болтухин. — Чиксу на раз-два закадрил. Дайте мне пепел, экселенц, я посыплю им голову.

— Лучше посоветуй, куда Косте пойти с гражданкой Свирской, так чтобы это не нанесло моим финансам непоправимый удар.

Антон достал из кармана пиджака поредевшую стопку купюр и пересчитал. Двенадцать тысяч с мелочью. На кафе можно инвестировать тысячи три-четыре, чтобы остался хоть какой-то резерв.

— Чисто с оперативной точки зрения, лучше бы кабак, — рассудил лейтенант. — Там и понаблюдать за объектом можно и жука поставить.

— Нет, нужно что-нибудь молодёжное, например, караоке-бар, — возразил Антон. — И так, чтобы не слишком далеко от «Талисмана».

— На Васильевском это либо, «Dew», либо «Синатра», либо «Феромон», — загибая пальцы, перечислил Болтухин. Впрочем, «Феромон» не советую.

— Это почему же?

— Публика там непочтительная, — пояснил лейтенант. — По весне мы в «Феромоне» с пацанами столик засняли: у Тихого, то есть, лейтенанта Тихонина, днюха была. Четвертак, шутка ли?! Можно сказать, философский возраст. Чикс пригласили, то да сё. Сидим мирно и пьём кампари. И тут какой-то бычара Бузову в караоке заказал. Ладно, думаю, наши деды войну пережили, и мы сдюжим. Гляжу, а эта падла ещё раз Бузову ставит. Всему есть предел, кэп. На четвёртый раз я вежливо, можно сказать, литературно, попросил его сменить репертуар. Он сразу в амбицию и в драку. За него ещё шесть рыл вписались. Никогда не думал, кэп, что у Бузовой столько поклонников в Питере. Пока мы их рогами в пол ставили, охрана омон вызвала. Короче, допраздновали мы в родном обезьяннике с побоями средней тяжести.

— Понятно, — сказал Антон. — А что насчёт «Синатры»?

— Заведение почтенное, — серьёзно кивнул Болтухин. — Бузовой, наверняка, и в списках не значится. Только, учтите, кэп, ставить там жука затея убогая: в зале такой тарарам стоит, что в двух шагах ни хрена не слышно. Да и следить внутри не получится. Зал маленький, все на виду. А у вас, кэп, простите за мой французский, со лба гордо сияет мусорская кокарда.

— А мы на этот раз и не будем следить и слушать. Ты забываешь, лейтенант, что с гражданкой Свирской туда пойдёт наш Костя, — напомнил Антон.

— Ох, поломает нам этот ботаник с античным именем всю масть, — сокрушённо вздохнул Болтухин. — Нет бы послать на задание человека проверенного, с богатым жизненным опытом.

Он достал из кармана джинсов маленькое треснутое зеркало и придирчиво оглядел себя с головы до ног. Судя по выражению лица, он остался собой доволен.

— Человек с богатым жизненным опытом будет сегодня на подстраховке, — сказал Антон. — Поднимайся, поехали к «Талисману». Надо передать Косте деньги и объяснить, где находится бар «Синатра».

Костя выскочил на стоянку сразу после звонка Антона. Должно быть, слонялся в фойе гостиницы в томительном ожидании.

— Я уже думал, не успеете, — бросил он, подбегая к машине. — Катя должна вот-вот спуститься из номера.

— Ого! Уже, Катя! — воскликнул Болтухин. — Кэп, я погибну от ревности. Чем ты её зацепил, бродяга? Рассказал про бином Ньютона?

Антон сунул в руку разволновавшемуся Косте несколько купюр.

— Отведёшь Свирскую в бар «Синатра». Вполне прилично и недорого. Мы будем на связи, но внутри, тебе придётся действовать самому, — Антон потрепал парня по плечу. — Справишься?

— Не переживайте, Антон Васильевич, — заверил Костя, пряча деньги в карман. — Катя — хорошая девушка. Я думаю, её просто используют какие-то люди.

— Вот это и надо выяснить, — кивнул Антон. — Лейтенант, — обратился он к Болтухину, пребывающему в трагической задумчивости. — Объясни Косте, как добраться до бара.

— Внимайте, мой юный друг, — со вздохом произнёс лейтенант и довольно толково объяснил предстоящую Косте навигацию.

Костя нетерпеливо выслушал и метнулся назад к гостинице.

— Вот почему так, кэп? — с философской грустью заметил Болтухин, глядя на удаляющегося Костю. — Одним, музыка, коктейли и лучшие женщины, а другим, может быть, более достойным, сидение в засаде на шухере?

— Ты лучше скажи, кавалер, как у тебя с той дамой, которой ты про террористов наплёл?

— Субтропики, кэп, — оживился Болтухин. — Зовут Вероника. Шлёт фотки в бикини и без и пишет, что ожидание ей томительно.

— Так чего же тебе ещё надобно, Казанова? — усмехнулся Антон. — Блаженствуй в своих субтропиках.

— Вы оскорбляете, кэп, мою здоровую полигамность, — возмутился Болтухин.

В этот момент из стеклянных дверей «Талисмана» показалась парочка: Костя и стройная аккуратная девушка с клатчем белой кожи в руках. Они прошли стороной от машины, где сидели Антон с лейтенантом. Костя что-то говорил, девушка кивала и беззаботно смеялась. Когда Костя приобнял её за талию, лейтенант застонал.

— Ты лучше сними их вместе, Отелло, — толкнул его в бок Антон.

Болтухин сделал несколько кадров, бормоча себе под нос что-то невнятное.

— Готово, — сказал наконец он. — Теперь, Костян не отвертится, придётся жениться на бедной девушке.

— Посмотрим, не увяжется ли за ними кто-нибудь от гостиницы, — сказал Антон, провожая пару глазами.

Однако за удаляющейся парочкой никто не следил.

— Едем к бару и перехватим их там, — решил Антон. — Хвост может прицепиться и по дороге.

Так и сделали. Пользуясь подсказками лейтенанта, Антон быстро домчал машину до

сияющей огнями «Синатры». Возле клуба тусила опрятная и вполне интеллигентная молодёжь. Слышался пустяшный вечерний разговор и негромкие взрывы смеха.

Вскоре появился и Костя с гражданкой Свирской. Девушка, помимо клатча, держала теперь в руках одинокую белую розу и казалась счастливой и беззаботной.

— Вот хмырь, — попенял сопернику лейтенант. — Уже и цветочком где-то разжился. Кэп, а что если он поведёт даму в номера? Я слышал, здесь есть, для особо нетерпеливых.

— Ты лучше по сторонам смотри, — бросил ему Антон. — Девушку могут и пасти.
— Кто?

— Конь в пальто, — рассердился Антон. — Ты забыл, что у неё может быть сообщник? Лейтенант нахмурился и принялся зыркать по сторонам, готовый в любой момент сфотографировать каждую подозрительную личность. Однако, подозрительных личностей перед баром так и не появилось. К бару подходили только парами и небольшими компаниями.

Затейливые двери «Синатры» то и дело открывались, проглатывая очередную парочку, и из мерцающих глубин заведения выплёскивались и таяли в летнем вечернем воздухе самые неожиданные аккорды.

— Странно, — сказал Антон, когда фигурки Кости и его дамы исчезли за дверью. — Я был уверен, что сообщник захочет проследить за кавалером своей подельницы. — Что-то я упустил. Или чего-то мы с тобой, лейтенант, не знаем.

— А может быть, и нет никакого сообщника? — зевнул лейтенант.

— Нет, не может быть, — покачал головой Антон. — Не могла она сама провернуть такое мероприятие, да ещё и с убийством.

— Тогда, похоже, нам крутят хвоста, кэп, — убеждённо заявил Болтухин.

— Ещё не вечер, — сказал Антон, пытаясь скрыть нарастающее беспокойство. — Центральная фигура в предстоящей сделке — это Канарский. Главное, не упустить нам эту персону.

— Этого бобра не упустим, — заверил лейтенант.

Толпа перед баром растаяла окончательно, и дальнейшее наблюдение становилось бессмысленным. Антон включил двигатель и покатил к «Старому зеркалу». Оставалось ждать новостей от Кости, но это, по здравому размышлению, могло произойти лишь под утро. К этому времени надо было бы хорошенько выспаться.

Однако, и в эту ночь выспаться было не суждено. В половине третьего позвонил Костя.

— Антон Васильевич, — крикнул он в трубку, — она пропала!

— Кто? — не разобрав спросонья, переспросил Антон.

— Катя, — тоскливо пояснил Костя. — Пошла в туалет и пропала.

— А ты сам-то сейчас где?

— Здесь, в «Синатре».

Антон действительно разобрал чьи-то голоса и отдалённую музыку.

— Я на улицу вышел, — пояснил Костя. — Внутри такой тарарам, ничего не слышно.

— Может, она ещё в туалете? — предположил Антон, судорожно натягивая брюки.

— Я проверил, — отозвался Костя. — Попросил девушку зайти: Кати там нет. Бармен сказал, что у них есть второй, черновой выход. Наверное, через него вышла.

— Оставайся на месте, — бросил Антон, шаря по креслу в поисках носков. — Я буду минут через двадцать.

— Так ведь мосты, — напомнил Костя. В его голосе звучало отчаяние.

— Верно, — вспомнил Антон о ночных питерских реалиях. — Всё равно не кисни, я что-нибудь непременно придумаю.

Остатки сна улетучились, когда Антон наскоро умылся холодной водой. «Вот чёрт, — с досадой думал он, набирая номер телефона Болтухина. — Неужели раскусила нас милая девушка...»

Телефон лейтенанта долго и меланхолично молчал. Когда, наконец, лейтенант ответил, голос его был неожиданно бодр:

— Смольный слушает, — сказал он зловещим шёпотом. — Кэп, вам спать мешают белые ночи?

— Свирская сбежала из бара, — коротко объявил Антон. — Как можно попасть сейчас на Васильевский?

— А какое сейчас Московское время?

— Без четверти три.

Болтухин ненадолго задумался.

— Способов ровно два, — всё тем же шёпотом сообщил Болтухин. — Можно вкругаля по скоростной, а можно через Дворцовый мост. Его в 3 утра сводят минут на пятнадцать. Как раз успеете.

— А ты чего такой таинственный? — поинтересовался Антон.

— Да у меня тут субтропики, — ещё более шпионским голосом сообщил Болтухин.

В телефоне послышалась возня, и чей-то томный голос капризно осведомился:

— С кем это ты, зайка? Какая-нибудь сучка? Отшей её!

— Это по работе, — буркнул лейтенант. — Капитан Кречетов.

— Капитан?! — сладко пропел голос.

Снова послышалась возня и в трубке раздался уже отчётливый женский голос:

— Плыви к нам, капитан, покатай меня на своём кораблике.

— Отдай телефон! — выкрикнул на той стороне эфира голос лейтенанта. Послышался какой-то треск и связь прекратилась.

Антон вздохнул и посмотрел на часы. До сведения моста оставалось минут двенадцать.

Он успел вовремя. Две половинки моста, сияя огнями, медленно и величественно опустились, и по ним, спеша по каким-то ночным делам, понеслись машины. Антон проскочил Дворцовый мост, выехал на набережную Макарова и уже через пару минут домчал по пустым дорогам до злосчастного бара. Костя стоял на тротуаре возле дверей «Синатры», держа в руках ту самую белую розу.

— Вот, — трагически вздохнув, сказал он. — Оставила её в туалете и исчезла.

— Садись, едем в «Талисман», — бросил ему Антон.

Костя ткнул поникший цветок в урну и сел в машину.

— Я вас подвёл, Антон Васильевич, — мрачно сказал он.

— Я сам виноват, — ответил Антон вполне искренне. — Надо было остаться и посмотреть за баром, а мы с лейтенантом спать поехали.

— Кто же мог знать? — вздохнул Костя. — Она показалась мне такой правильной.

Путь от «Синатры» до «Талисмана» не занял пяти минут.

— Если она ещё в номере, постучись к ней и разыграй обиженного ухажёра, — проинструктировал Костю Антон.

Они вдвоём вышли из машины и направились к стеклянным дверям гостиницы. Однако,

разыгрывать обиженного ухажёра Косте не пришлось. Сонный портье, которому Антон сунул под нос своё удостоверение, тотчас пробудился и по-военному доложил: постоялица из 712 номера отбыла из гостиницы в неизвестном направлении полчаса назад. Из вещей при ней были чемодан на колёсах и дорожная сумка. Гражданку ожидало такси.

— Съехала, — сказал Антон, с чувством хлопнув ладонью по стойке администратора, до блеска отполированной локтями многочисленных постояльцев. Портье испуганно вздрогнул:

— Такси «Семёрочка», — сообщил он, по-сержантски вытянув шею. — У них на капоте цифра семь нарисована.

— Может, и номер знаешь? — спросил Антон, доставая из кармана блокнот и ручку.

— Как же не знать, — с готовностью отозвался портье. — На дню раз по двадцать для постояльцев вызываем.

Он по памяти продиктовал несложный номер, который Антон аккуратно занёс в блокнот. Поблагодарив услужливого портье, Антон вышел из гостиницы. За ним, виновато потупившись, семенил Костя.

— Это из-за меня, — промямлил он, когда они подошли к машине. — Где её теперь сыщешь?

— Найти её и в самом деле теперь непросто, — признал Антон. — Попробуем узнать у диспетчера, куда её увезло такси. Будет понятен хотя бы район поиска. Не вешай нос, Костик, не всё так плохо. Свирская всё равно должна будет встретиться с Канарским. Сделка-то пока что не состоялась.

Антон в два счёта дозвонился по телефону, данному портье, но информацию, которая его интересовала, диспетчер категорически отказался предоставлять. Не помогли ни просьбы, ни угрозы. По телефону удостоверения не предъявишь. Нужно было ехать в контору злосчастной «Семёрочки» самолично и, как выразился бы лейтенант Болтухин, «брать их на зихер».

До самого Болтухина Антон так и не дозвонился. Телефон лейтенанта был вне доступа.

Отправив расстроенного Костю в его номер, снятый в «Талисмане», Антон отправился разыскивать контору «Семёрочки». Конечно, в этом деле очень пригодился бы Болтухин, хорошо знавший город, но телефон лейтенанта был по-прежнему вне доступа. Пришлось воспользоваться навигатором и опросом редких ночных прохожих. Через час, покинув Васильевский остров по объездной трассе, Антон разыскал нужный офис и употребил остатки обаяния и терпения, чтобы добиться от дежурных диспетчеров должной оперативности. Наконец, шофёр, отвозивший одинокую даму из «Талисмана» был найден. Выяснилось, что доставил он её к речному ресторану «Белые ночи» на набережной Лейтенанта Шмидта. Услышав эту новость, Антон крепко выругался. Если бы знать сразу, что беглянка осталась на Васильевском острове, в пяти минутах от «Талисмана»! Вишенкой на торте было сообщение шофёра о том, что возле ресторана её ждал импозантный гражданин лет пятидесяти, высокий, седой, холёный. Уж, не Канарский ли?

Тут было над чем подумать. Если филёры, приставленные к гражданину Батону, обмишурились и упустили подопечного, предстоял серьёзный разбор полётов с питерскими коллегами. А если это не Канарский? Тогда в спектакле откуда-то появился новый персонаж. Нет, не может быть. Слишком уж сложно...

Антон посмотрел на часы: без четверти пять. Немедленно в гостиницу! Во-первых, выяснить, не отлучался ли из номера посреди ночи постоялец Канарский, он же Юхон Мякинен, а во-вторых... Во-вторых, хотя бы пару часов поспать, иначе можно понаделать ещё больше непростительных глупостей...

Возле гостиницы, шагах в пятидесяти от входа, маячило знакомое авто, в котором угадывались две неподвижных фигуры: Карагод и Тихий — коллеги лейтенанта Болтухина. Антон подошёл к машине. Тотчас из окна высунулась косматая физиономия и огляделась по сторонам.

— Доложите обстановку, — тихо произнёс Антон.

— Всё спокойно, товарищ капитан, тихо, как на погосте, — бойко отрапортовал сотрудник. — Объект из гостиницы не выходил.

Второй филёр спал, откинувшись на спинку сидения.

— Есть сведения, что гражданин Канарский час назад был замечен на Васильевском острове, — сообщил Антон.

Оперативник решительно покачал головой.

— Если только он святой дух или японский синоби, — категорично сказал он.

Антон вопросительно посмотрел на спящего.

— Вы не сомневайтесь, товарищ капитан, — понял его взгляд оперативник. — Мы с лейтенантом Тихониным спим по очереди, по два часа. Привыкли уже. Да и камера всё время включена.

Сотрудник кивнул на глазок камеры, закреплённой на зеркале заднего вида.

Антон вздохнул. Распекать лейтенантов было, вроде бы, не за что. Однако проверить, на месте ли гражданин Канарский, всё-таки стоило.

— Товарищ капитан, а когда эта байда, то есть, операция, закончится? — спросил косматый оперативник. — Сутками дома не бываем.

— Скоро, лейтенант, скоро, — заверил Антон. — Похоже, мы сейчас близко к финишу.

На третьем этаже «Старого зеркала», где располагался люкс гражданина Мякинена, Антон не повстречал ни души. Пройдя на цыпочках к номеру 312, капитан приложил к двери ухо: в номере громко сопели, ворочались и оглашали пространство немзыкальным храпом. Люкс был одноместным, и доносившиеся из-за двери звуки могли означать лишь одно: постоялец дрых.

Антон вздохнул и отправился на свой этаж. Результаты ночи были неутешительными: подозреваемая сбежала, а в мозаике преступления появился ещё один загадочный пазл: импозантный седой джентльмен. Вопросы гудели в голове Антона беспорядочным роем, но отвечать на них не было уже никаких сил.

«Всё, амба, как говорит Болтухин. Спать! Полцарства за час в кровати. А завтра ещё посмотрим, у кого будет грудь в крестах». Про «голову в кустах» думать Антону в этот рассветный ленивый час, который на Востоке называют часом Кота, совсем, совсем не хотелось...

Болтухин явился в номер позже положенного, в восемь тридцать и на этот раз деликатно постучался. Антон, освежённый коротким сном, уже бодрствовал и с удовольствием растирался махровым полотенцем после контрастного душа. Вид у лейтенанта был до крайности виноватый и какой-то потрёпанный.

— Кэп, — сказал он, глядя себе под ноги, — Случились обстоятельства непреодолимой силы. Эта лахудра мой телефон спёрла. И, вообще, кэп, я разочаровался в женщинах.

— Что так? — поинтересовался Антон, натягивая свежую, хрустящую от чистоты, майку.

— У них потребности, кэп, исключительно материальные, — шумно вздохнул Болтухин. — Я ей Басё читал, а она...

— Что читал? — не расслышал Антон.

— Мацуо Басё, — проямлил лейтенант. — Поэт японский.

— Ну-ка, продекламируй, — заинтересовался Антон. — Интересно, чем развлекают сейчас современных девушек.

— Стихи, конечно, на любителя, — замялся Болтухин. — Ну, вот, например, про ворона:

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.

— Это всё? — спросил Антон после некоторого ожидания.

— Классическое хокку пишется трёхстишием. Оно совершенно во всех отношениях, и в нём нет ничего лишнего, — с воодушевлением пояснил Болтухин. — Вот, скажем:

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.

— Действительно, ничего лишнего, — признал Антон. — Скажи, лейтенант, а она только телефон умыкнула?

— Ещё триста рублей и зонтик, — вздохнул лейтенант.

— Ну, за старину Басё это недорого, — заверил Антон. — А у нас тоже неприятности: сбежала наша симпатичная девушка. Прямо из-под носа сбежала.

— Сплоховал, значит, ботаник, — оживился лейтенант, возвращаясь в прозу рабочих будней. — Говорил я, кэп, надо было послать с ней человека опытного.

— Это не того, которого девица обнесла прошлой ночью?

— Неудачи только укрепляют дух самурая, — с унылым пафосом произнёс Болтухин. — Кэп, а у вас пожрать есть что-нибудь?

Антон заказал кофе и неизменные бутерброды в номер.

— Как мы теперь будем созваниваться, лейтенант? Телефон то тью-тью.

— К вечеру восстановлю симку, — пообещал Болтухин. — А с ребятами у меня связи есть.

Лейтенант извлёк из кармана джинсов портативную рацию. Она немедленно ожила, и в номере раздался трескучий голос:

— Аллё, Болт, ответь Карагоду.

— Болт на связи, — немедленно отозвался лейтенант. — Где у нас закипело?

— Чухонец звонил Гройсману. Сказал, что взял свои семь монет. Похоже, будет вставать на лыжи.

— Погоди, ты же говорил, что чухонец не выходил из «Зеркала».

— В том то и кино, Болт. Падлой буду, мы с Тихим его всю ночь пасли. Только что прокрутили запись с камеры. Нет там никакого Батона. Может, он нам «буратино» включил?

Болтухин дал отбой и убрал рацию в карман.

— Что значит, «буратино»? — спросил Антон, внимательно слушавший разговор.

— Вы в детстве «Золотой ключик» читали, кэп, про потайную дверцу?

— Думаешь, с чёрного хода вышел, — не столько спросил, сколько констатировал Антон. — Вполне возможно. Канарский в «Старом зеркале» клиент постоянный. При его-то обаянии, наверняка, обзавёлся нужным знакомым или знакомой. Вот и провели его чёрным ходом.

— Тогда и вернулся он таким же манером, — подхватил лейтенант.

— Верно, Кирилл, верно, — покивал Антон. — Похоже, и здесь развели нас, как кроликов.

— А может, тряхануть Батона прямо в номере? Провести, так сказать, экспроприацию? — предложил лейтенант. — А что, монеты-то у него уже на кармане. Эх, жаль ствола у меня с собой нету.

— У Канарского на кармане, как вы изволили выразиться, товарищ лейтенант, не только монеты, но и финский паспорт. Одно дело, если бы мы взяли Батона в момент сделки с поличным. И совсем другое, вламываться в номер иностранного гражданина и учинять обыск. На такой фортель нам ордера не дадут.

— Что же делать, кэп? — в голосе лейтенанта звучало отчаяние.

— Пока, ничего, — пожал плечами Антон. — Взять Батона мы сможем только на таможне при досмотре. Да и то, не самого гражданина Мякинена, а незаконно вывозимые

им монеты.

— А как же продавец?! — воскликнул Болтухин. — Клад? Убийство? Неужели, висяк?! Я этого не переживу, кэп!

— Поступишь, как истинный самурай? Сделаешь себе харакири? — с горькой иронией спросил Антон.

Болтухин задумчиво почесал живот, отчего череп на футболке зловеще оскалился.

— Харакири не харакири, но нужно же что-то делать, — сказал он, задумчиво.

— Верно, лейтенант, — усмехнулся Антон. — Настоящий самурай не должен предаваться унынию. К тому же, есть у меня одна мыслишка.

В дверь номера постучали: девушка в ослепительном переднике и с не менее ослепительной улыбкой на лице вкатила сервировочный столик с дымящимся кофе и горькой горячих бутербродов на серебряном блюде. Девушка сделала изящный книксен и выставила заказ на журнальный столик. Лейтенант неуклюже присел в ответном книксене и проводил ладную фигурку зачарованным взглядом до самой двери. Похоже, сердечная рана, нанесённая ему прошлой ночью, стремительно рубцевалась.

Антон сделал приглашающий жест, и они с лейтенантом приступили к торопливому завтраку. За четверть часа, пока продолжалась трапеза, Антон изложил свою «мыслишку», и лейтенант заметно повеселел.

— Вот это да, кэп! — восклицал он, обжигаясь горячим кофе. — Как же я сам не дотумкал?! Теперь, мы натянем сову на глобус!

Он вытер руки о салфетку и вытащил из кармана рацию. Нужно было дать новые вводные Гному, Тихому и Карагоду.

Рация ожила снова ровно в девять утра.

— Болт, это Гном, — проскрипело в эфире. — Канарский заказал по телефону билет на вечерний рейс «Принцессы Анастасии». Отплытие 19.30.

— Принято, Гном, — немедленно отозвался Болтухин. — Приготовим Батону прощальный марш.

— Нам нужно подъехать в порт загодя, — сказал Антон, когда умолкли эфирные трески. — Помнишь, у Канарского на таможне свой человечек? Надо бы присмотреться на месте, что к чему.

— Сделаем, кэп, — вальяжно отозвался Болтухин. Он был сыт и вполне доволен течением жизни. О ночном фиаско лейтенант больше не вспоминал. — Кстати, кэп, мои орлы пробили счета Батона в питерских банках: полный голяк! На одном — пятьсот рублей с мелочью, на другом, валютном, сотка евро. Так что передачи кейса с баблом не будет.

— Похоже, ты был прав, лейтенант, — признал Антон. — Расчёт будет безналом и, наверняка, с финского счёта.

Ровно в этот момент прозвенел телефон Антона.

— Антон Васильевич, — буквально прокричал в трубку голос Костя. — Монеты проданы! Я влез в закрытый аккаунт Канарского. Он там прямо сейчас ведёт переписку со своим агентом в Хельсинки. Заявляет, что с ним прибудет весьма ценный груз, просит заказать сейфовую ячейку.

— Знаю, Костя, знаю, — заверил Антон. — Наша общая знакомая передала их гражданину Канарскому ещё ночью. Они встречались в «Белых ночах».

— И вы их не задержали?!

— Я не успел.

— И как же теперь?

— Канарский с монетами отплывает вечером на пароме. В порту мы его перехватим.

— Но ведь он иностранец!

— Верно, — признал Антон. — Я и не собираюсь осложнять международные отношения. Пусть катится в свою Финляндию. Мне нужен только его багаж. Монеты — ценность историческая, и их нужно вернуть России.

— Ясно, — вздохнул Костя. — Значит, никого мы не поймали. Я чем-то могу помочь?

— Попробуй выяснить, как именно расплачивался Канарский с покупателем. Учти, он мог зарегистрировать виртуальный счёт на нынешнее имя — Юхон Мякинен. Сможешь?

— Попробую, — без энтузиазма пообещал Костя и отбился.

— А мы, лейтенант, будем готовиться к финальной встрече с Канарским, — обратился Антон уже к Болтухину. Пусть твои орлы пасут на этот раз и запасный выход из гостиницы, чтобы клиент снова не крутанул «буратино».

— Обижаете, кэп, — возмутился Болтухин. — Я в отделе ещё двоих ребят выпросил. Не опера — звери. Теперь и мышь не проскочит.

До самого вечера Пётр Канарский вёл себя исключительно ровно: до обеда бродил по набережной Невы и кормил чаек, затем два часа пробыл в «Северяnine». На обратном пути к гостинице он зашёл в маленький магазинчик для художников и приобрёл баллончик бронзовой краски.

— Краска-то ему на фига? — в недоумении спросил Болтухин, когда один из соглядатаев доложил о покупке.

— Это как раз понятно. Статуэтку помнишь? — спросил Антон.

— Ну?

— Донышко будет залито воском. Чтобы не привлекать к этой мелочи случайного внимания, Канарский решил покрасить воск медной краской.

— Это же, для лохов, кэп, — пожал плечом лейтенант. — Ногтем ковырнёшь и всё вскрыется.

— Никто ковырять и не будет, — заверил Антон. — Нужный человек на таможне только сделает вид, что осматривает багаж.

— Блин, кэп, надо бы прессануть иуду, — возмутился Болтухин. — Позорит, так сказать, честь мундира.

Лейтенант был исполнен справедливого гнева.

— Обязательно, прессанём, — пообещал Антон. — Такие иуды могут быть весьма полезны на будущее. Зацепишь такого на крючок, считай, получил ценного информатора.

— Эх, жаль кэп, что вы скоро уедете, — искренне посетовал лейтенант. — А может, переведётесь к нам в Питер? Мы бы таких дел тут наворотили!

— У нас в Тульской губернии тоже дел по макушку, — вздохнул Антон. — А вот тебя бы я с собой взял на недельку. Парень ты, вроде, дельный. А мне такой позарез нужен будет. Клад-то мы пока не нашли, да и убийца всё ещё на свободе. Поедешь?

— Ещё бы, кэп! — лейтенант возбуждённо вскочил с места и забегал по номеру. — Вдвоём мы его быстро за фаберже прихватим. Только бы начальство отпустило.

— Отпустит, — заверил Антон. — Ты, вот что, лейтенант, поторопи своих хлопцев насчёт моей просьбы. Надеюсь, не забыл?

— Как можно, кэп?! — возмутился Болтухин. — К вечеру всё разнохаем, будьте покойны.

Рация лейтенанта ожила в половине первого.

— Алло, Болт, это Гном, — прошипело в эфире. — Наш чухонец звонил какому-то Пузырю и сказал дословно: «Алло, Пузырь? Это, Пётр. Со мной сегодня будет безделушка бронзовая. Прикупил по случаю на камин поставить. Ты уж, Олежек, пропусти по-тихому, с меня коньячок шустовский и соточка евро сверху. Договорились? Вот и чудненько. Буду в твоей богадельне в шесть тридцать».

— Принято, — отозвался лейтенант, успевший настроичить озвученный текст на салфетке. — Срисуйте мне этого Пузыря: кто такой и чем дышит.

— Делаем, — отозвалась рация. — Я эту тему Рамзесу кинул.

— Это такой глист в очках из аналитического? Этот въедливый, этот раскопает, — удовлетворённо кивнул Болтухин и отключился. — Через полчаса мы будем знать об этом Пузыре с таможни всю подноготную, начиная с ясельного возраста и заканчивая интимными предпочтениями, — пообещал лейтенант, обращаясь уже к Антону.

По прошествии получаса рация, действительно, ожила снова.

— Прачечная на связи, — немедленно отозвался Болтухин. — Погоди, ручку возьму. Диктуй. Пузырёв Олег Петрович, семьдесят восьмого года рождения, майор таможенной службы, старший группы досмотра. Не части, Гном, читай художественно.

Через пару минут лейтенант передал Антону исписанную бисерным почерком салфетку.

— Тебе бы терапевтом работать, — посетовал Антон, разбирая пьяные каракули лейтенанта, напоминающие древнюю арабскую вязь.

Из текста следовало, что Майор Пузырёв работает в таможенном терминале порта двенадцать лет. По службе характеризуется исключительно позитивно. Не состоял, не замечен, не привлекался. Женат вторым браком, имеет дочь.

— Прямо икона какая-то, а не человек, — проворчал Болтухин. — Хоть бы мелочь какая-нибудь. Проигрался, например, или на наркоту подсел. А всего лучше если бы извращенец.

Лейтенант мечтательно вздохнул.

— Это неплохо, что он весь из себя пушистый, — заверил Антон. — Такие очень дорожат своей репутацией и местом. Нам стоит только намекнуть, что бросим тень на его беспорочность, и он с порохами сдаст нам того же Батона.

— А вы, кэп, психолог, — сощурил глаз лейтенант. — Может, и портрет этого Пузыря набросаете?

— Пожалуйста, — повёл плечами Антон. — Среднего роста, склонен к полноте, шатен, волосы зачёсывает назад, чтобы прикрыть залысины. Усов не носит. Что ещё? Подвижен, разговорчив, потлив.

— Круто, кэп! — признал лейтенант. — Это ясновидение или дедукция? Если всё совпадёт, с меня гамбургер с колой.

— Замётано, — усмехнулся Антон. — Только, лейтенант, одной дедукцией мы не обойдёмся. Нужно заскочить в районную прокуратуру за ордером. Необходима волшебная бумажка, чтобы таможенники не ерепенились.

В здание прокуратуры Антон отправился в одиночку: лейтенант остался в машине, категорически заявив, что не намерен испортить карму визитом в это гнусное заведение. Проторчав в прокуратуре не меньше часа и потратив мегаватт нервной энергии, Антон выбил заветный ордер, чем вознёс себя в глазах Болтухина до небесных высот.

— Вы, кэп, железный человек, — сказал он с неподдельным пафосом, разглядывая фиолетовую печать и размашистую подпись районного прокурора. — Мне в этот зиккурат войти всё одно, что на приём к стоматологу. Теперь на таможню?

— Да, пожалуй, пора, — сказал Антон, взглянув на часы.

На стоянке порта было не протолкнуться. Кое-как припарковав машину, Антон вышел и огляделся. Вокзалы, порты и аэропорты больших городов везде одинаковы: озабоченные пассажиры, носильщики, громыхающие тележками, бомбилы с пронзительными надменными голосами.

— Нам туда, — показал рукой лейтенант в сторону обширного приземистого здания, за которым возвышалась громадина парома. «Принцесса Анастасия» белела в солнечном свете, как океанский айсберг, и Антон невольно залюбовался судном.

— В юности я хотел быть моряком, кэп, — сообщил Болтухин.

— Что же помешало? Укачивает?

— По полгода без женщин, кэп, это не для меня, — покачал головой лейтенант. — С мечтой пришлось распрощаться.

В зоне досмотра былолюдно, но в очередях к пропускным воротам не ощущалось никакой ажитации. Всё было деловито, сноровисто, и очередь, хоть и монотонно, но заметно двигалась. Пассажиры ставили ручную кладь на чёрный ручей транспортёра и подходили к окошечку, протягивая паспорта и билеты.

Возле каждого транспортёра дежурили улыбчивые сотрудницы терминала в тёмно-синих комбинезонах поверх ослепительных белых блуз.

— А тебе, лейтенант, в юности не хотелось стать таможенником? — поинтересовался Антон. — Гляди-ка, какой гарем.

— Кэп, я хочу, чтобы меня вон та, грудастенькая, обыскала, — ткнул Антона в бок лейтенант.

Однако, Антона занимали теперь не девушки, а их начальник. От одного пропускного окна к другому прохаживался таможенник в кителе нараспашку и весело переговаривался с подчинёнными. Был он среднего возраста, полноват, редкие волосы зачёсаны назад. Таможенник то и дело промакивал лицо и шею огромным платком. Теперь уже Антон толкнул напарника плечом и подбородком показал на таможенника.

— Блин, кэп, вы прямо Вольф Мессинг, — благоговейным шёпотом произнёс Болтухин, разглядывая объект. — С меня гамбургер с колой.

— Расслабься, лейтенант, не нужно гамбургера, — усмехнулся Антон. — Этого фрукта я видел на записи допроса. Три года назад он проходил как свидетель по афере Канарского с почтовой маркой. Тогда ни того, ни другого прихватить не удалось, но таможенника я запомнил.

— Так нечестно, кэп, — обиженно пробубнил Болтухин, низвергая Антона с олимпийских высот. — Могли бы сразу сказать. А что это за афера с маркой? Много ли можно нагреть на какой-то почтовой марке?

— Смотря, что за марка, — произнёс Антон, наблюдая за передвижениями

таможенника. — «Голубая Александрия», которую Батон втюхивал одному из нынешних толстосумов, стоит, к примеру, миллион баксов.

— Лям баксов за кусочек бумажки?! Да вы гоните, кэп! Где же Канарский раздобыл марку?

— Не раздобыл, а заказал подделку, — поправил Антон. — Судя по материалам дела, весьма качественную. Кстати, изготовителя Батон так и не выдал.

Между тем, таможенник, удовлетворённый работой подопечных, направился в конторку, отделённую от общей досмотровой зоны стенами из непрозрачного матового стекла.

— Пойдём-ка, лейтенант, поговорим с таможеней, — тихо произнёс Антон, направляясь к конторке.

Антон и лейтенант вошли в маленькое прохладное помещение сразу за хозяином. Таможенник оглянулся. На его круглом лице блеснули капельки пота.

— Покиньте служебное помещение, — бросил он, проходя к столу и вальяжно усаживаясь в обширное кресло.

Антон проигнорировал это замечание. Он сел на маленький офисный стульчик и положил на стол перед таможенником раскрытый лист ордера.

— Что вы себе позволяете, гражданин? — вскинулся майор Пузырёв, отшвыривая гербовую бумажку.

— Насчёт гражданина, это вы в точку, Олег Петрович, — покивал Антон, подбирая с пола упавший ордер. — Пособники преступников и контрабандистов для меня действительно не товарищи, а граждане.

— Какого чёрта, — вскипел таможенник, вскакивая с места. — Убирайтесь отсюда и заберите своего гопника, — кинул он руку в сторону лейтенанта.

— Алё, за гопника можно и по рогам, — бросил ему Болтухин, доставая из кармана блеснувший на сжатом кулаке устрашающего вида кастет.

Эта вещь произвела на таможенника куда больше впечатления, чем ордер.

— Я немедленно вызову охрану, — попятился он и упёрся спиной в стену.

— Сядьте, Пузырёв, — негромко, но внятно сказал Антон. — Мы пришли не по вашу душу, хотя руки действительно уже давно чешутся. Нас интересует Канарский Пётр Аркадьевич, он же Батон.

— Не знаю я никаких Батонов, — рыкнул майор и рухнул в кресло.

— Кэп, разрешите, я ему всеку для возврата памяти? — лейтенант хлопнул кастетом о свою ладонь и хищно посмотрел на таможенника.

— Право слово, Олег Петрович, не доводите моего юного помощника до неправовых действий, — миролюбиво произнёс Антон, следя за тем, как нервная рука таможенника выхватывает из кармана платок.

— Сегодня отбывает на «Анастасии», — буркнул таможенник, смахивая платком капельки пота с побагровевшего от напряженья лица. — Говорил про какую-то статуэтку.

— Вот и славно, Олег Петрович, — одобрительно кивнул Антон. — Теперь, будьте любезны, ваш телефончик.

— Это ещё зачем? — встрепенулся таможенник.

— Чтобы не было соблазна позвонить старому другу, — терпеливо пояснил Антон.

— Не друг он мне, — буркнул Пузырёв, нехотя отдавая телефон. — Попросил пропустить вне очереди.

— За шустовский коньячок и соточку евро, — напомнил Антон.

Таможенник сразу сник и забегал глазами по маленькой комнате.

— Если вы хотите повесить на меня должностное преступление, у вас ничего не выйдет, — заговорил он. — Руки коротки. Вас же потом и затаскают в прокуратуру.

— Я ему всё-таки всеку, — со вздохом произнёс лейтенант, делая шаг вперёд.

— Да уговорите же этого малахольного, — взмолился таможенник. — Я же не отказывался сотрудничать.

— Вот и замечательно, — ободрил перепуганного таможенника Антон. — Берите лист, ручку, пишите.

— Что писать?

— Я, майор таможенной службы Пузырёв Олег Петрович, заявляю, что Гражданин Канарский П. А. обратился ко мне с предложением, противоречащим законодательству РФ...

Таможенник писал размашистым нервным почерком, то и дело поглядывая на грозно мерцающий кастет на руке лейтенанта.

— Дата и подпись, — подсказал Антон.

— Это всё? — спросил таможенник, с отвращением отталкивая от себя бумагу.

Антон покачал головой.

— Нужно, чтобы вы предупредили своих девочек о нашем участии в досмотре гражданина Канарского.

Антон аккуратно сложил и убрал в карман написанное заявление.

— Не киснете, майор, — бодро сказал Антон. — За операцию по изъятию нумизматических ценностей вам ещё и премию выпишут.

— Каких ещё ценностей? — раздражённо спросил таможенник.

— Святая простота, — покачал головой Антон. — Ваш приятель собирается вывезти из страны царские импералы стоимостью в сотни тысяч долларов, и вы вполне можете стать соучастником. А это тянет на особо крупную контрабанду.

— Я в его дела не лезу, — отмахнулся таможенник, заметно бледнея. — Он сказал только про статуэтку.

— Олег Петрович, — произнёс Антон как можно проникновеннее. — Мы ведь с вами можно сказать, одной крови. Сторожевые псы государства, верно?

Таможенник нервно кивнул.

— Так давайте дружить, так сказать, ведомствами. — Антон по-голливудски улыбнулся и протянул руку. — Вы — нам словечко шепнёте, мы — вам. Так и пойдём по одной дорожке.

Таможенник, только что уличённый в пособничестве контрабанде, с огромным воодушевлением пожал руку Антона.

— А теперь, Олег Петрович, познакомьте нас со своими барышнями, — сказал Антон, поднимаясь со стульчика.

В ожидании Канарского Антон с лейтенантом расположились у барной стойки, откуда был прекрасно виден вход в зону досмотра, и блаженно потягивали прохладный лимонад из высоких бокалов.

— Откуда у вас кастет, гражданин Болтухин? — спросил Антон, наблюдая за тем, как снуёт по залу таможенник Пузырёв.

— Мутная история, кэп, — вздохнул лейтенант. — Взяли мы одного кента на гопстопе. Настучали ему по репе, как полагается, для осознания социальной ответственности. Так он вместо раскаяния — в драку. Карагоду по рылу этим кастетом съездил. Я шмальнул пару раз из табельного для острастки. Ноль эмоций. На меня, падла, кинулся. Тогда, я его копытом по гениталиям. Короче, изъяли мы игрушку. Всё честь по чести, хотели сдать, как вещдок. А тут на меня предьяву повесили: дескать, стрелял не по правилам, какой-то старушенции окно высадил. Я ж, не нарочно, кэп, клянусь мамой! В воздух шмалял. Короче, отобрали волыну до выяснения. А мне что, с пустым карманом по Питеру бегать? Короче, зажуковал я игрушку, кэп.

— Понятно, — кивнул Антон. — А как же, старушка? Окно-то вставили?

— Мы же не беспредельщики, кэп, — обиделся лейтенант. — Ясен пень, скинулись с пацанами на остекление.

В этот миг зашипела рация в кармане Болтухина.

— Болт, это Тихий, — раздался голос одного из филёров. — Чухонец сел в такси. Едет к порту. Балалайка при нём. Упали на хвост. Как понял?

— Понял, Тихий, понял, — заверил лейтенант. — Ведите себя скромно, не раздражайте клиента. Отбой.

— Ну что ж, финальный аккорд, коллега, — улыбнулся Антон. — Только, прошу тебя, лейтенант, без поножовщины. Как-никак, наш клиент гражданин сопредельного государства.

— Обижаете, кэп, — возмутился Болтухин. — Я женевскую конвенцию соблюдаю.

Ожидать Канарского пришлось не слишком уж долго. Его импозантная фигура с тростью в одной руке и большим свёртком в другой, обозначилась в стеклянных дверях терминала минут через пятнадцать после доклада филёров. Он не спеша прошёл в зону досмотра и огляделся в поисках Пузырёва. Увидев, помахал ему тростью. Таможенник сделал постное лицо и указал на ближнюю к себе линию досмотрового эскалатора. Канарский направился туда.

Антон и лейтенант отделились от стойки и последовали за ним. Когда Канарский с добродушной улыбкой достал из кармана паспорт, Антон окликнул его через плечо:

— Гражданин Мякинен, будьте любезны, предьявите багаж.

Канарский обернулся и изумлённо посмотрел на Антона и лейтенанта.

— Ви мне, господа? — спросил он с неподдельным изумлением и чудовищным акцентом.

— Вам, гражданин Мякинен, он же, Пётр Канарский, — с сияющей улыбкой произнёс Антон, предьявляя удостоверение. — По нашим сведениям вы пытаетесь вывести из страны пребывания семь золотых монет, представляющих материальную и историческую ценность.

— Это ошибка, — возмутился Канарский-Мякинен, — я буду жаловаться свой консул.

Он отвернулся от Антона, собираясь пройти к окошечку регистрации.

— Хэнде хох, герр Батон! — вскрикнул лейтенант, ткнув финского подданного пальцами между лопаток.

Канарский от неожиданности поднял руки и обернулся.

— Это произвол! — воскликнул Канарский, опуская руки. — Я — гражданин Евросоюз, подданный Суоми. Прошу адвокат.

— Не нужно, Пётр Аркадьевич, никакого адвоката, — успокоил его Антон. — Речь не идёт о вашем аресте, хотя, видит бог, руки у меня чешутся.

— Так чего же от меня нужно доблестным мусорам? — язвительно осведомился финский подданный на чистейшем русском.

— Вы, гражданин Канарский, как мы знаем, равнодушны к теме правосудия? Статуэтку бронзовую на днях приобрели. Извольте-ка её на досмотр, — ележно улыбаясь, сказал Антон и протянул руку к свёртку.

— Извините, господин легавый, вы не представились, однако, о моей скромной персоне изрядно извещены. Это ставит меня в неловкое положение, — Канарский учтиво наклонил голову.

— Капитан Кречетов, старший оперуполномоченный Тульского областного управления внутренних дел, — в тон ему ответил Антон.

— Тульский? — искренне удивился Канарский. — Не скрою, господин Кочетов, заинтриговали.

— Кречетов, — поправил Антон. — Статуэтку, будьте любезны!

— Видите ли, господин опер, статуэтки при мне нет, — Канарский, изображая сожаление, развёл руками.

— А это? — Антон ткнул пальцем в свёрток.

— Ах, это?! — Канарский с сожалением передал свёрток Антону.

Свёрток оказался довольно тяжёлым, но это была не статуэтка! Слишком предмет был округл и гладок. Антон сорвал упаковочную бумагу — из свёртка показалось горлышко большой коньячной бутылки.

— Шустовский коньячок, — охотно пояснил Канарский. — Всякий раз, бывая на родине, привожу отсюда бутылочку. Ностальгия, знаете ли.

— Где статуэтка, Батон? — тихо, но грозно спросил Антон.

— Статуэтка? Я подарил её одной чудной девушке, — не стал отпираться Канарский. Она тоже собиралась в Финляндию и любезно пообещала мне присмотреть за вещью.

— Это не та ли девушка, с кем вы встречались в «Алых парусах»? — спросил Антон, едва сдерживая себя, чтобы не наброситься на финского подданного.

— Вам и это известно, — несколько удивился Канарский. — Да, мы познакомились с Катенькой именно там. Не девушка, чистый ангел.

— Этот чистый ангел, господин Канарский, причастен к убийству, — строго сказал Антон. — И на монетах, что она вам предлагала, кровь.

— Убийство?! — Канарский мгновенно переменялся в лице. — Нет, не может быть. Катенька не могла. Разве что тот, второй...

— Второй?! Вы его видели?

— Нет, — Канарский покачал головой. — Мы общались с ним только через интернет и дважды по телефону. Это он нашёл меня в Финляндии. Он торговался, предлагал варианты сделки, оплаты. Катя была у него на побегушках.

— Где сейчас девушка?

Прежде чем ответить, Канарский извлёк из нагрудного кармашка серебряный брегет и отщёлкнул крышку.

— Уже час как в Хельсинки, — со вздохом сказал он. — Если бы я знал, капитан, что монеты идут по мокрому, никогда бы не взялся за это дело.

Антон кивнул. Из досье Канарского следовало, что тот сторонник гуманных форм мошенничества и контрабанды.

— Так я могу покинуть берег отечества? — с беспокойством спросил Канарский.

— Да, — твёрдо сказал Антон, возвращая свёрток с бутылкой. — Счастливого пути, гражданин Мякинен. И постарайтесь подольше не приезжать на родину.

Канарский с поклоном принял свёрток и, кивнув обомлевшему лейтенанту, направился к окну регистрации.

— Кэп, — тоскливо воскликнул Болтухин. — Он же уходит!

— Пусть катится, — вздохнул Антон. — Всё равно предъявить нечего. Облапошили нас, лейтенант. Как школьников облапошили.

— Да как же это, Антон Васильевич?! — едва не плача, произнёс лейтенант. — Что я ребятам скажу?! Они трое суток чухонца этого днём и ночью...

— Ребятам своим командуй отбой, — устало произнёс Антон. — Пусть едут по домам и отсыпаятся. А нам с тобой надо ещё похлопотать о твоей командировке. Не передумал съездить в Тулу за пряниками?

Лейтенант мрачно покачал головой.

То, что произошло на таможне, было поражением, катастрофой. Но происшедшее лишь утвердило Антона в его нелепой и навязчивой версии, которую он никак не хотел принимать. Впрочем, стоило дождаться информации, которую обещал раздобыть Болтухин. Антон ждал её и боялся. Боялся, что упрямые факты сложатся наконец в законченный пазл, и придётся сделать тот единственно верный вывод, которого он делать так не хотел.

Болтухин не подвёл и поздно вечером позвонил Антону, сообщив то, что тот так не хотел слышать. Неумолимое кольцо фактов начинало смыкаться вокруг человека, которого Антон упорно не желал видеть ни убийцей, ни похитителем клада. Настроение капитана Кречетова окончательно испортилось. Он заказал в номер графинчик водки с закуской и выключил телефон.

Напиться. Напиться и пусть всё летит к чёрту! Завтра домой. С разбитой рожей и поджатым хвостом. Домой! Да, давно, Антон Васильевич, вы не получали по сусалам. Возгордились, капитан. А то как же, двенадцать раскрытых дел, четыре с особо тяжкими и не одного «глухаря». И вот, на тебе, мордой да об асфальт.

Антон схватил со стола вазу с засохшим букетиком и швырнул в стену. Не полегчало. В дверь постучали. В номер, толкая впереди себя никелированную тележку, испуганно озираясь, вошла симпатичная горничная.

— У вас всё в порядке? — тихо спросила она и вздрогнула, увидев мокрое пятно на обоях и стеклянные черепки на полу.

— Да, всё в полном порядке, — мрачно заверил Антон. — День был, знаете ли, нелёгкий.

Горничная торопливо выставила заказ на столик.

— Я сейчас вернусь, приберу, — сказала она, спеша исчезнуть из номера.

«Нажалуется, дурёха, — тоскливо подумал Антон. — Да и чёрт с ней, пусть жалуется».

Он вынул хрустальную пробку из графина и плеснул в принесённую пузатую рюмочку прохладной водки. Выпил зло, без всяких тостов и пожеланий, схватив с тарелки с закуской скользкую маслину.

«Шалишь, — сам себе сказал Антон, — капитана Кречетова не так просто определить в лузеры. Мы ещё, господин хороший, поглядим, кто кого».

Он плеснул себе ещё водки, но выпить не успел. Вернулась горничная с веником и совочком. Она сделала нервный книксен и направилась убирать осколки.

— Как тебя зовут? — спросил Антон, разглядывая её изящно изогнутую фигуру.

— Марина, — отозвалась горничная, шаркая веником.

— Выпей со мной, Марина, — сказал Антон с чувством и поискал глазами вторую рюмку.

— Нам не положено, — ответила горничная, распрямляясь и держа перед собой совок с осколками и цветочными стеблями. Прядка каштановых волос выскользнула из-под её чепца.

— Нужно иногда нарушать правила, — вздохнул Антон.

Горничная Марина неуверенно улыбнулась и направилась к выходу, но Антон, повинувшись какому-то отчаянному и не вполне ещё понятному порыву, остановил её, поймав

за руку. Горничная замерла и обернулась к нему.

— Нам не положено, — едва слышно повторила она.

Антон шагнул к ней, глядя в растерянное лицо, в карие глаза, исполненные смятения. Он хотел что-то сказать, что-то важное и совершенно нелепое для такого мгновения, но, вместо этого привлёк девушку к себе и стал целовать её в губы, в лоб, в шею, жадно вдыхая запах её волос, кожи, ощущая нервный трепет её тела.

Веник и совок выскользнули из рук горничной и с дребезжащим звуком упали на пол. Девушка покачнулась, но в тот же миг с неожиданной силой обхватила шею Антона. Её губы прошептали что-то неразборчивое. Антон понял лишь единственное слово: «дверь». Он подхватил девушку на руки и отнёс к кровати. Её тело показалось Антону совсем лёгким, оно вздрагивало от каждого его шага, каждого движения. Антон бережно опустил девушку на одеяло. Глаза её были плотно закрыты, губы сделались влажными и вздрагивали в неслышном шёпоте. Край узкой юбки соскользнул с приподнятых коленей, обнажая красивые смуглые ноги. Антон наклонился, поцеловал тёплое гладкое колено и, упруго выпрямившись, отправился запирать дверь...

Лейтенант Болтухин заявился в номер Антона, когда сквозь шторы уже весело сквозило утреннее солнце, сменившее бледную немочь белой ночи.

— Ого, кэп, вы тут в одного погуляли, — воскликнул лейтенант, должно быть, увидев на столике графин водки и закуски. — Не дождались, стало быть, боевого товарища.

Антон едва разлепил тяжёлые глаза и первым делом глянул на соседнюю подушку. Горничной Марины рядом не оказалось. На измятой наволочке осталось лишь одинокое свидетельство этой безумной ночи — длинный каштановый волосок.

Он сел на кровати, выискивая глазами разбросанную ночью одежду. Однако и рубашка, и брюки были непостижимым образом аккуратно устроены на вешалке.

«Ай да Марина!» — улыбнулся Антон. Перед его глазами промелькнуло запрокинутое, мечущееся по подушке лицо девушки, её раскрытые в беззвучном крике губы, маленькие смуглые груди, вздрагивающие при каждом порыве страсти...

— Кэп, тут записка, — напомнил о себе лейтенант. — «Спасибо за всё! Позвони! Марина.» Далее номер телефона. Я что-то пропустил, кэп? Что за Марина?

— Дай сюда, — Антон подошёл к лейтенанту и выхватил листок из его неделикатных пальцев.

Болтухин, должно быть, в честь дня отъезда был при параде: на нём, кроме всегдашних траченых джинсов, красовалась новая футболка с ослепительно белым скелетом на ослепительно чёрном фоне. Скелет держал в руках белую закорючину саксофона. Видимо, загробная тематика доминировала в гардеробе у лейтенанта.

— Должно быть, эта Марина — секретный агент, — сделал глумливое предположение лейтенант. — Я гляжу, допрашивали вы её с пристрастием: у вас, кэп, помада на шее и царапина на плече.

Антон ничего не ответил на дедукцию лейтенанта и, шлёпая по полу босыми ногами, направился в ванную.

Освежившись и стерев ночные улики, Антон вернулся в комнату, накрывшись широким махровым полотенцем. Болтухин вальяжно сидел за сервированным столиком и проворно уплетал тосты с заветренной ветчиной, закусывая их подсохшими за ночь оливками.

— Ребята пробили нашу беглянку, кэп, — сказал он, торопливо жуя. — Так и есть, уплыла в страну озёр вчерашним утренним паромом. По записям с камер наблюдения ясно: именно она и увезла статуэтку с монетами. Кстати, пропускал её на рейс всё тот же Пузырёв. Шапито они разыграли с нами, кэп.

— Да, прохлопали мы Екатерину Дмитриевну, — вынужден был согласиться Антон. — Надо было выяснить заранее насчёт наличия у неё визы и загранпаспорта. Но не грусти, лейтенант! Мы с тобой проиграли битву, но ещё не проиграли войну. Пора готовиться к решающей схватке. Как там твоё начальство насчёт командировки? Я им ещё вчера по почте запрос кинул.

— Если вычесть нецензурные выражения, кэп, — вздохнул лейтенант, — то начальство не возражает. Табельный ствол, правда, зажали, буквоеды. Испытательный срок, говорят, не закончился.

— Ничего, мне так даже спокойнее, — заверил Антон. — Бабушки в тульской области не пострадают. А теперь, лейтенант, обсудим дальнейшую диспозицию...

Из Питера Антон и лейтенант выбирались порознь: Антон на машине вместе с Костей Тагариным, а лейтенант Болтухин поездом. Такое разделение было умышленным. До нужной поры приезд лейтенанта в Тульскую губернию Антон хотел сохранить в полной тайне. И тому были свои причины.

Главная причина сидела рядом с Антоном и с задумчивым интересом разглядывала бегущие за окном автомобиля ландшафты. Неумолимые факты, добытые питерскими оперативниками по просьбе Антона, делали из Кости главного подозреваемого.

Первый факт заключался в недавней поездке Константина Тагарина во Францию. Само по себе это ещё не преступление, но дата его пребывания в Париже убийственно совпадала с визитом неизвестного в семейство Кастанов.

Второй факт прибыл из Тулы, из того самого областного архива. К. Тагарин, молодой айтишник, год назад, оказывается, проходил практику в этом почтенном заведении и полтора месяца безвылазно торчал в информационном отделе, налаживая цифровые системы. Предположить, что он ни разу за это время не столкнулся там с симпатичной девушкой Катей Свирской, было чистым безумием.

Сложив два плюс два, Антон домыслил и остальную головоломку. Теперь нетрудно было понять, почему он, опытный сыщик, всякий раз опаздывал ровно на шаг. И тогда, когда легко и беспрепятственно сбежала из бара Катя Свирская. И тогда, когда разыграл на таможне свою изящную партию Батон.

Костя, милый и скромный Костя, всё это время был в курсе происходящего и, наверное, посмеивался над хитроумными планами наивного капитана. «Что ж, — сдерживая растущую неприязнь, подумал Антон, — игра не окончена, гражданин Тагарин. Вы спрятали в карман мою пешку, и дебют остался за вами. Bravo! Посмотрим, за кем будет эндшпиль. Чтобы сбыть остальные ценности, их нужно вывести за границу. Интересно, что вы придумаете на этот раз. Только учтите, юноша с античным именем, теперь я знаю о вас достаточно много».

Антон покосился на задремавшего Костю, и ему вдруг стало жаль парня. Если ему будет предъявлено обвинение в убийстве и сокрытии ценностей, то лучшие годы придётся провести отнюдь не в Париже.

Антон угрюмо вздохнул и уставился на бегущую навстречу чёрную ленту асфальта. За весь путь до Тулы оба, и Антон, и Костя, не произнесли ни слова...

Конец второй части.

Часть 3

Чёрная вдова

План, что и говорить, был превосходный: простой и ясный, лучше не придумать.

Недостаток у него был только один: было совершенно непонятно, как привести его в исполнение...

Л.Кэрл «Алиса в стране чудес»

Антон смог приехать в имение Бобрищевых только через день после возвращения из Питера. Задержали отчёты и выволочки на «ковре» у начальства. Столько снисходительного сочувствия, брани и сомнений в служебном соответствии капитану Кречетову за всю свою беспорочную службу слышать не приходилось. Особенно начальство упирало на тот факт, что монеты, представляющие изрядную ценность, попали за границу. Хорошо ещё в Финляндию, как-никак, не страна НАТО. Попади империалы, скажем, в Польшу или Прибалтику, Антона и вовсе съели бы поездом.

Имение встретило Антона сонной тишиной и безлюдьем. Незнакомый охранник, хмурый и неприветливый, был единственным, кто попался Антону на территории. Да и тот, увидев красную корочку удостоверения, поспешил убраться в сторожку.

Однако, стоило Антону войти в особняк, как его едва не сбила с ног спешащая невесть куда девушка. Девушка держала в руках колесо прялки и оказалась вполне знакомой.

— Здравствуйте, Даша, — улыбнулся Антон, однако ответной улыбки не удостоился.

— А, господин сыщик, — вместо приветствия воскликнула девушка. — Как продвигается следствие? Преступника, точнее, преступницу, вы, говорят, упустили?

— Это кто же вам выдал тайну следствия, гражданка Дольская? — с усмешкой спросил Антон. — Уж не Костя ли Тагарин?

— Неважно, — бросила Даша и спросила, сощутив зелёные глазищи:

— Кто такая эта ваша Свирская? С которой Костя таскался по кабакам?

— О личности упомянутой гражданки постороннему лицу сообщать не имею права, — изображая сожаление, ответил Антон. — А Костя, как вы выразились, «таскался по кабакам» исключительно в интересах следствия.

— Это я-то постороннее лицо? — возмутилась Даша. — А кто по ночам привидение выслеживал? А кто вам сообщил о ныряльщике?

— Хорошо, — сдался Антон. — Что бы вы, Даша, хотели от меня услышать?

Даша помолчала, но недолго.

— А красивая она, Екатерина эта?

— Пожалуй, красивая, — вынужден был признать Антон. — Хотя, смею заметить, красота бывает обманчива.

— Теперь понятно, — мрачно сказала Даша.

— Что понятно?

Вместо ответа Даша толкнула Антона колесом в грудь и выбежала на улицу.

Антон прошёлся по вестибюлю, с удовлетворением отметив, что картина с берёзами и странными тенями, лежащими навстречу солнцу, на месте. Видимо, теперь не было никакого смысла красть её во второй раз. Антон подошёл к знакомой двери с табличкой «Директор» и постучал.

Иван Степанович Дольский был в своём кабинете не один. Рядом с ним, сосредоточенно строча что-то в большом блокноте, стояла высокая, статная женщина викторианской строгости: идеально уложенные смольные волосы, чёрный брючный костюм, чёрные туфли. Женщина походила на большую опрятную ворону. Она подняла голову от блокнота, сверкнув стёклышками очков и, узнав вошедшего, улыбнулась. Антон тоже узнал помощницу Дольского и немного пометался в памяти в поисках имени. Кажется,

Ангелина... нет, Антонина... Сергеевна... нет, Аделаида, — наконец, вспомнил он и с облегчением поклонился. Даже улыбка у Аделаиды Сергеевны получилась строгая, от неё равно сразу хотелось выпрямить спину и не шалить.

— Антон Васильевич, — всплеснул руками Дольский. — Батюшки! Входите, присаживайтесь. Я уж и не чаял увидеть вас в палестинах наших. Костик сказал, что расследование закончено. Так ли это?

— Похоже, так, — вздохнул Антон, входя в кабинет и садясь. — Ушёл, Иван Степанович, преступник. Можно сказать, из-под самого носа.

— Ай-яй-яй, — посетовал Дольский, покачав головой. — Выходит, графский клад навсегда утерян?

— Была одна ниточка, — угрюмо кивнул Антон, — но... уплыла в Финляндию. Есть, правда, шанс вернуть беглянку по линии Интерпола, но надежда пока призрачна.

— Беглянку?! Так это была женщина? — изумился Дольский.

— А разве Костя не рассказал?

— Так из него лишнего слова не вытянешь, — махнул рукой Иван Степанович, всё ещё поражённый новостью. — Он больше, знаете ли, с Дашенькой... Это и понятно: дело-то молодое, что ему со стариками воду в ступе толочь.

— Так я пойду, Иван Степанович? — напомнила о себе Аделаида Сергеевна.

— Да, да, душа моя, — встрепнулся Дольский. — Идите и не забудьте проследить, чтобы фарфор упаковывали отдельными коробками в стружку и пенопласт.

Когда помощница Дольского вышла из кабинета, Антон почувствовал облегчение как солдат, которому дали команду «вольно».

— У вас, я вижу, какие-то сборы? — спросил Антон.

— Во Францию экспозицию собираем, — охотно отозвался Дольский. — Помните, к нам француз приезжал?

— Тот, что картину привёз? — уточнил Антон. — Луи Кастор, кажется.

— Верно, тот самый, — подтвердил Дольский. — Мы ещё тогда стоворились, что неплохо бы выставиться в Париже, а третьего дня он прислал письмо с официальным приглашением. С тех пор и носимся, как угорелые. Рук не хватает, а в экспозиции у нас, как-никак, две тысячи экспонатов. Всё нужно упаковать, оформить как полагается. Хорошо, Даша помогает. А теперь, вот, и Костик вернулся.

Только сейчас Антон обратил внимание на директорский стол, сплошь заваленный старинным оружием.

— Ого! — сказал он, подойдя поближе. — Да тут целый арсенал.

— Беда с этим арсеналом, — посетовал Дольский. — На оружие приходится кучу документов визировать. Вот и сижу здесь по ночам, как филин. А что делать: сегодня четверг, а в субботу контейнер пригонят из министерства. Не успеем всё подготовить, скушают вашего покорного слугу с косточками и потрошками.

Антон взял со стола наган и взвесил в руке. Пожалуй, тяжеловат. В барабане тускло блеснули гильзы.

— Патроны холостые, — заверил Дольский, по-своему поняв взгляд следователя.

— Всегда мечтал подержать в руках оружие революции, — сказал Антон, с сожалением возвращая наган на место. — Неужели всё это в рабочем состоянии?

— Разумеется, — пожал плечами Дольский. — У нас, батенька, даже пистоль семнадцатого века, и та исправна. Где же она? А, вот!

Дольский извлёк из груди оружия длинный старинный пистолет, смутно напоминающий кулацкий обрез времён продрозвёрстки.

— Настоящий раритет, — гордо сказал он. — Допетровских времён вещь. Коллекционеры за такой экземпляр и душу не пожалеют.

Он озорно прицелился из пистоля в благообразный портрет на стене, но вовремя спохватился и торопливо положил реликвию поверх оружейной кучи.

— Что ж, не буду мешать, — сказал наконец Антон.

— А вы, позвольте спросить, по какому поводу возвратились? — поинтересовался Дольский.

— Формальности, Иван Степанович, — грустно вздохнул Антон. — Необходимо опросить персонал о нашей беглянке. Кстати, вы сами не были с ней знакомы?

Антон извлёк из принесённой папки фото и протянул Дольскому.

Тот, дальнорко щурясь и держа фото вытянутой рукой, пристально взгляделся в улыбающееся лицо.

— Мила, — признал он, возвращая фото. — Но, к сожалению, я не был представлен этой юной особе. А кто это?

— Некая Екатерина Свирская. Сотрудница тульского областного архива.

— Да что вы?! — покачал головой Дольский. — Получается, мы с ней почти коллеги.

— Именно так, — подтвердил Антон. — Поэтому я и обратился к вам.

— В областной архив я, почитай, лет десять уж не ездил, — задумчиво произнёс Дольский. — Препних-то дам я наперечёт помню. Были среди них, скажу я вам, такие фемины!

Дольский ностальгически вздохнул.

— А из ваших сотрудников кто туда ездил в последнее время? — спросил Антон, возвращая Ивана Степановича в действительность.

— Аделаида Сергеевна, конечно, — сразу же ответил Дольский. — Она — наше всё. Я без неё, как без рук. Очень ответственная дама.

— А ещё?

— Ещё? — Дольский наморщил аристократичный лоб. — Ещё я Дашку посылал туда раза три за копиями губернских ведомостей за девятнадцатый век.

— Понятно, — кивнул Антон. — Вы позволите мне украсть у Аделаиды Сергеевны минут десять?

Вместо ответа Иван Степанович прижал руки к груди, и изобразил на лице искреннюю расположенность к органам правопорядка. Антон откланялся и вышел из кабинета.

Аделаиду Сергеевну Антон отыскал в правом крыле здания, где располагались запасники музея. Заместитель директора с придирчивой внимательностью вглядывалась в открытые ящики, тесно стоящие на полу, и делала пометки в своём огромном блокноте.

— Экспонаты для Франции? — спросил Антон деловито.

— Вы хотели спросить о чём-то другом, — не оборачиваясь, холодно сказала музейная фея, переходя к очередному ящику. — Спрашивайте, господин капитан. У меня крайне мало времени.

— У нас принято говорить «товарищ капитан», — поправил Антон.

— Я думала, с «товарищами» у нас покончено, — обернулась наконец Аделаида Сергеевна. — Задавайте ваши вопросы, капитан.

Антон раскрыл папку и протянул ей фотографию, но дама в чёрном не приняла снимка, лишь мельком взглянув на изображение.

— Кто это? — спросила она, переводя взгляд на ящики.

— Вообще-то, это я хотел спросить у вас, кто это? — сказал Антон, не опуская фотографии.

— Почему вы решили, что я знаю эту девочку?

— Потому, что это сотрудница областного архива Екатерина Свирская, — пояснил Антон.

— Я не обязана знать всех тамошних сотрудниц, — с плохо скрываемым раздражением бросила Аделаида Сергеевна.

— Что ж, спасибо, вы очень помогли следствию, — с вежливой холодностью произнёс Антон, возвращая фото обратно в папку. Однако, фото выскользнуло из папки и, планируя, упало на засыпанный стружками пол. Антон присел, чтобы подобрать оброненный снимок и незаметным движением прилепил горошину микрофона внутрь пузатой вазы, уложенной в длинный деревянный ящик, похожий на гроб.

Не прощаясь, Антон повернулся и покинул запасники. «Старая ворона, — подумал он с неожиданным ожесточением. — Наверняка ведь узнала Свирскую. Не хочет лишних вопросов с моей стороны? Или тут что-то другое? Ладно, поживём, увидим».

В вестибюле Антон нос к носу столкнулся с Костей. Вполголоса чертыхаясь, тот перемещал по полу что-то громоздкое, поставленное на низкую транспортировочную платформу. Увидев Антона, Костя остановился и вытер со лба трудовой пот.

— Антон Васильевич?! — тихо изумился он. — Как вы здесь? Разве расследование не закрыто?

— Некоторые формальности, — улыбнулся Антон, протягивая руку. — Надо было показать сотрудникам фото нашей беглянки.

— И как?

Антон обречённо махнул рукой.

— Единственная, кто мог иметь с ней реальный контакт, это ваша Аделаида. Но она даже и бровью не повела.

— Графиня вам ничего и не скажет, — вздохнул Костя.

— Графиня?

— Её так за глаза называют, — тихо сказал Костя, быстро оглядываясь. — Здесь все её немного боятся.

— В это нетрудно поверить, — кивнул Антон. — А скажи-ка, дружище, зачем ты растрепал Даше про наши питерские дела?

Костя виновато потупился.

— От Дашки сложно утаить, — промямлил он. — Она же, если захочет, и душу вынет.

— Ясно, — усмехнулся Антон. — Надо было в Питер не тебя брать, а Дашу.

Костя виновато вздохнул.

— А тебя, я вижу, тоже запрягли к поездке готовиться? — спросил Антон, разглядывая странную штуковину на тележке. Штуковина напоминала крепостную башню в миниатюре. У ворот «башни» толпились бронзовые фигурки конных и пеших рыцарей, а на мраморном балкончике дамы и кавалеры замерли в величавых позах.

— Это часы каминные, — пояснил Костя. — Германия, восемнадцатый век. Каждые полчаса ворота должны распахиваться, открывая циферблат, а фигурки двигаться в такт

часовому бою. Только вот, ни фигу тут не распахивается и не движется, а графиня велела всё починить до субботы. Осталось, считай, два дня, а тут и конь не валялся. Одна ржавчина да паутина.

Костя сокрушённо вздохнул, а Антон похлопал приунывшего парня по плечу.
— Дерзай, — сказал он. — Руки у тебя золотые, авось, и заработают часики.
Он попрощался с Костей и вышел прочь из особняка.

Сев в машину, Антон покатил к выезду из поместья. Однако, отъехав от ограды до ближайшего поворота, свернул на обочину, выключил двигатель и просигналил. Придорожные кусты немедленно зашевелились, разверзлись — и оттуда, отряхивая штанины, появился лейтенант Болтухин.

— Блин, кэп, — посетовал он, подходя к дороге. — Я больше в засаде тут не останусь: у вас здесь не муравьи, а людоеды какие-то. Задержись вы на полчаса, они обглодали бы меня до скелета.

— Надо быть ближе к природе, лейтенант, — заметил Антон, выходя из машины. — Обратный путь мы проделаем пешком. Вернуться в имение предстоит нелегально.

— Охрану на входе нейтрализуем? — плотоядно осведомился лейтенант, поигрывая неразлучным кастетом.

— Вас, гражданин Болтухин, не учили в школе милиции, что нарушать уголовный кодекс грешно? — строго спросил Антон. — Как квалифицируется нападение с применением холодного оружия?

— Статья 162, вооружённый разбой, — уныло вздохнул Болтухин, пряча кастет.

— Поэтому, понизим статус преступления до подкупа, — заявил Антон, открывая багажник и доставая синюю дорожную сумку.

— Дача взятки, статья 291, — прокомментировал повеселев, лейтенант. — Это, пожалуй, лучше.

— Метрах в ста от въездных ворот есть проход в заборе, — сообщил Антон. — Пойдём там, чтобы не светиться. Твоя задача, гражданин Болт, следить за всем подозрительным, происходящим на территории.

— Опять по кустам шариться? — возмутился Болтухин.

— Какие кусты, лейтенант? — вздохнул Антон. — Двадцать первый век на дворе. На территории работает с десятков камер. К тому же, в запаснике музея я оставил «жука».

— Камеры? А кто нам даст ими пользоваться? Ордера-то при нас нету!

— Лейтенант, ты позабыл о взятке, — напомнил Антон, похлопав сумку по крутому боку. — Древняя мудрость гласит: «осёл, нагруженный золотом, возьмет любой город». Сегодня честь побыть этим ослом выпала тебе, лейтенант.

С этими словами Антон повесил сумку на костлявое плечо лейтенанта, и они отправились в сторону видневшегося за поворотом поместья.

— Я вас, конечно уважаю, кэп, — бросил напарнику лейтенант, — но за осла придётся ответить...

Антон недаром отирался в поместье столько времени. Теперь он хорошо ориентировался в контрабандных тропах и лазейках в заборе. Через четверть часа, никем не замеченные, напарники пробрались к сторожке. Дверь служебного помещения по причине душной погоды была нараспашку. Первым в неё шагнул Антон, следом Болтухин.

Незнакомый охранник недружелюбно зыркнул на вошедших и схватил со стола электрошокер. Однако, узнав в вошедшем человека, час назад засветившего ему свою ксиву, немного расслабился.

— Чего надо, мужики? — спросил он с нескрываемым беспокойством. — Здесь, если вы

не в курсе, режимный объект.

— Мы в курсе, — заверил Антон. — Вот, привёл вам напарника на всю оставшуюся смену.

— Кого?! — вытаращил глаза охранник, глядя на бесшабашно улыбающегося Болтухина.

— Расслабься, служивый, — сказал лейтенант, опуская сумку на свободный стул. — Я — человек исключительно коммуникабельный и неприхотливый. Представляюсь: лейтенант Болтухин, сокращённо — Болт. Гроза питерской преступности. Слышал про культурную столицу?

— Про столицу слышал, — мрачно сказал охранник, поигрывая электрошокером. — Только зачем мне этот баламут на объекте?

— Алё, за баламута можно и по рогам, — бросил лейтенант, и скелет на его футболке воинственно встрепенулся.

— Как тебя звать, боец? — дружелюбно спросил Антон, отодвигая лейтенанта за спину.

— Ну, Алексей. И что дальше?

— Вот что, Алексей, мы вторглись без приглашения, но вовсе не с пустыми руками. — Антон ширнул локтем обиженного лейтенанта, и тот принялся извлекать из принесённой сумки предметы роскоши и обольщения: литровую бутылку дагестанской «Лезгинки», дюжину пива, фрукты, балык, мясную нарезку, баночку паюсной икры и плитку бабаевского шоколада.

— Ну, надо так надо, — пожал плечами охранник, глядя то на дары, то на самих «данайцев», их принёсших.

Он отложил шокер в сторону и посмотрел на Антона вполне дружелюбно.

— Вот и ладно, — кивнул Антон. — Ставлю боевую задачу: как вам известно, Алексей, в музее готовят экспозицию для выставки в Париже.

Охранник напряжённо кивнул, косясь на бутылку «Лезгинки».

— Париж — это во Франции, — пояснил Болтухин, за что немедленно был наказан ударом локтя.

— Так вот, — невозмутимо продолжил Антон. — Некоторые экспонаты чрезвычайно дороги, и в ОВД области поступил сигнал, что музей может быть ограблен накануне отъезда.

— Ограблен?! — подобрался охранник. — Тогда нужно срочно сообщить директору.

— Ни в коем случае, — покачал головой Антон. — Никто из сотрудников не должен знать об ограблении. Возникнет паника и это насторожит преступников. К тому же, — вздохнул Антон, — не хочется беспокоить Ивана Степановича. Он и так какой день на нервах.

— Верно, — сочувственно кивнул охранник, облизнув губы, — совсем извёлся старик. А что нам делать, если появятся воры?

— Спецназ на подходе, — заверил Антон. — К тому же, лейтенант Болтухин в совершенстве владеет приёмами айкидо. Если злоумышленников будет не больше трёх, он справится и один.

Охранник с сомнением посмотрел на сублильного лейтенанта. Болтухин с небрежным видом извлёк из кармана тускло блестящий кастет и покрутил на пальце.

— Вопросы есть? — бодро спросил Антон. — Тогда тяпнем по маленькой за содружество родов войск.

— Разве что по маленькой, — немедленно оживился охранник, материализуя на столе три стакана с бурями чайными разводами и три пыльных тарелки.

— Я за рулём, — предупредил Антон, показывая ногтем допустимый уровень алкоголя.

Охранник Алексей на правах хозяина свинтил пробку с бутылки и щедро плеснул янтаря в стаканы.

— За дружбу между народов, — проникновенно произнёс он, поднимая стакан.

— Но пассаран, камрад, — откликнулся лейтенант.

Стаканы весело звякнули. Охранник выпил коньяк махом, зарычал, зауhal, шаря рукой по столу в поисках закуски. Лейтенант подсунул ему банан.

— Ядрёный коньячишко, не хуже местного первача, — глухим голосом заверил охранник Алексей, шумно обнюхивая банан.

Антон лишь пригубил свой стакан. Главное было достигнуто: контакт с охранником установлен.

— Лейтенант, — бросил он Болтухину, — проводи меня до машины.

— Уже уходите? — охранник Алексей был явно огорчён так скоро прервавшейся вечеринкой.

— Служба, — коротко пояснил Антон, выходя из сторожки.

Через минуту его нагнал лейтенант.

— Кэп, вы чего наплели этому олуху про ограбление и спецназ? — спросил он торопливым шёпотом.

— А ты советуешь рассказать ему историю с кладом и привидением?

Болтухин пожал плечами.

— Ты вот что, лейтенант, поосторожнее со спиртным, — строго сказал Антон. — Алексей этот, судя по всему, запойный. Тебе за ним не угнаться. Наверняка, ночью пойдёт в деревню за самогонкой. Ты эту дрянь не пей ни в коем случае. Только, делай вид, чтобы его не разочаровать.

— Ясно, — кивнул Болтухин, — буду имитировать оргазм.

— Следи за всем, что происходит на территории. И не забудь про «жука». Приёмник в кармане сумки. Как пользоваться, ты знаешь.

— Не первый раз замужем, — заверил лейтенант.

— И ещё, — наставительно произнёс Антон. — Постарайся не декламировать японской поэзии. У нашего камрада Алексея это может вызвать приступ агрессии, особенно после самогона.

Лейтенант сделал неприличный прощальный жест и возвратился в сторожку.

Дело о бобрищенском кладе официально закрыто не было. Однако после питерской неудачи начальство к нему окончательно охладело. И то сказать: столько времени и ресурсов было задействовано, а в чистом остатке шиш с маслом — одна монетка и труп местного забулдыги.

Труп гражданина Котова не взывал к начальству Антона, требуя справедливого возмездия. Родственников у бедолаги не нашлось, а сама личность дважды судимого гражданина не возбуждала у органов правопорядка излишнего энтузиазма.

Полковник Звонов, прямой начальник Антона выразился и вовсе категорично:

— Антоша, я знаю: ты малый упёртый. Пятно на репутации, честь мундира и всё такое... Ничего, отмоеся пятно. Только вот что, хватит гоняться за призраками. На наш отдел за прошлый месяц ещё четыре трупа повесили. Так что, давай, родной, спускайся на землю, забудь об этом проклятом кладе и займись, наконец-то, делом.

Антон взял под козырёк и окунулся в будничную работу. Однако дело о бобрищенском кладе оставалось для него неизменно главным. Он всем своим существом сыщика чувствовал: развязка неминуемо приближается, и связана она, несомненно, с отъездом экспозиции музея в Париж. Это был исключительный шанс для преступника вывести за границу все сокровища махом.

Не полагаясь более на помощь начальства, Антон уповал теперь на глаза и уши лейтенанта Болтухина. Ах, как жаль, что укатил на лазурные крымские берега Никита Степанович, бобрищенский участковый. Антон звонил ему, приехав из Питера, но, увы, не застал. Обнадёживало лишь то, что Никита Степанович должен был днями возвратиться из отпуска.

«Хорошо бы, успел участковый к финалу пьесы, — уповал Антон. — Нам с лейтенантом подмога сейчас бы не помешала».

Лейтенант позвонил посреди ночи, и его голос был весьма взбудораженным:

— Кэп, — буквально крикнул он в трубку. — Вы были правы насчёт самогонки. Ровно в полночь этот халамидник рванул в деревню и вернулся с пузырьём и двумя бабищами. Что делать, кэп? Эти фрау уже приняли по стакану и, похоже, предстоит римская оргия. Я тут выскочил на минутку, но, боюсь, долго мне не продержаться. Операция, кэп, на грани провала.

— Держись, лейтенант, я еду, — бросил Антон, нашаривая ногами тапочки.

Из трубки раздалось возбуждённое дыхание и прокуренный женский голос:

— Ах, вот ты где, пупсик! Иди же, я вся горю...

Послышалась короткая возня — и эфир затих.

Антон торопливо оделся, схватил с тумбочки наплечную кобуру с табельным стволом и буквально выскочил из квартиры. От подъезда до стоянки, где дремала в ночной прохладе его машина, Антон пронёсся, как спринтер. Его сейчас беспокоила не столько поруганная честь лейтенанта, сколько тот несомненный факт, что наблюдение и прослушка в таких условиях решительно невозможны. А именно ночью можно увидеть и услышать самое интересное.

Как ни торопился Антон, гоня машину сначала по пустым и сонным улицам Тулы, потом по гулкой ночной автостраде, рассвет нагнал его в дороге. Когда машина, шурша по гравии, скатила с автострады на просёлок, первые лучи уже весело били в лицо сквозь стекло кабины. Оставив машину за поворотом, Антон проделал тот же контрабандный путь, что и накануне на пару с лейтенантом.

Сторожка была настезь открыта, и оттуда доносились неясные стоны и храп. С упавшим сердцем Антон шагнул внутрь. Стонал лейтенант. Он лежал на полу, застеленном какой-то рогожей, и судорожно пытался встать, прикрывая ладонью.

— Кэп, — прохрипел он, трагически воздев свободную руку. — Нападение на полицейского при исполнении. Статья 318.

Антон протянул руку и помог лейтенанту подняться. Ладонь лейтенанта была влажной и мелко дрожала.

— Это беспредел, кэп, — сказал лейтенант, ища глазами свою одежду. — Лёха принял стакан на грудь и сразу оуклился. — Он кивнул на охранника, который похрапывал, сидя за столом и обнимая пустую бутылку. — Бабы обе ко мне. Я им ксиву под нос и про моральный облик офицера толкую. Ноль эмоций. Мне бы бежать, кэп, да как пост оставишь?

Болтухин торопливо натянул найденные в дальнем углу трусы и джинсы.

— Надеюсь, лейтенант, ты не уронил гордого имени питерского полицейского? — с горькой усмешкой спросил Антон.

— Никак нет, кэп, — заверил лейтенант. — Можно сказать, дважды не уронил.

Оставив лейтенанта приводить себя в должный порядок, Антон подошёл к мерцающим мониторам. Вовремя. На одном из экранов чётко виднелся сгорбленный силуэт, волокущий за собой что-то громадное. Антон сразу узнал Костю и порученные ему каминные часы. Антон посмотрел на время. 5.45. Не рановато ли для подобных занятий? Монитор показывал фойе особняка. Костя пересёк фойе и скрылся из видимости камер. Однако нетрудно было

понять, что направляется он к запасникам. Там камер не было, и можно было уповать только на оставленного в помещении «жука».

Включенный приёмник «жука» и крохотные наушники лежали на столике возле пульта. Должно быть, до появления в сторожке дам лейтенант и в самом деле усердно слушал эфир. Антон поднёс наушник к уху и сразу же различил глухие шаркающие звуки и невнятные голоса. Разобрать, кому они принадлежат, было решительно невозможно. Слова звучали гулко, как из преисподней.

— Ближе, ближе к стене, — раздался первый голос. Он был властный, требовательный, но, совершенно непонятно, мужской или женский. Ваза, в которой находился «жук» радикально изменяла акустику.

После скрежета и пыхтения второй голос произнёс:

— Убрал, что смог, но места мало: на всё не хватит.

— Ерунда, главное, чтобы «девочка» влезла, — ответил первый голос. — Мелочёвку и стёкла запихнём в «дядю».

В этот момент раздался оглушительный колокольный звон. Такой громкий, что Антон машинально убрал наушник от уха. Когда он снова вернул его на место, первый голос произнёс возмущённо:

— Какого чёрта! Они что так и будут трезвонить?

— Только раз в три часа, — заверил первый голос. — Там до шестерёнки невозможно добраться.

Дальше стал слышен лишь невнятный лепет. Должно быть, говорящие удалились от ящика с вазой. Антон обернулся. Лейтенант был уже при полном параде и вопросительно смотрел на напарника.

— О чём базарят? — спросил он, подойдя ближе.

Антон слово в слово пересказал услышанный диалог.

— Про «дядю» я тоже слышал, — с серьёзным видом сообщил лейтенант. — Его куда-то перенести надо было. Я ещё подумал, что это чей-то родственник парализованный.

— Сам ты, лейтенант, парализованный, — в сердцах бросил Антон. — Вместо того, чтобы слушать в три уха, повёлся на баб.

— Это, Антон Васильевич, самые что ни на есть форс-мажорные обстоятельства, — виновато заметил лейтенант. — То есть, обстоятельства непреодолимой силы.

Только теперь Антон заметил на шее лейтенанта свежую размашистую царапину.

— Это они тебя? — спросил он немного смягчаясь.

— Вы ещё со спины не видели. У них ногти, кэп, как у птеродактилей. Можно сказать, изранен при исполнении.

— Вот что, жертва насилия, пожрать у вас тут ничего не осталось? — спросил Антон, ощущая могучий голод. — Сейчас бы кофе с каким-нибудь бутербродом.

— Пусто, — уныло сообщил Болтухин. — Эти лахудры под самогонку всё смели подчистую.

Антон снова посмотрел на часы. Половина седьмого.

— Мне пора, — сказал он, вставая. — В восемь планёрка в отделе. Как только раскидаю дела, привезу тебе что-нибудь похавать. Но раньше обеда даже не жди.

— А мне что, манной питаться? — возмутился Болтухин.

— Ничего, компенсируешь плотские излишества желудочным воздержанием, — сказал Антон, устремляясь к двери. — И постарайся выяснить, не та ли это «девочка», что

упоминалась в письме Кастора и кто такой этот самый «дядя». Да, и вот ещё что. Скоро явится сменщик этого охламона, — Антон кивнул на спящего за столом охранника. — Передай ему тело коллеги и вели помалкивать о нашем присутствии.

Сказав это, Антон вышел из сторожки в яркий и свежий мир летнего утра. Тёплый ветер принёс запахи умытых росой трав, со стороны пруда слышался надрывный лягуший хор, возвещающий приход нового прекрасного дня...

Сменил так и не проснувшегося охранника Алексея бывший зэк Круглов. Юрий Матвеевич неожиданно тепло встретил случившегося в сторожке лейтенанта и от души накормил его тушённой с мясом капустой и пирогами. Ехать и спасать Болтухина от голодной смерти не пришлось, чему Антон был бесконечно рад. Три «глухаря», повешенные на него начальством, цепко держали капитана и выпустили из своих лап лишь к концу рабочего дня.

Последующая ночь прошла без вынужденных попок и грехопадения. Лейтенант дважды выходил на связь и дважды сообщал, что слышал обрывки разговоров о «девочке» и о «дяде». Однако, ясно понять, о ком или о чём идёт речь, так и не удалось.

Поставить точку в затянувшемся расследовании Антон решил прямо с утра. Тем более, что это была суббота, а значит должен был прибыть контейнер из министерства. К тому же, в субботу не нужно отпрашиваться у начальства и можно на весь день исчезнуть из города. Смущало лишь то, что в кармане не было ордера на обыск особняка. Узнай полковник Звонов, что Антон самовольничает и затевает досмотр экспозиции, предназначенной к поездке в Париж, он немедленно загнал бы дерзкого подчинённого под лавку. Нет, так-то полковник мужик неплохой, а в прошлом, можно сказать, и героический, но за год до пенсии авантюризм выветрился из него напрочь. И теперь приходилось Антону действовать на свой страх и риск. Наплевать. Победителей, как известно, не судят.

В сторожке Антон появился в девять. Он был в боевом расположении духа и привёз с собой большой пакет гамбургеров для истомлённого ночными бдениями Болтухина. Лейтенант был в сторожке один. Сменщик Юрия Матвеевича отправился обходить вверенные ему владения.

Лейтенант скинул с себя наушники и спросил с напряжением в голосе:

— Сегодня?

Антон кивнул и поставил на стол принесённый пакет.

— Ничего нового не услышал? — спросил Антон, доставая упакованный в картонную коробку гамбургер.

— По нулям, — вздохнул лейтенант. — Да днём ничего интересного и не услышишь.

Он потянулся, по-кошачьи вытянув затёкшую спину.

— Хорошо, что сегодня фраеров вяжем, — сказал он, зевая. — Ещё одна бессонная ночь — и я бы превратился в лунатика. Кэп, ботаника, чур, я братъ буду. С самого Питера руки чешутся.

Антон бегло взглянул на мониторы и задержал взгляд на экране, где видно было фойе особняка. Весь пол фойе был уставлен многочисленными ящиками и коробками. Антон вздохнул, глядя на это громадьё. Где-то среди двух тысяч экспонатов должны были находиться припрятанные преступниками драгоценности. Именно преступниками. То, что Костя действовал не один, стало ясно из подслушанных ночных разговоров. Только кто этот второй? «Ладно, выявим драгоценности, выявится и вся шайка, — успокоил Антон сам себя. — Где вот только они, эти чёртовы драгоценности?» Искать наобум не было никакого смысла. Не задерживать же для этого всю экспозицию. Да и на сколько? На день? На неделю? Музейные сотрудники такой хай поднимут, выговором не отделаешься. Действовать

можно было только наверняка. Быстро и напористо, рассчитывая исключительно на эффект неожиданности. Хорошо, хоть с каминными часами есть какая-то ясность. Впрочем, так и неизвестно, что там за «девочка» спрятана.

— Эх, сейчас бы борща горяченького или пельмешек, — мечтательно вздохнул лейтенант, извлекая второй гамбургер из упаковки. — Помните, Антон Васильевич, как мы в «Северянине» сибаритствовали?

Антон не ответил, увлечённый происходящим на экране. Трое мужчин, тужась и беззвучно матерясь, волокли по фойе причудливой формы секретер. Наконец, они пристроили его на свободное место и выпрямились, вытирая со лбов испарину. Антон узнал всех троих. Одним из грузчиков оказался Костя, вторым — пожилой садовник Данилыч, третьим — охранник Славка Фролов, бывший подозреваемый.

Все трое принялись что-то весело обсуждать, кивая на секретер. Садовник вынул из кармана сигареты — и грузчики немедленно отправились из фойе на свежий воздух, сразу же исчезнув с экранов.

— Сегодня привезут контейнер, — с чувством произнёс лейтенант. — Погрузят в него всю эту барахолку и тю-тю.

— До погрузки мы ждать не будем, — заверил Антон.

— А если мы снова лоханёмся, Антон Васильевич? — озабоченно спросил Болтухин. — Меня тогда в Питере начальство и пацаны на ремни порвут.

— Не порвут, — бодро пообещал Антон. — Один козырь у нас, как ты знаешь, есть: часы. Вскроем их, посмотрим, что там за «девочка». Тогда и для дальнейшего досмотра повод появится.

В сторожку ввалился Славка Фролов. Он остановился, исподлобья уставившись на Антона.

— Ну, здорово, гражданин начальник, — невесело улыбнулся он. — Всё сокровища графские не дают покоя?

— Верно, — не стал отрицать Антон. — А ещё убийство приятеля вашего, гражданина Котова.

— Тоже мне приятель, — пробормотал охранник. — Если бы его не завалили, я б ему сам кишки выпустил.

Славка поморщился от боли, поведя плечом.

— Фу, ну и тяжёл этот чёртов дядя! До сих пор рука ноет, — сказал он вдруг уже без апломба.

— Кто-кто тяжёл?! — вскинулся Антон.

— Дядя, — повторил Славка, немало удивившись реакции следователя. — Ну, секретер старинный. Мы его из запасника в фойе втроём пёрли. Ну, и делали же раньше! Мощно, солидно. Вещь, так вещь.

— А почему «дядя»-то? — теряя терпение воскликнул Антон.

— Да в семействе Бобрищевых его, вроде, так звали. Какой-то брат какому-то брату подарил. Так и повелось. Наши в музее его завсегда «дядей» называют.

Антон взглянул на обомлевшего лейтенанта.

— Бинго! — воскликнул тот. — Чтоб я пропал, кэп! Это ж почище, чем в Голливуде!

— Вперёд! — скомандовал Антон. — Гражданин Фролов, пойдёте с нами в качестве понятого.

— В качестве кого? — переспросил Славка, с недоумением глядя на свихнувшихся в

один миг представителей закона.

— Покемонов ваших за хобот брать будем, — весело пояснил Болтухин.

Один за одним, все трое вышли из сторожки и направились к особняку. Славка шёл последним, сжимая в руках длинную чёрную дубинку.

Появление в особняке Антона в сопровождении лейтенанта и охранника вызвало гротескную немую сцену. Костя, закрывавший крышку одного из ящиков, замер, держа её в напряжённых руках. Аделаида Сергеевна застыла посреди фойе с каменным лицом. Иван Степанович изумлённо уставился на вошедших, держа под мышкой упакованную в картон картину. Одна только Даша, привстав из-за прятки, взглянула на вошедших с задорным интересом.

— Пришли попрощаться? — спросила она, но Антон ничего не ответил ей.

Он подошёл к секретеру и любовно погладил его крутой и округлый бок.

— Предъявим ценности добровольно? — спросил он, по очереди глядя на окружающих.

— О чём вы, голубчик? — поставив картину на пол, спросил Иван Степанович.

— О бобрищенском кладе, разумеется, — вздохнул Антон.

Костя отпустил наконец крышку и, пока она с грохотом падала на ящик, стремительно метнулся к лестнице на второй этаж.

— Стоять, ботаник! — выкрикнул лейтенант, выхватывая из кармана кастет, но броситься в погоню не успел. Стоящий позади него охранник, коротко взмахнув, ударил лейтенанта по затылку чёрной полицейской дубинкой. Болтухин, охнув, кулём повалился на пол и замер, уронив голову на приземистый деревянный ящик.

— Ты что, малый, фонарел? — выкрикнул Антон, бросая руку к наплечной кобуре.

— А вот этого делать не стоит, — раздался властный и громкий голос.

Антон замер и обернулся. Прямо ему в лицо смотрело револьверное дуло. Это был тот самый коллекционный наган. Аделаида Сергеевна держала оружие двумя руками, твёрдо расставив ноги. На её строгом и спокойном лице появилась недобрая улыбка.

— Я уж думала, навсегда мы с вами расстались, господин полицейский, — произнесла она с усмешкой. — Зря вы возвратились, Антон Васильевич. Да ещё мальчишку с собой притащили. Слава, дружок, отбери-ка пистолетик у капитана, чтобы ему в голову не пришло погеройствовать.

— Стой, где стоишь, — бросил Антон охраннику. — Не усугубляй, Славик. И молись, чтобы лейтенант отделался лишь ушибом. А «графиню» свою не слушай. У неё в барабане холостые патроны.

Едва он успел договорить, как грохнул револьверный выстрел — и один из потолочных плафонов разлетелся вдребезги. Патроны оказались вовсе не холостыми.

— Прекратите! — вскрикнула Даша и подбежала к обомлевшему Ивану Степановичу. — Дедушка, что же это?

— В самом деле, Деля, что происходит? — спросил Иван Степанович, обнимая внучку дрожащими руками.

— Помолчите оба! — бросила им Аделаида Сергеевна. — Слава, заberi ствол! Живо!

Охранник протянул руку, но в этот момент колокольным звоном напомнили о себе каминные часы. Аделаида на мгновение повернула голову, и этого мгновения Антону хватило, чтобы нырнуть за огромный ящик. Снова оглушительно бахнул выстрел. Пуля с треском врезалась в деревянную стенку ящика, круша внутри бесценный фарфор. Антон рывком метнулся за мраморную колонну, подпиравшую потолок фойе. Снова выстрел. Антон выхватил наконец пистолет и крикнул:

— Бросайте наган, сударыня, не подписывайте себе пожизненное.

Снова выстрел. Из мраморной колонны брызнула крошка и, шурша, рассыпалась по полу.

— Слушайте сюда, блюститель закона, — выкрикнула в ответ «графиня». — Я в этой поганой стране и так пожизненное отбывала. Теперь хочу пожить по-настоящему, как положено мне по рождению. Вы, капитан, назвали меня графиней, и все меня тут так называют. Как это верно! Я — внучка Павла Алексеевича Бобрищева. Да, я — графиня. И сокровища моих предков должны быть моими. Слышите всё? Сокровища мои! А теперь, капитан, бросайте ствол и выходите. Иначе, я продырявлю девчонку, а потом и уважаемого Ивана Степановича.

Послышалась короткая возня и сдавленный крик Дольского:

— Умоляю, Антон Васильевич, сделайте, как она говорит! Деля просто сошла с ума.

Антон выглянул из укрытия и увидел, что воронённое дуло нагана направлено теперь не на него. Аделаида Сергеевна обхватила сильной рукой шею насмерть перепуганной Даши и утвердила револьверный ствол у виска девушки.

— Ну! — потребовала графиня.

Антон положил пистолет на пол и слегка отбросил его ногой.

— Слава, подбери, — приказала графиня, не отпуская Дашу.

Охранник проворно подобрал пистолет Антона и направил его на капитана. Скрипнула входная дверь, и в фойе, настороженно озираясь, заглянул садовник Данилыч.

— Что за шум? — осведомился он. — Помощь какая требуется? Кто стрелял?

Антон хотел было крикнуть, предупредить садовника, но Славка Фролов оказался проворней. Он в два прыжка подскочил к двери и, ухватив мужичка за холщовый передник, втянул его внутрь помещения.

— Ты чего, Славик, травы обкурился? — запротестовал было Данилыч, но осёкся, увидев пистолеты в руках охранника и графини.

— Стой спокойно, дядя Петя, — шикнул на него Славка.

По лестнице, испуганно глядя на происходящее, спустился Костя.

— Константин, сходи-ка, дружок, в запасники и принеси моток жгута, — приказала графиня.

— Для чего? — спросил Костя и едва не споткнулся, разглядев направленный в висок Даши ствол револьвера.

— Свяжем особенно строптивых, — зло бросила ему графиня. — Бегом! — крикнула она.

Костя, неуклюже прыгая через ящики, побежал в правое крыло особняка, где располагались запасники.

— Я смотрю, у вас тут целая банда, Аделаида Сергеевна, — произнёс Антон, уныло глядя на собственный пистолет в руках Славки Фролова.

— Банда?! — вскинула бровь графиня. — О, нет. И Костик, и Слава преданы мне, капитан. И того, и другого я выгнала из грязи. Костику я дала возможность учиться, отправила его во Францию. Да, да, капитан, это он посещал в Париже Кастора. Разумеется, и парике и гриме. Мальчику понравился Париж. Теперь мы поедем туда вместе. Правда, на этот раз не как нищие туристы. А потом к нам приедет туда и моя дочь.

— Дочь?!

— Да, капитан, мир удивительно тесен, не правда ли? — графиня раскатисто

засмеялась. — Катя Свирская, которую вы так бездарно прошили в Петербурге, — моя дочь. Я назвала её в честь нашей прародительницы Екатерины Великой.

— Но фамилия? — спросил Антон, совершенно сбитый с толку обрушившейся на него лавиной фактов. — И почему это дочь живёт сама по себе?

— Свирская — моя девичья фамилия, — охотно пояснила графиня. — По мужу я, как вы, конечно знаете, Белозерцева.

Антон машинально кивнул, всё ещё отказываясь поверить в услышанное.

— Я — вдова Григория Белозерцева, владельца сырьевой биржи. Мужа убили пятнадцать лет назад, — спокойно продолжила графиня. — От его капиталов у меня остались кое-какие крохи. За мной стали следить, требовать денег, грозить смертью Катеньки. Пришлось её спрятать.

— Понятно, — вздохнул Антон, смутно припоминая нашумевшее дело пятнадцатилетней давности. — А этот как попал в вашу свиту? — Антон кивнул на Славку, замершего с пистолетом в руке.

— Славу я отмазала пару лет назад от очень нехорошей статьи, — ответила и на этот вопрос графиня. — Что там о совращении малолетних. Верно, Вячеслав?

— Аделаида Сергеевна, — немедленно вспыхнул Славка. — Зачем вы про это на людях?

— Что тебе эти люди, Славик? — зло усмехнулась графиня. — Ты завтра уже будешь кувыркаться со своей Веркой где-нибудь на Мальдивах. Деньжат-то, поди, теперь на всё хватит.

— Так это он Ваську Котова порешил? — спросил Антон, глядя то на графиню, то на разволновавшегося охранника.

Однако ответа не последовало. Из запасников вернулся Костя, неся в руках рулон толстого жгута и ножницы.

— Вяжи Дашку, — приказала графиня и толкнула девушку перед собой.

— Зачем же её вязать? — замялся Костя, стараясь не смотреть в испепеляющие глаза девушки.

— Затем, дурачок, что нам нужна будет заложница, — нетерпеливо пояснила графиня. — Ну же!

Костя шагнул вперёд, выставив перед собой обрезок жгута.

— Ах, ты дрянь, иуда! — вскрикнула Даша и с яростью пантеры бросилась на предателя. Костя отшатнулся, закрываясь руками, но отчаянный бросок достиг цели: из оцарапанной щеки и уха брызнула кровь.

— Славик, угомони девчонку, — громко приказала графиня.

Славик сделал неуловимое движение дубинкой — и Даша, ойкнув, рухнула на пол рядом с лейтенантом. С той только разницей, что удар пришёлся ей по плечу и не лишил девушку чувств.

— Что вы делаете, негодяи?! — воскликнул Иван Степанович, бросаясь к упавшей Даше, но графиня коротко ударила его рукояткой револьвера в живот — и Дольский мгновенно согнулся пополам, застонав от боли.

— Послушайте вы, несносный старик, — выкрикнула она, толкая Ивана Степановича на грудь ящиков. — Ничего не приключится с вашей внучкой, если вы проявите немного терпения. Вечером придёт контейнер из министерства. Мы с вами его загрузим экспонатами и дождёмся, пока он пересечёт границу. Тогда и получите назад свою Дашу. А пока она посидит под замком. Вы поняли меня, дражайший Иван Степанович?

Дольский кивнул седой головой, всё ещё морщась от невыносимой боли.

— Вот и чудесно, — удовлетворённо сказала графиня, — Слава, Костя, свяжите наконец девчонку и фараона. И не забудьте вывернуть им карманы.

— А Данилыча? — спросил Славик, пряча пистолет в карман, чтобы освободить руки.

— Данилыча не надо. Он мне здесь нужен ящики перетаскивать.

Это был удобный момент, чтобы предпринять попытку обезоружить графиню. «До неё не более пяти метров, — прикинул Антон. — Можно нырнуть ей под руку, перехватить запястье...». Удар дубинки был так стремителен, что Антон заметил лишь её мгновенную тень. Перед глазами полыхнуло зарево кровавого тумана, и мир тотчас погрузился во тьму.

Очнулся Антон от того, что его кто-то шлёпал по щекам. Голова раскалывалась от боли, обмякшее тело никак не хотело слушаться.

— Очухался? — спросил откуда-то сверху голос Славика. — Извини, капитан, приложил тебя так, на всякий случай. Для твоего же блага. Если бы ты дёрнулся, пришлось бы стрелять. Давай-ка, вставай.

Охранник подхватил Антона под руки и помог подняться.

— Спасибо за заботу, гражданин Фролов. Суд это непременно учтёт, — пробормотал Антон, стараясь не потерять равновесия и не рухнуть. Руки Антона были крепко и плотно связаны, из чего можно было понять, что в бессознательном состоянии он пребывал никак не менее трёх минут.

Славик подтолкнул его к двери, где уже стояла связанная и бледная Даша. Садовник Данилыч и Костик маячили поодаль. На их плечах лежали руки поднятого с пола лейтенанта. Болтухин уже начал приходить в себя, пытался стоять самостоятельно, но ноги его не слушались. Он мучительно и протяжно стонал.

— Аделаида, господи, куда вы хотите их отвести? — с мольбой в голосе спросил Дольский. Его глаза были туманны от слёз, голова то и дело вздрагивала.

— Слава, запирайте эту троицу в часовне, — вместо ответа распорядилась графиня. — Да, покрепче запирайте, чтобы сбежать не смогли.

— В часовню?! — прижал ладонь к груди Иван Степанович. — Там же сыро, холодно. Даша, Дашенька, не садись на каменное. Слышишь? Застудишься...

— Дедушка, не волнуйся! — вскрикнула Даша. — Мы не пропадём. Пожалуйста, береги сердце, выпей лекарство, слышишь! Мы не пропадём!

— Дашенька, курточку надо взять...

— Хватит мелодраматизма, господин директор! — оборвала его Аделаида Сергеевна. Она всё ещё держала в руках наган, но персонально уже не в кого не целила. — Идите и ещё раз проверьте документацию. В ваших же интересах, что бы всё прошло без задержки.

Пленников вывели из особняка, и странная процессия побрела к белевшей в глубине парка часовне.

Бобрищенская часовня являла собой несомненно уникальное, но основательно потраченное временем сооружение. Над просевшим куполом возвышался барабан с покосившимся крестом. Световые окошки, заколоченные фанерой, зияли, как старческие бельма. Осыпавшаяся местами штукатурка обнаруживала под собой красную кирпичную кладку. Здание давно и тоскливо взывало о ремонте, но на него не хватало ни рук, ни денег. Зато в качестве тюрьмы сооружение было вполне пригодным. Единственная железная дверь, побитая ржой, покоилась на мощных петлях и запиралась снаружи мощным засовом.

Костя, оставив лейтенанта на попечение Данилыча, побежал вперёд отмыкать огромный, едва ли не пудовый замок.

— Слышь, капитан, — шепнул Антону Славик, когда дошли до часовни. — Ты не думай, эту гниду, Ваську Котова не я порешил. Много я чего по глупости своей понаделал, но только не убийство.

— Тогда, кто? Графиня?

— Не знаю, — вздохнул Славик. — Я ведь в ту ночь у Верки прокантовался. Должен был вместе с Котом пойти нырять за сундуком этим проклятым. Только подрались мы с Васькой и разругались насмерть. Вдвоём они пошли с Костиком. А оно вон как вышло.

— Значит, Костя?

— Говорю же, не знаю, — зло бросил Славик. — Хотя, мог и Костик. Этот тихоня, если бы графиня приказала, мог бы и багром садануть.

Дверь часовни с тяжёлым скрипом открылась, и разговор прекратился. Костя вернулся к пленникам. Кровь всё ещё сочилась с его царапин на щеках и губах.

— Даша, — сказал он, пытаясь вытереть лицо ладонью. — Прости меня. Здесь я бы так и остался нищим. Здесь никаких перспектив. А это шанс для меня. Понимаешь?

— А что же ты не предложил ехать в Париж мне? — с презрительной улыбкой бросила Даша, вскинув голову. — Молчишь? Я и так знаю: графиня желает, чтобы ты женился на её дочке. Угадала?

Костя не ответил. Лишь вздрогнули и опустились его плечи. В этот момент Костя был по-настоящему жалок. Он отвернулся от Даши и отошёл в сторону.

— Двигайте копытами, — угрюмо сказал Славик, толкая в спину сначала Антона, потом и Дашу.

— Не смейте мне говорить такие вещи! — вспыхнула Даша, сверкнув глазами, и Кречетов с удивлением увидел, как охранник послушно подобрался. «Молоток девчонка, — подумал он с невольным уважением, — вот кого в команду бы ко мне...»

Он оглянулся на помощника. Лейтенант едва стоял на ногах и осматривался вокруг мутным взглядом. Его подпирал плечом бледный и перепуганный Данилыч.

— Потерпите ребятки, — тихо увещевал он, — уедет эта мегера в свою Францию, я вас, бедолаг, отопру. А вечером, если разрешат, я вам водицы и еды принесу.

В часовне, как и положено в подобном месте, царили сумрак, прохлада и запах плесени. Антон успел разглядеть каменный пол, усыпанный рухнувшей с потолка штукатуркой, облупившиеся образа святых на стенах и несколько тёмных от времени высоких гранитных плит. Когда все трое пленников оказались внутри, Славик тотчас затворил дверь и часовня погрузилась во мрак. Впрочем, темнота оказалась не такой уж крошечной. Сквозь щели в кое-как заколоченных световых окнах, внутрь пробивались весёлые лучики дневного света.

— Где это мы? — прохрипел Болтухин. — На том свете? Я рассчитывал, что там будет немного светлее.

— Ну, слава богу, очнулся! — сказал Антон с чувством. — Давай-ка присядь, дружище.

Он помог лейтенанту опуститься на одну из гранитных плит.

— Кто это меня так приложил? — всё ещё с трудом произнося слова, пробормотал раненый. — Такое впечатление, что я столкнулся с трамваем.

Антон коротко пересказал события минувшего часа.

— Вот это, блин, повезло, — простонал лейтенант не то от боли, не то от досады. — Теперь у них два ствола, полоумная баба, ботаник и чувак с дубинкой. Расклад явно не в нашу пользу, кэп.

— Ты меня извини, лейтенант, что втянул тебя в эту историю, — вздохнул Антон. — Надо было заранее просчитать графиню.

— Эй, — подала голос Даша. — А передо мной извиниться не хотите, господин сыщик? Я ведь здесь тоже по вашей милости.

— Даша, милая моя девочка, — немедленно отозвался Антон. — Обещаю тебе, что и с

тобой, и с дедушкой всё будет в порядке.

— В порядке?! — вскипела Даша. — Это у них всё будет в порядке: у Аделаиды, у Костика и у той девчонки с именем императрицы. Вы понимаете, что мы уже ничем им не помешаем?!

Антон не ответил девушке. Да и что, собственно, он смог бы ей возразить?

— Кирилл, — обратился он к лейтенанту. — Сможешь развязать нам руки?

Он протянул стянутые жгутом кисти, и лейтенант тотчас принялся дёргать и тянуть за узлы, однако совершенно не преуспел в этом.

— На полу должны быть осколки стёкол, — снова подала голос Даша.

Все трое опустили на пол и принялись шарить среди комьев извёстки и битого кирпича. Наконец, поиски увенчались успехом. Антон первым наткнулся на гладкий треугольный осколок размером с ладонь.

— Режь, — сказал он, передавая находку лейтенанту, у которого не были связаны руки.

Разрезать в темноте упругий жгут оказалось не таким уж пустяшным делом. На это ушло не менее получаса и добрая сотня не парламентских выражений. Когда жгут лопнул, Антон испытал непередаваемое облегчение и обнаружил на своих запястьях многочисленные кровоточащие царапины.

С освобождением Даши всё сложилось гораздо проще. Девушку связали не так тщательно, и от жгута удалось избавиться без помощи осколка.

— Что будем делать, кэп? — с беспокойством спросил Болтухин. — Мне не нравится окружающий антураж. Надо отсюда рвать когти.

— Даша, — окликнул девушку Антон. — Отсюда есть способ выйти?

— Это же часовня, — вздохнула из темноты Даша. — Тут нет ни потайной двери, ни подземного хода. Разве что через световое окно. Окна маленькие, но я, может быть, и пролезу.

Антон посмотрел вверх, откуда пробивались крохотные лучики света. До ротонды с прорезями световых окон было не менее пяти метров.

— Придётся залезть друг другу на плечи, — произнёс Антон. — Давайте попробуем.

Антон встал к стене, упираясь ладонями в шершавый кирпич, лейтенант неуклюже вскарабкался на его спину, затем встал ногами на плечи. У Даши получалось не очень. Девушке никак не хватало сил подтянуться как можно выше, чтобы утвердиться на плечах лейтенанта. Когда, наконец, задуманное осуществилось, Даша крикнула сверху:

— Не могу достать. Ещё чуть-чуть, сантиметров двадцать.

— Давайте подложим плиты, — предложил лейтенант. — Надеюсь, покойники за это нас не осудят.

В самом деле, плиты надгробий как нельзя лучше подходили для подобного дела. В часовне их было не меньше дюжины. Плиты, толстые и массивные, весили, должно быть, не меньше центнера. Без инструментов, голыми руками переместить хотя бы пару из них ближе к стене было задачей не из лёгких.

Антон попробовал сдвинуть одну из плит. Тщетно. Плита точно приросла к гранитному основанию. Тогда он повторил попытку с соседней плитой, и та неожиданно легко подалась и отъехала в сторону. Под плитой лежало что-то большое и белое. Даша немедленно вскрикнула, а Антон отпрянул от потревоженного надгробья.

— Платье, это же платье... — дрожащим шёпотом произнесла Даша. — Это одежда утопленницы.

— Какой ещё утопленницы?! — передёрнув плечами, спросил Болтухин.

— Привидение графини, что утопилась в пруду, — тихо, но отчётливо произнесла Даша. — Это же её одежда... Помните, Антон Васильевич, я вам рассказывала?

— Да, Даша, помню, — заверил перепуганную девушку Антон. — Но и тогда, и сейчас, я не вижу здесь никакой мистики.

Антон наклонился и поднял край платья. Под ним тотчас обнаружились и другие улики: ласты, маска и фонарик для дайвинга, закреплённый на резиновый обруч. Он поднял фонарик и включил его. Часовня озарилась бледным светом.

— Мама мия! — воскликнул лейтенант. — Надо же, какие у вас тут экипированные утопленницы!

Антон направил фонарик на белое платье. Вот оно — бурые пятна. Кровь...

— Вот и разгадка личности привидения, — сказал он со вздохом. — Наверняка, им была наша дражайшая Аделаида Сергеевна. Как только удалось найти место клада, она организовала поиски и подъём сокровищ. А чтобы никто из случайных парочек, блуждающих по парку, этому не помешал, она решила сыграть утопленницу. И тут она попала в точку. Гости фестиваля проглотили эту легенду и панически боялись ночью подходить к пруду.

— Это правда, — подтвердила Даша. — Когда мы её с девчонками выследили возле пруда, то так перепугались, что даже сфотографировать не смогли.

— Значит, так. Когда Костик и Васька Котов подняли сокровища и вытащили на берег, возник конфликт, — продолжил свою мысль Антон. — Возможно, Коту никто не сказал о размере сокровища. Поняв, что его надули, он потребовал большей доли. Графиня, естественно, была где-то рядом и, когда дело приняло крутой оборот, подавила бунт, ударив бедолагу подвернувшимся под руку багром.

— А почему вы решили, кэп, что эта малахольная его приголубила, а не наш ботаник? — спросил заинтригованный лейтенант.

— На платье следы крови, — пояснил Антон.

— А как мы докажем, что именно графиня шлялась по ночам в этом прикиде?

— У вас, лейтенант Болтухин, что было по криминалистике? — усмехнулся Антон. — На одежде подозреваемого остаются потожировые маркеры и мельчайшие волоски. Для экспертизы ДНК более чем достаточно.

— До экспертизы ещё далеко, — напомнила Даша. — Нужно сначала отсюда выбраться.

Аргумент был бесспорным и узники, взяв сдвинутую плиту за края, отволокли к стене. То же самое они проделали ещё с двумя плитами, которые удалось сорвать со старых надгробий. Теперь можно было надеяться, что Даша дотянется до оконца.

Даша с первого раза взобралась по живой лестнице и, ухватившись за кирпичный край, взобралась на узенький оконный карниз. Она прильнула к щели между фанерными листами и тотчас, отпрянув, рухнула вниз. Антон едва успел подхватить её у самого пола.

— Там, снаружи, какой-то мужик, — зловещим шёпотом заявила Даша.

— Может, Данилыч? — предположил Антон, но Даша категорично покачала головой.

— Нет, не Данилыч, — тихо произнесла она. — Этот большой такой, как медведь. Что-то высматривал возле двери. Я его только мельком видела, со спины.

— Что будем делать, кэп? — шёпотом произнёс лейтенант. — Может, шумнуть?

Антон покачал головой.

— Не годится, — сказал он. — Испугается, побежит звать охрану. Славик его угостит дубинкой и определит к нам на постой. Будем ждать, пока сам свалит.

Однако, незнакомец уходить вовсе не собирался. Его осторожные шаги послышались совсем близко. Они приблизились к железной двери и стихли. Незнакомец явно прислушивался. Узники замерли, остерегаясь пошевелиться.

— Эй, кто там? — строго спросил незнакомец совершенно знакомым Антону голосом. — Не шали, ответь.

— Никита Степанович?! — вырвалось у Антона. — Как вы здесь?

— Известно как, — отозвался участковый. — Вчера ночью с моря возвратились. Решил вот, сходить посмотреть, всё ли в порядке на участке. Персиков Ивану Степановичу принёс, лучку ялтинского.

— Потом про лучок, Никита Степанович, — крикнул Антон. — Вы замок вскрыть сможете?

— Зачем вскрыть? — в недоумении спросил участковый. — Я у Данилыча могу ключ взять.

Антон бросился к двери.

— Ключ не у Данилыча, — сказал он взволнованно, прижимаясь лбом к холодному ржавому металлу. — Ключ у Славки Фролова. Он заодно с графиней.

— С кем-с кем? — переспросил участковый.

— Долго рассказывать, Никита Степанович, ломай замок.

На этот раз участковый не стал переспрашивать. Он метнулся куда-то в сторону, а когда снова вернулся к двери, заскрежетал чем-то стальным, приговаривая:

— Сейчас, сейчас, Антон Васильевич, потерпи. Вот ведь, и на неделю нельзя уехать. Обязательно что-нибудь приключится.

Замок с тяжёлым лязгом упал на каменные ступени — и дверь распахнулась с визгом и грохотом. На пороге стоял, улыбаясь во всё красное от загара лицо, Никита Степанович. В руках он держал кусок арматуры.

— А я вас, дядя Никита, за медведя приняла, — всхлипнула Даша, бросаясь ему на шею.

— А ты-то как попала сюда, егоза? — добродушно спросил участковый.

— Костик нас предал, — воскликнула Даша. — Всех нас предал! Они нашли клад и теперь хотят бежать за границу!

— Теперь не сбегут, — заверил лейтенант, выходя из часовни.

— Я смотрю, у вас тут целая компания подобралась, — усмехнулся участковый,

разглядывая Болтухина. — Кто такой? Городской? Из дачников?

— Лейтенант Болтухин, питерский ОВД, — чинно представился лейтенант. — Город на Неве, может, слышали?

— Город слышал, — кивнул Никита Степанович, неодобрительно оглядывая болтухинский скелет. — А вот, чтобы в органы всякую шпану набирали, не слышал.

— Аллё, коллега, почему сразу шпана? — возмутился лейтенант. — У меня, между прочим, шесть задержаний.

— Потом о своих подвигах расскажешь, лейтенант, — осадил распетушившегося напарника Антон. — Давайте лучше свалим отсюда в безопасное место.

— Ко мне, — предложил Никита Степанович. — Всё и обскажете. Наталья галушек навертела. Сметанка, опять же, свежая.

При упоминании о галушках, лейтенант тоскливо посмотрел на Антона.

— Не до галушек нам, Никита Степанович, — быстро возразил Антон. — Если, узнают что мы сбежали, сокровища могут и перепрятать.

— Так чего же проще: вызови по телефону наряд и накроем всех разом, — пожал плечами участковый.

— Вызовем, обязательно вызовем, — пообещал Антон. — Только если у нас на руках железная доказуха будет. Начальство прикрыло эту тему, и я тут, можно сказать, по собственной инициативе.

— Ну, дела! — вздохнул Никита Степанович. — Стало быть, вдвоём будем брать, без подмоги?

— Втроём, — угрюмо напомнил о себе лейтенант.

— А я? — всполошилась Даша. — У них дедушка, между прочим, в заложниках.

— А вот тебя мы и отправим к Никите Степановичу галушки кушать, — строго сказал Антон. — У них, девочка, два ствола на руках. И твоей юной жизнью я рисковать отнюдь не намерен.

— Два ствола?! — покачал головой участковый. — Погано. А кто у них коноводит? Не Костик же?

— Графиня, — коротко ответил Антон. — И с ней Славка Фролов.

— Славка?! Вот ведь, паршивец! — возмутился Никита Степанович. — По малолетке его едва не закрыли лет на пять по нехорошей статье, но кто-то деньжат кинул: отмазали.

— Графиня и кинула, — пояснил Антон. — Теперь он у неё вроде собачки.

— Теперь понятно, откуда ноги растут, — вздохнул участковый. — А ко мне в деревню всё же идти придётся. Совсем без оружия на два ствола лезть негоже. Я хоть и сдал свой табельный на время отпуска, ружьишко охотничье имеется. Ещё одним у шурина разживёмся.

Больше рассуждать было не о чем. Прикрыв дверь часовни и для вида вернув на место повреждённый замок, все четверо поспешили убраться подальше от нехорошего места.

Первым шёл участковый, безошибочно угадывая тайные тропы в буйных зарослях лопухов и крапивы.

— Никита Степанович, — окликнул его Антон. — А ты как возле часовни-то оказался?

— Чуйка сработала, Антон Васильевич, — отозвался участковый. — Я, когда с гостинцами-то явился, мне сразу всё не понравилось: и Иван Степанович как в воду опущенный, и Данилыч ни покурить не предложил, ни потрепаться. А это само по себе уже подозрительно. А больше всего медуза Горгона эта меня озадачила. Сроду со мной двух слов

не сказала, а тут и про поездку, и про жену расспросила. Да всё с улыбочкою елейной. Э, думаю, не спроста! А когда обратно-то шёл, кровь на траве увидел. Смекнул, куда след идёт, а потом, тайной тропкой, чтоб камеры меня не прищучили, до часовенки-то и дотопал.

— Это Костика кровь, — пояснил Антон. — Даша ему физиономию разукрасила.

— Так ему и надо, предателю! — подала голос шедшая последней Даша.

Она то и дело вскрикивала, когда очередной крапивный куст обжигал её тонкие голые руки.

Деревня, куда спустя полчаса вошёл маленький отряд, жила своей летней и знойной жизнью. Кто-то копался в огороде, кто-то возился возле мангала в ожидании скорых гостей, кто-то затеял баньку. Отовсюду тянуло дымком и шашлычным духом.

— Эх, пожрать бы чего-нибудь, — мечтательно произнёс Болтухин. — На пустой желудок неохота под пули лезть.

— Ты, Антон Васильевич, чего же мальчонку-то своего на довольствие не поставил? — попенял участковый. Тощий, точно шкилет на майке. Не ровен час, преставится с голодухи, а тебе, поди, отвечать.

— Откормим лейтенанта, Никита Степанович, откормим, — пообещал Антон. — Только бы с сокровищами не опоздать. Наверняка, контейнер сегодня вечером грузить будут. Да и Ивана Степановича выручать надо.

— Помешались все на этом сокровище, — пробурчал участковый. — А насчёт Степаныча не журишь, капитан, выручим старика.

За разговорами скоро дошли и до ворот участкового. Наталья, предупреждённая звонком о гостях, уже маячила на летней веранде, собирая на стол. Когда все четверо, стуча по деревянным ступеням, поднялись на веранду, всё было накрыто к обеду.

— Ой, Антон Васильевич, на кого ж вы похожи?! — всплеснула она красными от крымского загара руками. — Где ж вы так извалялись, родненькие?

Антон только теперь обратил внимание на свой пиджак и брюки, сплошь покрытые мучными пятнами от штукатурки. Лейтенант и Даша выглядели не намного краше.

— Погоди с расспросами, Наталья, — строго сказал Никита Степанович. — Спешим мы. Покорми-ка лучше ребят, да пошустрее.

— Не пуцу за стол, пока не умоетесь, — по-хозяйски распорядилась Наталья.

Она тотчас снабдила каждого из гостей полотенцем и вытолкала во двор к летнему умывальнику.

— Вы тут умывайтесь, а я до Гришки, до шурина, сбегаяю, — тихо сообщил Антону участковый, — только Наталье об операции ни слова, лады? А то сдуру голосить станет.

Опасливо озираясь на дверь веранды, он бесшумно выскользнул за ворота.

Антон снял перепачканный пиджак и, дождавшись своей очереди у умывальника, с удовольствием умылся, чувствуя, как саднят царапины и ссадины на руках.

Когда посвежевшие и наскоро отчищенные от въевшейся в одежду извёстки, бывшие узники вернулись на веранду, Наталья как раз вынесла из кухни чугунок с разомлевшими на пару галушками. Лейтенант застонал и жадно потянул носом.

— А мой-то где? — поинтересовалась Наталья, пристраивая чугунок в середину стола. — Никак, к деверю подался за самогонкой?

Антон неопределённо пожал плечами.

— А мы-то только вчера прилетели с Крыма, — сообщила Наталья, проворно накладывая по обширным мискам дымящиеся галушки и сдабривая их сметаной. — Так-то ещё дня три отдыхать, да извелась я. Хозяйство оставила на невестку, а у той у самой забот полон рот. Думаю, забудет курей покормить или тепличку вовремя не откроет. А тут ещё и Нюрка, хрюшка наша, пороситься вот-вот должна. Так и сорвались раньше времени.

— Стало быть, это вы, тётя Наташа, наша спасительница?! — воскликнула Даша.

— Спасительница?! — насторожилась Наталья. — А ну-ка, гости дорогие, выкладывайте всё, как есть. Чую, не просто так мой Никита в деревню подался.

Антон едва не подавился галушкой и укоризненно посмотрел на Дашу. Но та и не думала сохранять тайну.

— Представляете, тётя Наташа, — таинственным шёпотом проговорила Даша. — Клад нашёлся!

Наталья пошарила вокруг себя и, найдя стул, шумно опустилась на него.

— И кто ж нашёл? — спросила она, обомлело глядя на юную собеседницу.

— Аделаида наша, — сообщила Даша. — Она, оказывается, самая настоящая графиня!

— Да ну?! — всплеснула руками Наталья. — А как же она сундук-то достала? Поди, тяжёлый?

— Там у них целая шайка, — Даша отложила вилку и отодвинула в сторону нетронутые галушки. — Они дедушку моего в заложники взяли.

— Дедушку в заложники!.. Ой, го-осподи... Кто ж, такие? Неужто из наших, из деревенских?

— Кроме Аделаиды, ещё Славка Фролов. И ещё один нехороший парень. Его я даже называть не хочу, — Даша поджала губы и замолчала.

Антон только вздохнул и посмотрел на лейтенанта. Болтухин, казалось, не обращал никакого внимания на разговор, стремительно уничтожая галушки.

По крыльцу затопали, и на веранду вошёл, елеинно улыбаясь, Никита Степанович. Наталья немедленно поднялась и строго посмотрела на мужа. Тот растерянно взглянул на Антона и понял, что секретность операции подчистую раскрыта.

— Мы тут с Гришкой решили по вечерней зорьке на глухаря сходить, — постно сообщил он. — Так я ружьишко возьму?

— На глухаря? — тихо переспросила Наталья и сделала шаг в сторону мужа. — Обещал ведь на рожон-то не лезть. Забыл? Старый глухарь!

Она в сердцах сорвала с себя кухонный передник и принялась охаживать им супруга. Никита Степанович отступил к двери, пока не ткнулся спиной о дверной косяк.

— Натусь, перестань, люди смотрят, — отбиваясь от фартука, пробасил участковый.

— Забыл, как Васька Котов в тебя стрелял? — наседала Наталья.

— Не попал ведь, — отбивался Никита Степанович.

— Не пушу! — топнула ногой Наталья. — Вот пусть Антон Васильевич звонит к себе в отдел и вызывает наряд. А ты дома посидишь. В отпуске как-никак.

— Пока я тут под твоей юбкой буду сидеть, они Ивана Степановича до инфаркта доведут, — строго сказал участковый и отобрал у жены оружие экзекуции. — Как я тогда людям в глаза то посмотрю?

Наталья мельком взглянула на Дашу и неожиданно заплакала. Она быстрым шагом вышла из веранды в дом и также быстро вернулась, неся в одной руке охотничий карабин, в другой — коричневый кожаный патронташ.

— Иди, — коротко сказала она, отдавая Никите Степановичу карабин. — А ты, деточка, здесь останься, — обратилась она к Даше. — С дедушкой всё хорошо будет.

Даша хотела что-то возразить, но Антон поддержал Наталью.

— В самом деле, Даша, тебе лучше остаться здесь, — мягко сказал он. — Нам всем так спокойней будет.

Даша вздохнула и кивнула строго, по-взрослому.

— Пора, — сказал Антон, поднимаясь. — Лейтенант Болтухин, окончить приём пищи.

Лейтенант метнул в рот последнюю галушку и не без труда встал. Не переставая жевать, он промычал что-то благодарственное, и мужчины покинули веранду.

На ступенях, дымя сигареткой, сидел немолодой мужчина. Сверху Антон разглядел лишь его кепку и серый плащ. Над плечом незнакомца торчал ствол охотничьей двустволки. Увидев в дверях троих выходящих, он поднялся, отбросив сигаретный чинарик в дождевую бочку.

— Отпустила? — спросил он хриплым баском, кивая в сторону дома.

Из двери показалась заплаканная Наталья.

— И ты тут? — грозно спросила она, глядя на родственника.

Незнакомец немедленно сорвал с головы кепку и, простодушно улыбаясь, сообщил:

— А мы тут, Наташ, со Степанычем решили до рожицы прогуляться. Тетерев, говорят, жирный пошёл, что твой кабанчик.

— Это, Григорий, шурин мой, — сообщил участковый. — С нами напросился на операцию.

Антон вздохнул, пожимая руку нового знакомого. Брать гражданского на задержание ему не хотелось, но и отказываться от такой помощи было глупо.

Шурин имел лихой вид и, судя по экипировке, собирался не на глухаря, а на медведя. Помимо двуствольной «тулки», он имел при себе грозного вида нож в потёртых ножнах, топорик и армейский бинокль.

— Вот расскажу я твоей Маринке за какими тетеревами-то ты собрался, Гришка, — погрозила с крыльца Наталья.

Не вступая в дальнейшую перепалку, отряд выбрался за ворота и двинулся по пыльной нагретой за день дороге. Первым, закинув карабин на плечо, грузно топал Никита Степанович. Чуть поодаль широко шагал шурин Гришка, за ним Антон. Замыкал колонну сытый и добродушный Болтухин.

— Спасибо мужики, что с собой взяли, — непонятно к кому обращаясь, бодро произнёс шурин. — Жена с тётшей с утра в оборот взяли: жук колорадский одолел. Верите: весь день «раком» на грядке простоял, а никто даже стопочки не поднёс. Я, мужики, от такой работы едва умом не поехал. А тут, Степаныча бог послал. По мне, так лучше под пули, чем от какого-то американского жука унижение принимать.

Шурин был словоохотлив, и за его байками отряд быстро добрался до старых графских угодий. Идти к особняку решили в обход, со стороны пруда, откуда графиня и её свита вряд ли ожидали гостей.

В парке, на удалении от особняка, камер наблюдения не было, и отряд пробирался сквозь кусты и заросли лопухов довольно бодро.

— Этот паршивец Славик, небось, в сторожке чаи гоняет, — предположил Никита Степанович. — Надо бы его первого угомонить.

— Вряд ли, — возразил Антон. — Они торопятся, готовят экспонаты к погрузке. Скорее всего, Славик тоже там, в особняке. Но проверить, явно, не помешает.

Прячась за стволами деревьев, Антон и его спутники подобралась к сторожке. Дверь в охранное помещение на этот раз была плотно закрыта. Рыжий кот мирно спал на ступенях, свернувшись калачиком.

Антон прислушался. Ничего, кроме шуршания листвы. Где-то в глубине парка заухал филин. Пригнувшись и, проскользнув под окном сторожки, Антон пробрался к двери. Кот рыжей молнией метнулся из-под его ног и исчез в зарослях. Антон потянул за дверную ручку. Закрыто. Тогда он встал к краю окна и заглянул в сторожку. Ни души. Экраны мониторов бледно мерцали, а на пустом столе белел лист бумаги.

Нехорошее предчувствие кольнуло Антона в самое сердце. Он рванул дверь на себя, ломая запор, и ворвался внутрь. Бумажный лист с загнутым краем был приколот к столешнице узким сапожным шилом. На листке ровным каллиграфическим почерком было выведено:

Прощайте, господин капитан. Надеюсь больше вас не увидеть. Костик проследил за участковым и стал свидетелем вашего бегства. Остановить на этот раз я вас не успела. Да и зачем? Я уезжаю, и уважаемый Иван Степанович вынужден составить мне компанию. Оставляю вам на память прядь его волос. Если решитесь задержать и обыскать коллекцию, пришлю вам в отдел господина Дольского по частям. Уповаю на ваше милосердие, капитан.

Искренне ваша,

А. Белозерцева, графиня.

В сторожку один за другим ввалились Никита Степанович и лейтенант.

— Что там? — спросил участковый, кивая на листок.

Антон с яростью выдернул шило, застрявшее в столешнице и из-под загнутого уголка высыпались седые волосы Дольского. Антон протянул листок участковому.

Тот, шевеля губами, прочёл письмо. Из-за его спины, вытянув шею, в текст впился Болтухин.

— Вот ведь гадёныш! — воскликнул он. — Поймаю ботаника, нос сломаю.

— Выходит, Ивана Степановича в залог взяли, — вздохнул участковый, возвращая листок Антону.

Антон не ответил, судорожно размышляя, что теперь делать. План внезапной атаки на особняк провалился.

— Вот же он, гнида! — выкрикнул лейтенант, тыча пальцем в один из мониторов.

Все трое уставились на картинку. Камера, расположенная так, чтобы следить за происходящим на площадке перед особняком, показывала две фигуры: Костю и Данилыча. Оба напряжённо смотрели в сторону центральных ворот. Вскоре их интерес объяснился: к особняку подкатил грузовик с длинным синим контейнером на прицепе. Костя немедленно вскинул к голове руку с телефоном и коротко кому-то сообщил о его приезде.

— Графине цинканул, сучонок, — зло сплюнул Болтухин. — Брать его надо за гениталии, кэп, и колоть до чистосердечного.

— Нельзя рисковать, — бросил ему Антон. — Надо понять весь расклад: где графиня, где Славик? У этих двух персонажей стволы и Дольский в заложниках. Костика наверняка оставили для надзора. Только сунемся, он тут же звякнет графине.

— А мы соваться и не будем, — сказал, задумчиво морща лоб, Никита Степанович. — Пошлём Гришку. Костя Гришку не знает и ничего не заподозрит.

— А он справится?

— Кто, Гришка?! — усмехнулся участковый. — У нас прошлой зимой у соседки бык трёхлеток взбесился. Разнёс подчистую хлев и давай по деревне народ гонять. Гришка его кулаком между глаз так приложил, что бык на бок и рухнул. Ей-богу, не вру. С тех пор, как Гришку увидит, с испугу под себя ходит.

— Хорошо, пусть будет Гришка, — подумав, сказал Антон. — Только объясни шурина, Никита Степанович, что парень нужен нам живым и немного здоровым. И ещё: спешить мы не будем, — обратился он к обоим напарникам. — Пусть контейнер благополучно покинет имение.

— Кэп, а как же цацки, камешки? — простонал лейтенант. — Неужели, опять профукаем?

— Никуда цацки не денутся, — успокоил Антон. — Нам надо прежде всего узнать, где они держат Дольского. Пока он у них, мы к сокровищам и близко не подойдём.

Контейнер проворно грузили присланные министерством дюжие мужики в синих комбинезонах. Костик то и дело нервно шарил глазами по окрестным кустам в ожидании нападения и держал наготове телефон. Каждые пять минут он вскидывал руку к голове и коротко докладывал графине о ходе погрузки.

Наконец, все ящики оказались внутри контейнера. Костик подписал накладную на груз и протянул её шофёру грузовика. Через минуту грузовик, осквернив воздух чёрным выхлопом, развернулся и покатило прочь от особняка.

— Пора, — решил Антон, последний раз взглянув на монитор, где на экране маячила фигура Кости Тагарина. Его лицо, увеличенное зумом, казалось смертельно бледным.

— Постарайся всё сделать так, чтобы он не успел включить телефон, — настоятельно напомнил Антон. — По лицу не бей. Он должен быть как огурчик.

— Будь покоен, начальник, — заверил Гришка. — Упакую пацана в лучшем виде. Не успеет и маму вспомнить.

После краткой инструкции отряд направился, сторонясь главной аллеи, прямо к особняку. Прячась за густым кустарником все четверо подобрались к площадке перед зданием незамеченными. Во всяком случае, Данилыч, прохаживающийся по площадке и вяло взмахивающий метлой, не выказал никаких признаков беспокойства. Кости поблизости видно не было. Должно быть, он обретался где-то в особняке.

— Вперёд! — скомандовал Антон и ткнул Гришку в спину. Тот встал из-за кустов и, не скрывая своего присутствия, вразвалочку зашагал к особняку.

— Привет труженикам метлы, — поприветствовал он Данилыча, поднимая над головой кепку.

— Ты чего, Григорий, никак заблудился? — с беспокойством спросил Данилыч,

озираясь на двери особняка.

— Ивана Степановича ищу, — широко улыбаясь и подходя ближе, сообщил Гришка. — Дельце у меня к нему, Данилыч, вполне историческое.

— Нету его, — с ещё большим беспокойством бросил ему садовник, отступая к особняку. — Шёл бы ты, Гришка, подобру-поздорову.

В этот момент из двери особняка появился Костик с огромной дорожной сумкой на плече. Увидев незнакомца с ружьём, мирно беседующего с Данилычем, Костик мгновенно выхватил телефон.

— Может быть, вы мне поможете, молодой человек? — с радушной улыбкой крикнул Григорий. — Нашёл на охоте монету старинную, а разобрать не могу, то ли алтын, то ли полушка. Хотел Ивану Степановичу показать, да говорят, нет его. Может, поглядите?

Григорий и в самом деле вытащил из кармана какой-то кругляш. Костик нервно покрутил в руке телефон, но звонить, видимо, передумал. Улыбчивый охотник явно не вызвал у него никаких подозрений.

— Я не специалист, — пожал плечом Костик и убрал телефон. — Может, лучше вам дождаться Ивана Степановича?

— А он когда будет?

— Не будет его сегодня, — буркнул Данилыч. — Иди, Гришка, своей дорогой.

— Унылый ты человек, Данилыч, — попенял ему Гришка, — мне, можно сказать, удача улыбнулась, а ты меня со двора гонишь. Я монетку-то хотел в скупку снести, да прогадать боюсь. Думал показать знающим людям, а тут, гляжу, одни шаромыжники.

— Ладно, давайте, я посмотрю, — шагнул к нему Костя, поддёрнув на плече дорожную сумку.

— Спасибо, молодой человек, — обрадовался Гришка, протягивая ему руку. — Вы очень любезны. Не то, что этот битюг с метёлкой.

Как только Костик склонился над ладонью охотника, глаза его немедленно округлились.

— Так это же... — вскрикнул он, увидев пивную пробку. Рука Костика тотчас метнулась за телефоном.

Приклад ружья, висящего на плече Гришки, описал короткую дугу и ударил парня в солнечное сплетение. Костик, охнув и широко раскрыв рот, упал на колени. Телефон выскользнул из его руки и тотчас оказался в проворной пятерне Гришки.

Данилыч застыл, часто моргая глазами и, прижав метлу к тощей груди, словно единственное сокровище. Из засады, с треском ломая кусты, выбежали трое представителей закона.

— Чего застыл! — рявкнул на Данилыча Никита Степанович. — Беги за верёвкой, приятеля твоего вязать будем.

— Нашёл мне приятеля, — зло отозвался садовник и, нашарив в обширном кармане фартука бечеву, протянул участковому. — Век бы с такими не знался, да как ослушаешься, когда Степаныч с внучкой у них взаперти кукуют?

— С Дашуткой всё в порядке, — сообщил участковый, деловито заламывая руки Костика и обматывая их бечёвкой.

Костик хватал открытым ртом воздух и никакого сопротивления не оказывал.

— Куда так спешили, Константин? — спросил Антон, дождавшись, когда связанного парня усадят перед ним на газон.

— Такси он вызвал в аэропорт, — ответил за него дворник. — Они решили с графиней за границу свалить. И, видать, не пустые. Шушукались всё про бриллианты да про золотишко.

Поняв, в какую сторону качнулась чаша весов, Данилыч мгновенно перешёл на сторону правопорядка и стал словоохотлив.

— С графиней, говоришь? — переспросил Антон. — А Славка что ж?

— Про этого беса не слыхал, чтоб они его с собой взять хотели, — замотал головой Данилыч. — Да и на кой им этот лапоть во Франции? Ему, я слышал, приказали Ивана Степаныча сторожить.

— Ивана Степаныча?!

— Ну да, — бодро отозвался Данилыч. — Славик его увёз куда-то с полчаса назад.

— Увёз? Куда?

— А пёс его знает, — пожал плечами садовник. — Он мне не доложил.

Антон снова обратился к бледному от страха и потрясения Костику:

— У вас, гражданин Тагарин, есть весьма скудный выбор: либо вы немедленно сообщаете, куда увезли Дольского и тогда можно будет рассчитывать на гуманность правосудия, либо огребёте, сударь, по полной программе.

— Кэп, позвольте я поговорю с этим гнусом о гуманности правосудия, — влез в разговор Болтухин.

Он недобро посмотрел на бледного, как лондонский туман, Костика, поигрывая кулаками и, наверняка, сожалея о том, что у него отобрали его верный кастет.

— Я т-требую адвоката, — проямлил Костик.

— Послушайте, Константин, — произнёс Антон, теряя терпение. — Если будете кобениться и вспоминать о своих правах, я передам вас под юрисдикцию лейтенанта, а он немного иначе трактует букву закона.

Болтухин плотоядно улыбнулся.

— Хорошо, я всё скажу, — тихо проговорил Костик, стараясь не смотреть в сторону лейтенанта. — Это всё графиня. Это она придумала, как вывезти клад во Францию. Она убила Ваську Кота...

— Про это потом, — перебил его Антон. — Куда Славка увёз Ивана Степановича?

— Не знаю, правда, не знаю, — затряс головой Костик. — Я только слышал, что она велела отрезать ему палец, если вы попытаетесь помешать погрузке.

— Вот ведь каналья, — сокрушённо пробасил участковый. — Это ж, кем надо быть, чтобы такое удумать?! Хорошо ещё, что эта мегера не знает, что мы Костика задержали.

— Знает, — тихо произнёс Костик. — Я трансляцию на телефоне не выключал.

— Что?! — вскрикнул Антон и выхватил телефон из руки Гришки. Экран гаджета и в самом деле тревожно мерцал.

Антон с упавшим сердцем поднёс телефон к уху.

— Вы меня разочаровали, господин капитан, — раздался раздражённый голос графини. — Выходит, милосердие не является вашей добродетелью. Что ж, через полчаса вы получите видео, где господина Дольского лишают мизинца. А сам пальчик я велю отправить по адресу вашего отдела с соответствующими комментариями.

— Не усугубляйте свою статью, Аделаида Сергеевна! — крикнул в трубку Антон. — За подобное зверство в совокупности с убийством присяжные влепят вам четверной. Одумайтесь!

Однако, последние слова Антона ушли в пустоту. Графиня не стала слушать и отключилась.

— Что будем делать, кэп? — озабоченно спросил Болтухин, который слышал весь разговор. — Эта крыса не остановится, пока не нарежет старика на ремни.

— Резать будет не она, а Славик, — ответил Антон, пряча телефон Костика в карман. — Надо найти этого обормота, пока он серьёзных глупостей не наделал.

— Ищи ветра в поле, — зло сплюнул лейтенант. — Зашухарился где-нибудь и сидит, как клещ.

— Он отсюда не пешком ушёл, — задумчиво сказал участковый. — Надо бы пробить его тачку и номера.

— А чего её пробивать? — подал голос Гришка. — Славка эту тачку неделю назад у Володьки Никифорова купил по доверенности. Номера на ней не меняли. Володька на радостях потом три дня керосинил.

Через минуту номер и марка машины были выявлены. Антон снова достал телефон и набрал номер дежурного по отделу.

— Ваня Журавлёв, ты?! — Крикнул он в трубку. — Кречетов беспокоит. Ваня, срочно: выяснить, когда и в каком направлении в окрестностях Богородицка проследовал автомобиль Лада-Приора. Цвет «мокрый асфальт». Номер Х310УМ. Регион наш, 71-й. Да Ваня, это срочно! И ещё: машину не останавливать. В ней вооружённый пистолетом преступник с заложником. Нет! Я же, сказал: никаких задержаний! Да, и ещё: пробей не было ли за последний час транзакций с карты на имя Вячеслава Фролова. Что значит «выходной и никого нет», Ваня?! Поднимай всех! Ваня, у нас заложник, и сейчас именно от тебя зависит, не превратится ли он в труп. Всё, я на связи по этому номеру.

Как только Антон закончил разговор, к особняку, шурша по брусчатке, подкатило такси. Машина остановилась напротив живописной компании, и молодой таксист в пижонской фирменной кепке высунул из окна голову и осведомился:

— Такси в аэропорт кто заказывал?

— Тот, кто заказывал, уже не едет, — ответил за всех Антон. — А вот нам машина нужна позарез. На правах представителя власти я реквизирую транспортное средство, о чём можете сообщить диспетчеру.

— Представитель власти? — спросил таксист, недоверчиво разглядывая помятый и перепачканный пиджак Антона. — Документик будьте добры!

Антон привычным жестом кинул руку к карману и замер, вспомнив, что у них с лейтенантом нет теперь ни оружия, ни удостоверений.

— Всё в порядке, Антон Васильевич, — участковый подошёл к таксисту и сунул ему под нос свою ксиву.

— А мне всё равно, кто вы такие. Машину не отдам, — твёрдо заявил таксист. — Поцарапаете или разобьёте, а мне за свой счёт потом восстанавливать.

— А если не бесплатно? — спросил Болтухин. — Плачу три счётчика с кушем.

Таксист с сомнением посмотрел на стоявшего рядом с машиной оборванца. Болтухин эффектным жестом вынул из кармана упругую стопку купюр и помахал ей перед носом таксиста. Хруст купюр мгновенно превратил таксиста в законопослушного гражданина.

— Ладно, садитесь, только салон не испачкайте, — сказал он со вздохом. — И про три счётчика не забудьте. А машину я сам поведу.

— Откуда дровишки, лейтенант? — спросил Антон подозрительно.

— Экспроприировал у гражданина Тагарина, пока вы, кэп, перетирали с графией.

— Никита Степанович, оформите задержание как положено и отправьте в КПЗ — обратился Антон к участковому.

Никита Степанович кивнул и внушительно зыркнул на задержанного.

— А я, гражданин начальник? — напомнил о себе Гришка. У него был растерянный и обиженный вид сеттера, которого раздражили зайцем и не взяли на кабана.

— Григорий, спасибо, что помогли, но я не имею права брать гражданского на задержание вооружённого преступника, — вежливо объяснил Антон.

— Кэп, а мы что с голым задом на ствол полезем? — возмутился Болтухин. — Я бы не хотел, чтобы нас награждали потом посмертно.

— Гришка не подведёт, — вступился за родственника участковый. — Да и стрелок он отменный — даже с похмелья в яблочко бьёт.

— Ладно, — сдался Антон. — Едем втроём. Только, Григорий, уговор: если что-то пойдёт не так, мы друг друга не знаем. Не хватало мне и вас под статью подставить.

Григорий озарился счастливейшей улыбкой и полез, подбирая плащ, на заднее сиденье такси. В этот момент тренькнул конфискованный телефон.

— Васильич, ты? — осведомился голос дежурного. — Указанная тобой машина зафиксирована при пересечении Иевлевского и Шоссейного проездов в 16.23. В 16.38 с карты на имя Вячеслава Фролова произошла транзакция. Кассовый аппарат, принявший оплату, зарегистрирован в минимаркете посёлка «Отдых». Распечатку чека я тебе выслал. Кстати, на банковский счёт, привязанный к этой карте, недавно зачислено шесть лимонов.

Антон поблагодарил дежурного и посмотрел на часы. 17.10.

— Посёлок «Отдых» знаешь? — спросил таксиста Антон.

— А то, — самодовольно хмыкнул тот. — Раз пять туда шалав привозил.

— У вас и такие услуги имеются? — наострил уши лейтенант. — И почему нынче разврат?

— Про разврат потом, — бросил ему Антон. — Живо в машину!

Антон плюхнулся на переднее сиденье, и машина тотчас понеслась прочь от особняка, оставив на лужайке связанного несчастного Костика, участкового, замершего с карабином наперевес и Данилыча, как ни в чём ни бывало, раскурившего сигаретку.

Таксист оказался мастером своего дела и, без умолку болтая с лейтенантом о тайнах и расценках ночной любви, гнал машину на предельной скорости, с лёгкостью обгоняя попутный транспорт. Через четверть часа этой безумной гонки преследователи прибыли на окраину «Отдыха». Это был типичный дачный посёлок, образованный двумя параллельными улицами с сотней неказистых домишек, среди которых лишь изредка попадались коттеджи в два этажа.

— Ну, и как мы найдём здесь Славика? — спросил лейтенант, рассматривая бесконечную череду заборов.

— Просто поедем по улице, — решил Антон. — Такси в посёлке подозрений не вызовет.

Так и сделали. Медленно, точно разыскивая нужный адрес, такси покатило вдоль первой улицы, но это не принесло никаких успехов. Вдоль заборов стояло с дюжину оставленных дачниками машин, но нужной среди них не было. Антона посетила тревожная мысль: «А что если, он ошибся? Что если, Славик завернул в местный маркет по дороге и теперь несётся где-нибудь по просёлку неизвестно куда? Или, того хуже: спрятал машину, затаился и уже готов выполнить гнусный приказ графини». Антон поёжился, представляя себе, как Славик достаёт нож, похожий на тесак, и велит насмерть перепуганному Ивану Степановичу положить руку на стол...

— Вот его тачка, кэп! — вскрикнул лейтенант, когда такси миновало очередное подворье.

И в самом деле, сквозь неплотный частокол промелькнула Лада-Приора цвета «мокрый асфальт». Машина стояла за воротами перед аккуратным домиком, и преследователи заметили её просто чудом.

— Не останавливайся, — приказал таксисту Антон. — Отъедем подальше.

Мрачные картины, порождённые в его голове, немедленно испарились. Теперь Антон Кречетов снова превратился в охотника. А хищник, опасный двуногий хищник, теперь никуда от него не денется. Плохо было лишь то, что у этого двуногого хищника был в руках заложник и его, Антона, табельный ствол.

Завернув в ближний проезд, машина остановилась.

— Что будем делать, кэп? — возбуждённо спросил Болтухин. — Наши физиономии Славик издаleка срисует.

— Что тут спорить? — подал голос Гришка. — Опять я пойду.

— Славка Фролов — не пацан, его на пивную пробку не купишь. Да и тебя он, наверняка, знает. — Возразил Антон.

— Это верно, — вздохнул Гришка. — Я его ещё в детстве мутузил. Шкодливым он был, Славка этот. Но вот чтобы он палец человеку отрезал... — Гришка сомнительно покачал головой.

— Получается так, что идти надо мне, — веско сказал шофёр. — Меня-то он точно не заподозрит. Сошлюсь на то, что адресок перепутал.

Антон испытующе посмотрел на шофёра и кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Твоя задача проста: пошуми возле ворот и постарайся, чтобы хозяин вышел из дома. Дальше наша забота.

— Добро пожаловать в банду, — радостно заявил Болтухин, хлопая по плечу таксиста.

Теперь, когда с приманкой вопрос сам собой разрешился, надо было тщательно продумать детали. И тут таксист снова проявил себя, предложив рассмотреть усадьбу по навигатору. Маленький экран гаджета дал чёткую картинку местности, показывая прямоугольники строений, проезды между домами и заборы. Решено было так: Антон и лейтенант должны были зайти к домику со стороны огорода. Григорий, прячась за сараем, занимал идеальную позицию для стрельбы. В зону его огня попадал весь двор, дверь крохотной террасы и два окна. Стрелять ему было велено только в самой аховой ситуации. Да и то, для остротки.

Проинструктивровав свой пёстрый отряд ещё раз, Антон дал отмашку к началу операции. По плану на занятие исходных позиций отводилось ровно десять минут, после чего в дело должна была вступить машина такси. Пробираться к нужному огороду пришлось задворками, перелезая через чужие заборы. Не обошлось и без небоевых потерь: лейтенант, спрыгивая с забора, угодил ногой на оставленные на грядке грабли и был отправлен имив недолгий нокаут. Затеяливо матерясь, он вскоре нагнал бегущего впереди Антона, прикрывая рукой ссадину на лбу.

Наконец, позиции были заняты, и Антон услышал клаксон такси.

— Эй, хозяйева, — громко выкрикнул таксист. — Это, часом не Виноградная, 6?

С минуту никакого движения в домике не происходило. Клаксон загудел снова.

Из окошка высунулась голова Славки и недружелюбно осведомилась:

— Чего шумишь, по рогам захотел?

— Виноградная, 6? — снова крикнул таксист, убедительно играя заблудившегося водилу. — Полчаса по вашему грёбаному посёлку кружу. Хоть бы табличку с улицей прилепили.

— Здесь, Лесная, а не Виноградная, — зло огрызнулся Славик. — Мотай, пока я тебе ноги не вырвал.

— Эй, ты как с людьми разговариваешь, чмо болотное? — притворно обиделся таксист, выходя из машины. — Давно тебе рыло не чистили?

— Это ты мне рыло собрался чистить, глиста в кепке? — вспыхнул задетый за ретивое Славик.

Его голова немедленно исчезла из окна и вскоре он выскочил из домика, с шумом распахнув дверь. В руке Славик сжимал чёрную полицейскую дубинку и грозным шагом направился в сторону таксиста. Из-за углов домика метнулись две быстрые тени: Антон и лейтенант. Славик успел лишь обернуться и удивлённо приоткрыть рот. Антон молниеносно перехватил руку с дубинкой и вывернул её с такой силой, что Славик дико выкрикнул и упал на колени. Болтухин выкрутил Славике вторую руку и принялся вязать запястья загодя припасённой бечёвкой.

— Где Дольский? — коротко спросил его Антон, поднимая за шиворот очумевшего от боли и неожиданности Славика.

— В погребке, — одними губами прошептал тот. — Графиня приказала палец ему отрезать, а я не смог.

Григорий, видя, что операция по задержанию закончена, вышел из-за сарая, опустив ружьё.

— Ловко вы его спеленали, — похвалил он. — Сразу видать ментовскую хватку.

В этот момент раздался сухой пистолетный выстрел, и пуля зло прошипела в дюйме от

головы Антона. Все на мгновение замерли, и в тишине со стороны домика раздался женский визгливый голос:

— Отпустите Славку, суки позорные! Всех завалю, паскуды!

Антон медленно повернул голову. Возле крыльца, расставив красивые босые ноги и держа пистолет в напряжённо вытянутых руках, стояла Верка Кондратьева. Она была в распахнутом розовом пеньюаре и походила на рассерженную Валькирию. Рыжие пряди её волос тяжёлой волной струились на плечи.

— Брось ружьё, Гришка! — выкрикнула она, направляя ствол пистолета на остолбеневшего охотника.

— Гражданка Кондратьева, не усугубляйте положения, — громко сказал Антон, стараясь не терять самообладания. — Отдайте пистолет, и мы будем считать произведённый выстрел неосторожным обращением с оружием.

— Замолчи, мусор! — взвизгнула Верка. — Хотели пожить со Славкой по-людски. Так нет, и сюда припёрлись, законники хреновы! А ну-ка, развязывайте его! Живо!

В этот момент снова ожил клаксон такси, и Верка на мгновение обернулась на этот звук. Мгновения оказалось достаточно, чтобы лейтенант по-кошачьи метнулся ей в ноги и рывком сшиб на землю. Верка вскрикнула и, падая, успела выстрелить, но пуля ушла в лазурное июньское небо. Лейтенант подмял злобно ругающуюся фурию и ловко отобрал пистолет.

Обезоруженная Верка какое-то время пыталась лягнуть лейтенанта, суча голыми загорелыми ногами. Но Болтухин, не обращая на эти попытки никакого внимания, ловко перевернул задержанную и заломил ей за спину руки.

— Пусти, падла ментовская! — взвыла Верка, уткнувшись лицом в траву.

— Молодец, лейтенант, — похвалил его Антон. — Всё-таки, чему-то тебя в школе полиции научили.

— Просто меня здорово возбуждают дамочки с пистолетами, кэп, — отозвался тот.

Подбежавший Гришка помог связать притихшую Верку. Антон охлопал карманы поверженного Славки и обнаружил то, что искал: две присвоенных охранником ксивы и трофейный болтухинский кастет. Обоих задержанных отвели в домик, где было прохладно и изрядно накурено. Крохотная гостиная была заставлена чемоданами, коробками, свёртками. По всему было видно, что новые хозяева даже не успели распаковаться.

— Дачку приобрели, чтобы отсидеться, пока всё уляжется? — спросил Антон, но ему никто не ответил. — Где погреб?

Славка кивнул в сторону, где виднелся проход в чулан. Там, посреди пола, имелся массивный люк с почерневшей ручкой.

— Сбоку выключатель, — пробубнил Славка.

Антон включил свет и приподнял крышку.

— Иван Степанович! — позвал он, но в ответ услышал лишь слабый стон.

Осторожно ступая по шатким ступеням, Антон опустился в сырой захламленный погреб и сразу же увидел Ивана Степановича, понуро сидящего на пустых деревянных ящиках. Руки Дольского были схвачены пластиковыми стяжками, а изо рта торчал уголок носового платка. Антон немедленно вырвал кляп, и Дольский шумно и нервно дыша, вымолвил едва подвластным ему языком:

— Даша? Дашута моя где?

— С вашей внучкой всё в полном порядке, — заверил его Антон. — Давайте, попробуем

выбраться отсюда.

Антон помог еле держащемуся на ногах Дольскому преодолеть несколько ступеней лестницы. Сверху Ивана Степановича подхватили за плечи сильные руки и буквально вытащили из люка наверх.

В этот момент затренькал телефон, лежащий на пыльном, заваленном окурками столе.

— Это графиня, — бесцветным голосом сообщил Славка.

— Возьми телефон, — велел Антон.

— А если нет?! — нервно усмехнулся Славка. — Я в её дела не хочу путаться. И убийство вы на меня не повесите. Максимум, хулиганка.

— Боюсь, гражданин Фролов, вы неверно токуете ситуацию, — холодно ответил ему Антон. — Участие в преступной группе, сокрытие незаконно присвоенных ценностей в особо крупных размерах, нападение на полицейских с нанесением непоправимых последствий для здоровья...

— Не пыли, капитан, — возразил Славка. — Кому это я нанёс непоправимые последствия?

— Кому?! — возмутился лейтенант. — Ты, гнида, когда по куполу мне треснул, у меня все нервные центры поотключались. Я теперь, может, на всю жизнь импотентом сделаюсь!

Болтухин, вооружённый отобранной у Славки дубинкой, выглядел довольно свирепо. Даже скелет на его растерзанной футболке сжимал, казалось теперь, не саксофон, а длинную кривую секиру.

— Да почуяла я твой нервный центр, когда ты меня на траву-то повалил. Всё с ним в порядке, — процедила Верка.

— И потом, Вячеслав, подумайте о вашей возлюбленной, — продолжил Антон, игнорируя реплику арестантки. — Ей тоже срок нарисуем. Покушение на жизнь полицейского лет на восемь потянет.

Телефон смолк, а Славка, кусая губы, зло бросил Антону:

— Верку не трогайте. Всё, что вам нужно, я сделаю, но её из-под статьи, капитан, вытащи.

— Слово офицера, — коротко пообещал Антон и протянул смолкший телефон Славке.

— Что говорить?

— Скажи правду, что струсил, что не хочешь вешать себе статью. Поторгуйся, попроси больше денег. Она ведь предложила тебе денег за отрезанный палец?

Славка угрюмо кивнул и взял телефон.

— А как насчёт пальца? — спросил Славка с новым беспокойством. — Графиня потребует от меня видео.

— Не тушуйся, Славик, кино мы снимем как в Голливуде, — пообещал Болтухин. — Надеюсь, интернет в этой глухомани работает?

Антон нашёл пропущенный звонок и перезвонил. В трубке сразу же послышался надменный голос:

— Почему не отвечал сразу?

— Степаныча в погреб прятал, — довольно убедительно соврал Славка.

— Мне нужно, чтобы ты сделал, что я просила и немедленно.

— Но я не смогу одновременно резать и снимать, — торопливо возразил Славка. — Старик будет сопротивляться.

— Тогда пусть снимает твоя Верка, — жёстко произнёс голос.

— За просто так она не станет. Надо бы добавить, Аделаида Сергеевна.

— Добавлю! — зло выкрикнула трубка. — Только сделайте всё побыстрее. Мне нужно остановить этого малахольного капитана. Я его начальство хорошо подмазала — они нам мешать не будут, а его самого и щенка этого питерского припугнуть надо, как следует. Как только контейнер с экспозицией будет во Франции, вышлю ещё пять лимонов, как договаривались.

— Пять?! — изобразил возмущение Славка. — Мы договаривались на пять, когда всё шло гладко. А теперь всё вон как переменялось...

— Хорошо, — перебила его графиня. — Пусть будет семь. Только сделай всё побыстрее. Жду видео.

Графиня отключилась, и Антон одобрительно кивнул Славке.

— А теперь — за дело, — сказал Антон и обратился к едва пришедшему в себя Дольскому:

— Вам, Иван Степанович, снова надо будет побыть в роли жертвы.

— Я готов, — кивнул седой шевелюрой Дольский. — Что, собственно, нужно делать?

— Всё очень просто, Иван Степанович. Кладите руку на стол. Будем снимать кино. Вот этот нехороший человек будет делать вид, что режет вам палец, а вы должны как можно натуральнее сопротивляться, стонать, кричать от боли... Сумеете?

— Я, голубчик, на сцене смолоду играл, так что не беспокойтесь, — заверил Иван Степанович и покачал головой, укоризненно глядя на Славку. — Неужели ж, ты старика бы не пожалел ради своих сребреников?

Славка не ответил, низко опустив голову.

Для предстоящей репетиции Антон развязал несостоявшегося злодея, напомнив ему о пользе примерного поведения.

Пробная съёмка прошла успешно: маленькая гостиная оглашалась вполне натуральными ругательствами и стоном.

Тем временем, вооружённый телефоном Кости Тагарина лейтенант отправился блуждать в дебрях всемирной паутины. Интернет в «глухомани» работал отменно и, пока шла репетиция, Болтухин скачал дюжину жутких кровавых сцен с отсечением пальцев.

— Готово, — возвестил он, довольный своим уловом. — У ботаника реально прокачанная труба. Здесь такая чумовая «прога» стоит, что можно хоть сейчас клип смонтировать.

— У нас тоже готово, — сказал Антон. — Остаётся слепить из двух кусков что-то убедительное.

Пока лейтенант увлечённо возился с монтажом, Славку снова разжаловали в арестанты, накрепко связав руки. Наконец, видео было смонтировано.

— Хичкок удавится от зависти, — самодовольно заявил Болтухин, придирчиво просматривая жуткие кадры.

Видео немедленно отправили графине, и на телефон Антона вскоре пришёл репост. Графиня помедлила, давая возможность оценить весь ужас заснятого и только тогда позвонила. Антон взял телефон.

— С-сука! — не удержался он. — Прикажи своему холую прекратить пытки немедленно!

— Только после того, как ты, капитан, дашь слово не препятствовать вылету экспозиции, — зло усмехнулась в трубку графиня. — Иначе это кино немедленно полетит на

сайт МВД. А будешь упрямитесь, капитан, дражайшему Ивану Степановичу придётся расстаться с ухом.

— Я понял, — после недолгой паузы произнёс Антон. — Летите к чертям собачьим. Старика больше не трожь!

— Вот и договорились, капитан, — миролюбиво проговорила графиня. В её голосе читалось немыслимое облегчение.

Телефон умолк, и в комнате повисло молчание.

— Как же это, Антон Васильевич, — тихо и с укоризной спросил Дольский. — Неужели вы сдержите слово? Неужели сокровища Бобрищевых покинут Россию?!

Антон промолчал, зато за него безмятежно ответил Болтухин:

— С меня, между прочим, слова никто не брал. И я верну вам, grosфатер, в товарном виде и цапки и вашу мымру. Командование операцией переходит к младшему по званию. Свистать всех на верх! Задрать трюмы! «Чёрная каракатица» идёт на абордаж!

Лейтенант был в ударе, и Антон махнул рукой: делай как знаешь. Болтухин немедленно стал командовать, размахивая полицейской дубинкой, как маршалским жезлом.

— Марш, марш! — крикнул он арестованным, выгоняя их из домика на лужайку. — Григорий, останетесь с ними. При попытке мятежа стреляйте по ягодицам. Вам, grosфатер, тоже придётся остаться, — деловито обратился он к Дольскому. — Скоро прилетят архангелы из ближайшего отделения полиции, и вам нужно будет рассказать для протокола про спасённые уши.

Пока лейтенант командовал и балагурил, Антон позвонил Никите Степановичу и коротко передал ему суть событий.

— Позвоните в отдел, — попросил он участкового, — пусть пришлют наряд из Богородицка в дачный посёлок «Отдых». — Антон продиктовал узнанный у Славки адрес. — Оформите как хулиганку. В Тулу ни в коем случае не сообщать. У графини есть уши в областном ОВД. Нельзя, чтобы она узнала об аресте Славки. Перепрячет ценности, веи потом не найдём. С арестованными оставляем Гришку. Заодно, пусть его и Ивана Степановича ребята домой отвезут. А мы с лейтенантом едем в аэропорт. Надо перехватить графиню, пока она вместе с кладом не упорхнула.

Шофёр мирно дремал, надвинув на глаза кепку и скрестив на груди руки. Услышав скрипнувшую калитку, он мгновенно пробудился и вернул кепку в исходное положение.

— Обошлось без жертв? — зевнув, поинтересовался он.

— Операция завершена, — заверил Антон, открывая заднюю дверцу. — Вам, кстати, объявляю благодарность от имени органов правопорядка.

— Куда я вашу благодарность повешу? — проворчал таксист. — На грудь, вместо ордена? Мне бы лучше, красненькую за перенесённый стресс. Вместе с вами, считай, под пули слазил.

— Не пузырься, шеф, будет тебе и красненькая, и девочки, и крем-брюле, — пообещал Болтухин, плюхаясь на сиденье рядом с шофёром.

Он достал из кармана пачку реквизированных купюр и, выбрав пятитысячную, шлёпнул её на плечо таксисту на манер карточного погона.

— Вот это предметный разговор, — мгновенно повеселел таксист, пряча купюру с виртуозностью иллюзиониста. — Куда едем?

— Не едем, а летим, шеф, — поправил его Болтухин. — Нам надо быть не позднее семи в аэропорту Шереметьево.

Таксист вопросительно посмотрел на Антона и тот кивнул.

— Через три часа?! — переспросил таксист и сомнительно покачал головой.

— За скорость оплата сдельная, — Болтухин извлёк из пачки ещё одну пятитысячную купюру и выразительно похрустел ею перед носом таксиста. — И вообще, шеф, бензин ваш — идеи наши. Надеюсь, вы помните эту почтенную максимуму из классики жанра? Так что вперёд к сияющим вершинам Фудзи! Эх, жаль, что нет при нас чёрной материи! Я бы поднял над нашим авто знамя восставших сипаев...

— Так куда ехать? — переспросил шофёр. — В Шереметьево или к Фудзи?

— Сначала в Шереметьево, — вздохнул Антон, и машина немедленно понеслась по остывающей после дневного зноя поселковой дороге.

Шофёр, памятуя о призе, казалось, действительно летел над шоссе. Мелькающие за окном подмосковные пейзажи и японская поэзия в исполнении лейтенанта укачали Антона, и он задремал, окунувшись в омут коротких и запутанных сновидений. Ему снилась графиня в белом саване и с гарпуном, россыпь бриллиантов и изумрудов, сверкнувших и тут же исчезнувших в высокой траве, а ещё кукла с большими голубыми глазами. Когда кукла моргнула и засмеялась дьявольским, потусторонним смехом, Антон проснулся и посмотрел на часы. Судя по времени, они должны были подъезжать к аэропорту, но это было не так. Машина едва плелась в плотной тягучей пробке.

— Где мы? — спросил Антон с нарастающим беспокойством.

— На МКАДе, будь он неладен, — бросил шофёр, зорко выискивая просвет в соседнем ряду.

— На МКАДе?!

Это была явная катастрофа. До вылета грузового борта оставалось не больше часа. Если контейнер с экспозицией вылетит, вернуть его будет крайне проблематично. На слово диспетчер не поверит, а железных доказательств как не было, так и нет.

Антон достал телефон. Через минуту он уже знал номер отдела безопасности аэропорта. Лейтенант перестал мычать трёхстишья Басё и встревоженно посмотрел на напарника. Антон сделал ему знак, чтобы тот не лез с расспросами и набрал нужный номер.

— Говорит капитан Кречетов, убийный отдел тульского ОВД, — строго и спокойно сказал он. — Я располагаю информацией о готовящемся теракте. Взрывное устройство находится в грузовом контейнере с музейной экспозицией. Да, я понимаю степень ответственности. Оперативная информация поступила только что. Необходимо досмотреть содержимое контейнера. Я понимаю, что вы его уже осмотрели и просканировали. Придётся сделать это ещё раз. Взрывное устройство упаковано в специальный кейс, спрятанный в старинные каминные часы. Ни собаки, ни сканеры его не найдут. И ещё, необходимо задержать гражданку Белозерцеву Аделаиду Сергеевну, сопровождающую экспозицию. Она обвиняется в умышленном убийстве и именно она должна привести бомбу в действие, когда самолёт с контейнером будет в воздухе. Я с коллегой из Интерпола уже в дороге. Поторопитесь, счёт идёт на минуты.

Антон отключился и перевёл дух.

— Круто, кэп! — восторженно воскликнул Болтухин. — Даже я поверил про бомбу. А коллега из Интерпола — это, конечно, я? Польщён. В следующий раз представьте меня сотрудником ЦРУ.

Наконец, машина покинула злополучное кольцо МКАДа, и шоссе впереди засияло стальной лентой асфальта. Редкие попутные машины повеселевший таксист обгонял со скоростью метеора. Не прошло и четверти часа, как вдалеке замаячили приземистые машины терминалов аэропорта. Ещё немного — и стали различимы изящные строгие силуэты воздушных лайнеров. Антон почувствовал, как отчётливее и чаще забилось сердце. Неужели, всё?! Столько дней, столько неудач позади, столько тревог и волнений. А что, если и сейчас графиня приготовила какую-то невероятную каверзу? Антон не успел развить эту мысль. Такси стремительно вырулило на переполненную парковку и резко остановилось на только что освободившемся месте.

В этот момент неожиданно зазвонил телефон. Антон посмотрел на входящий номер. Звонила графиня. Значит, она не арестована. Значит, что-то пошло не так.

— Слушаю, — сказал Антон в трубку, стараясь унять дрожь в голосе.

— Удивлен, капитан? — Послышался знакомый надменный голос. — Мне казалось, ты немного умнее. Впрочем, чего ждать от нашей полиции?! Я позвонила Вячеславу ещё раз после того, как он скинул мне видео. Он не ответил, и я быстро сообразила, в чём дело. Тогда, я позвонила твоему начальству, капитан. Оно было крайне недовольно твоим самоуправством.

— Вот как?! И что же? — спросил Антон с горькой усмешкой. — Меня разжалуют в лейтенанты?

— Тебя арестуют, капитан, как только ты появишься в пределах аэропорта, — бросила графиня. — И за выдуманную тобой бомбу придётся крепко ответить. Всё, капитан, прощай. Скоро объявят парижский рейс.

Графиня отбилась, а Антон всё ещё держал в руке немой телефон.

— Затея с бомбой не удалась, — едва слышно произнёс он, стремительно соображая, что же теперь делать.

— Не беда, кэп, — заявил Болтухин. — Придётся идти на abordаж. Захватим контейнер

и станем диктовать требования. Себе я потребую новые шузы и вертолёт до Майями.

Несмотря на абсурдность предложения, это был единственный способ остановить графиню.

— Так и сделаем, лейтенант, — согласился Антон. — Выдвигаемся к грузовому терминалу и ищем контейнер. Дальше по обстановке.

— Пацаны, я не при делах, — заявил таксист, чутко вслушиваясь в разговор. — Мне на сегодня и перестрелки достаточно. Бомбы, захваты, графиня эта ваша... Дальше давайте без меня.

— Не пыли, шеф, мы не по беспределу на эту козу наехали. Она мужика багром завалила и общак нашей родины обнесла на такую сумму, что нам троим до следующего ледникового периода не заработать, — разъяснил ситуацию Болтухин.

Шофёр сочувственно вздохнул, но категорически покачал головой.

— Ну, как знаешь, шеф.

Лейтенант и сунул в руку таксисту обещанную купюру и, подумав, прибавил ещё одну.

К грузовому терминалу Антон и лейтенант пробирались порознь на тот случай, если кто-то напорется на охрану. Однако на пути до карго-комплекса им не встретилось ни одного охранника. Видимо, их ждали на пассажирском контроле.

Грузовая площадка располагалась за внушительным зданием терминала и была уставлена множеством разноцветных контейнеров, между которыми проворно сновали электрокары.

— Наш контейнер синий, — напомнил Антон. — Вмятина на левой двери и большие буквы «А» по бортам.

— Круто, кэп, — восхитился лейтенант. — А я только цвет запомнил. Да и то не отчётливо.

Поиск оказался не очень долгим. Синий контейнер с вмятиной на левой двери уже стоял на колёсной платформе и был полностью готов для погрузки. Возле него не было ни души.

— Вперёд, лейтенант, — тихо скомандовал Антон и устремился к контейнеру.

Поворотные замки контейнера были опечатаны ярко жёлтыми пломбами. Ни секунды не думая, Антон взобрался на платформу и прихваченным из славкиного домика ножом срезал пломбы.

— Антон Васильевич, атас! — вскрикнул внезапно лейтенант, кидаясь куда-то вбок.

Послышались звуки короткой схватки — и лейтенанта вывели, заломив руки за спину, двое дюжих охранников. Из-за их спин вышел человек в штатском. Он был не молод, но подтянуто крепок и весьма уверен в себе.

— Ай-яй, яй, — почти дружелюбно произнёс он, покачав коротко стриженной головой. — Что же вы, капитан, безобразничаете? Какое-то, ей богу, ребячество. Слезайте вниз, потолкуем.

Антон спрыгнул с платформы. Человек в штатском смотрел на него строго, потечески.

— Пистолетик, будьте любезны, — человек в штатском протянул руку.

— Я арестован? — спросил Антон. — На каком основании и кто вы, собственно, такой?

— Кто я такой? — с вежливой улыбкой переспросил штатский. — Резонный вопрос. Я — Звонов Алексей Константинович, заместитель начальника службы безопасности аэропорта.

— Вот что, Алексей Константинович, табельное оружие вы от меня не получите, — твёрдо сказал Антон. — Я пока ещё офицер полиции при исполнении. И, кстати, мой коллега, тоже. Немедленно его отпустите.

— Волки позорные, — взвыл лейтенант, которому ещё сильнее заломили руку. — Я вас, бакланов, на кичу к блатным отправлю.

— Не шути, капитан, — строго сказал штатский и бросил руку под край пиджака, где угадывалась наплечная кобура. — Отдай ствол по-хорошему.

Антон напрягся, готовый броситься вперёд и перехватить руку с пистолетом, но тут произошло неожиданное.

— Всем стоять и не дёргаться, — раздался смутно знакомый голос. — Вы, двое, отпустите парня. Ну, живо!

Один из охранников метнулся в сторону — и тут же раздался сухой хлесткий выстрел. Охранник взвыл и рухнул, хватаясь за ягодицу. Антон обернулся. Возле соседнего контейнера, по-ковбойски расставив ноги и держа наизготовку дымящийся пистолет, стоял таксист в своей неизменной кепке, низко опущенной на глаза...

— Уважаемый, — выкрикнул шофёр, обращаясь к штатскому, — клешню из-под пиджака вынь и подними так, чтобы я видел. Отлично. Теперь вели своим бандерлогам не дёргаться.

На лице Звонова не мелькнуло и тени растерянности.

— Травмат? — спросил он не оборачиваясь. Судя по звуку, «Гроза», девять миллиметров. Отличный ствол.

— Он самый, — подтвердил шофёр, не опуская пистолета. — Если в ляжку пальну, две недели на костылях танцевать будешь.

— Зря вы так, молодые люди, — снова по-отечески пожурил Звонов. — Под суд ведь пойдёте за своеволие.

— Кто из нас под суд пойдёт, мы ещё поглядим, — сурово сказал Антон.

Он шагнул к Звонову и забрал его пистолет. Тем временем лейтенант коротко, без замаха, ударил всё ещё держащего его охранника свободной рукой в пах. Тот взвыл и ослабил хват. Лейтенант толкнул его от себя и с разворота съездил коленом в живот. Охранник сложился пополам и, охая, закружил на месте.

— Это тебе, паскуда, на будущее наука, — зло бросил лейтенант, потирая вывернутое плечо. — Будешь знать, как питерских ментов мацать.

— У нас мало времени, — напомнил Антон. — Парижский борт когда вылетает? — спросил он, обращаясь к Звонову.

— Посадку уже объявили, — коротко ответил тот. — Руки-то опустить можно?

Антон кивнул и указал стволом пистолета на контейнер.

— В присутствии свидетеля и представителя службы безопасности мы вскроем контейнер и произведём досмотр, — объявил Антон достаточно громко, чтобы слышали все, в том числе, и поверженные охранники. — Всё происходящее будет сниматься на камеру. Лейтенант, приступайте.

Болтухин легко вскочил на платформу, повернул вертикальные тяги запоров и распахнул дверь.

— Прощу, Алексей Константинович, — Антон приглашающе качнул пистолетом.

Звонов не заставил себя упрашивать и пружинисто впрыгнул на платформу.

— Начнём, — крикнул Антон и, достав из кармана телефон, стал снимать происходящее в проёме контейнера.

— Часики на месте, — тотчас доложил лейтенант. — Заставлены ящиками. Придётся попытеть.

Он принялся выволакивать тяжёлые громоздкие ящики из глубины контейнера, и вскоре на платформе образовалась целая баррикада. Наконец, очередь дошла и до каминных часов.

— Готово, кэп! — крикнул лейтенант. — Можно вскрывать игрушку.

Антон убрал пистолет и взобрался на платформу, не прекращая съёмки. В этот момент часы ожили и начали отбивать четверти часа. Фигурки пришли в движение, миниатюрные ворота распахнулись, выпуская всадника в латах.

— Кэп, гляньте, кто-то забыл в часах телефон, — воскликнул лейтенант и протянул

руку.

— Замри! — резко выкрикнул Звонов. — Всем назад! Часы заминированы!

Лейтенант отдернул руку от ворот, словно его обдало невидимым жаром. Он ошалело оглянулся на выкрик.

— Ты что, командир, кефира объелся? — выпалил он. — Мы ж про бомбу сочинили чисто от себя, для остроты сюжета.

— Вы, может, и сочинили, а кто-то и в самом деле часики заминировал. Ну-ка, парень, выйди наружу, не засти свет, — Звонов говорил твёрдо, без надрыва, но в его голосе звучало неподдельное беспокойство.

Болтухин пожал плечами и выбрался из контейнера.

— По-моему, он гонит, кэп, — произнёс лейтенант, когда поравнялся с Антоном. — Телефон как телефон. Разве что проводочки какие-то...

— Взрывное устройство с дистанционным управлением, — донёлся голос Звонова. — Самодельный пластит граммов сто пятьдесят. Всем отойти от контейнера. К вам это тоже относится, капитан.

Антон не сделал и шага, чтобы убраться с платформы и продолжал снимать.

— Не блажи, капитан, — бросил ему Звонов. — Если рванёт, то хоронить тебя по частям будут.

— А ты как же, Алексей Константинович? Может, лучше сапёров?

— Могут не успеть, — отозвался Звонов. — Когда вы вскрыли контейнер, наверняка сработал маячок, и теперь тот, кто оставил такую игрушку, знает об этом. Остаётся надеяться, что он, точнее, она, не сразу станет давить на кнопку. А обо мне, капитан, не беспокойся: я таких самоделок в Чечне повидал не один десяток.

Звонов замолчал, склонившись над старинными часами. Затем он снял пиджак, аккуратно пристроил его на дощатую крышку ящика и, опустившись на корточки, медленно запустил обе руки в ворота бутафорского замка. Время остановилось. Болтухин, спрятавшись за баррикаду ящиков, бормотал что-то бессвязное. Должно быть, сутру из кодекса Бусидо, соответствующую моменту. Антон снимал происходящее без остановки, стараясь унять дрожь в пальцах.

Наконец, Звонов неторопливо вынул злосчастный телефон из часов и поднялся.

— Вот и всё, — буднично сказал он, выходя из контейнера. В одной руке он сжимал телефон, в другой — нечто, напоминающее кусок хозяйственного мыла, из которого торчали два проводка. Оба предмета он аккуратно положил на ящик. Со лба и впалых щёк Звонова струйками стекал пот.

— А кто-то меня уверял, что контейнер осмотрен на наличие бомбы? — не без горькой иронии бросил ему Антон.

— Никто ничего и не осматривал, — устало ответил Звонов. — Из министерства культуры дали понять, что груз особый. Надо пропустить под зелёный свет.

— Узнаю почерк графини, — усмехнулся Антон. — Подмазала кого надо. А бомбу оставила на случай провала. Если б её прищучили, успела б нажать на кнопку. Докажи потом, после взрыва, что она пыталась клад во Францию вывезти.

— Кстати, капитан, бомба сделана весьма умело, с дополнительным контуром, — заявил Звонов. — Это, наверняка, не шпана подзаборная.

— Есть у нас на примете один ботаник, — подал голос Болтухин. — Наверняка, он, паскуда, и заморочился.

В этот момент ожила рация одного из поверженных бандерлогов.

— Звонов, что у тебя там? — осведомился скрипучий голос. — Взяли этого полоумного?

Звонов переглянулся с Антоном и жестом потребовал передать ему рацию. Охранник, злобно зыря на несостоявшихся арестантов и морщась от боли, проковылял к платформе.

— Полоумного взяли, господин Копейкин, — доложил Звонов в принесённую рацию. — И бомбу, про которую говорил вам этот полоумный, мы тоже нашли.

Звонов сделал театральную паузу и подмигнул Антону. Через несколько секунд рация снова ожила:

— Ты уверен? Может, просто муляж?

— Сто пятьдесят пластита, телефонный взрыватель. Всё честь по чести. Если бы рвануло в воздухе, фрагменты самолёта разнесло бы на километры. Надо брать музейную дамочку.

— Парижский борт на рулёмке, — проскрипела рация. — Да и с министерством скандал...

— Останавливайте борт, или это сделаю я, — твёрдо произнёс Звонов и рация отключилась.

— Копейкин, он и есть Копейкин, — вздохнул Звонов, возвращая рацию охраннику. — Тот ещё премудрый пескарь. Всё за кресло своё трясётся.

— У вас, стало быть, всё то же самое, — вздохнул Антон и протянул пистолет Звонову.

— Те же яйца, только в профиль, — усмехнулся Звонов, пряча оружие. — Ну что, пойдём смотреть ваши сокровища?

Первым прошмыгнул внутрь контейнера лейтенант. Антон протянул ему нож, и Болтухин принялся азартно откручивать им хорошо смазанные винты. Очень скоро лейтенант с победным видом открыл заднюю крышку часов, подавшаюся с протяжным петельным скрипом. Победное выражение на лице лейтенанта тотчас сменилось недоумением: место часовых шестерней, удалённых Костей Тагариным, занимала большая голая синеглазая кукла...

— И вот за этим голышом мы и охотились целый месяц? — спросил Болтухин разочарованно.

Антон и сам ожидал увидеть что-то иное.

— Может быть, кукла антикварная? Или имеет историческую ценность? — пробормотал он.

— Да какая там ценность? Видно же: «made in china».

— А ну, лейтенант, дай-ка мне эту куколку, — потребовал Антон. Он ощутил смутную догадку, и его сердце на миг замерло.

Болтухин протянул руку за куклой — и тотчас лицо его просияло.

— Есть, кэп! — закричал он. — В ней что-то лежит!

С видимым трудом лейтенант поднял куклу.

— Тяжеленная, килограммов десять, — весело сообщил он и передал куклу Антону.

Антон принял голыша, как долгожданный приз. Кукла и в самом деле была неожиданно тяжела. Уже веря в случившуюся удачу, Антон перевернул куклу и увидел распоротую спину голыша. Разрез был залеплен прозрачным скотчем. Нетерпеливо скользя ногтями по непослушной плёнке, Антон вскрыл порез и распахнул его. Внутри голыша обнаружился упакованный в плотную бумагу свёрток. Антон одним жестом рванул упаковку — и, солнечно блеснув, появился на свет огромный золотой самородок. Антон с волнением выхватил его из чрева куклы и победно поднял над головой.

— Не может быть, капитан! — зачарованно произнёс Звонов. — Это же не просто золото! Это уникальнейший самородок! Такое чудо на миллион баксов потянет!

Антон опустил самородок и внимательно его рассмотрел.

— Так вот почему они называли его девочкой... — прошептал он.

Самородок и в самом деле при должной фантазии напоминал формами юную деву.

К платформе, забыв о недавних травмах, подошли оба охранника и, жадно вытянув шеи, разглядывали находку. За их спинами маячил таксист. Он спрятал ненужный пистолет и теперь, сдвинув кепку на самый затылок, с весёлым интересом следил за происходящим в контейнере.

— Кэп, тут в кукле ещё кое-что, — сообщил Болтухин, обшаривая внутренности голыша.

Он поднял протянул Антону пожелтевший, сложенный вчетверо лист. Антон нехотя расстался с тяжестью самородка, передав его Звонову. Листок был старый, ветхий, потёртый на сгибах. Антон бережно развернул его и прочёл вслух, скользя глазами по крупным витиеватым буквам:

«Милая моя, Сашенька.

Дела министерские понуждают меня остаться в Петербурге на срок неопределённый. К Рождеству, однако, поспеть обещаюсь. Кланяйся от меня Алёшке и Софьюшке, а скорее их, близняшкам нашим Петруше и Павлику.

Шлю им ко дню ангела подарок особенный. С нарочным человеком прибудет самородок с Ленского прииска, где в прошлом году моим благословением обустроена была ветка железная.

Самородок редкостный, весом в полпуда с фунтом. При нынешней цене за золотник по шести рублей, почитай, целое состояние. За особливые формы нарёк я его „Золотой девою“.

Положи его, душа моя, в хорошее место. А как близняшки наши войдут в возраст разумный, пусть станет сей предмет их памяткой и капиталом.

На том прощаюсь и кланяюсь.

Вечно твой муж, Алексей».

— Это, должно быть, письмо Алексея Павловича Бобрищева к жене Александре, — произнёс Антон, сглотив невесть откуда образовавшийся в горле ком.

На него молча уставились пять пар глаз, и пришлось дать деловое пояснение.

— Друзья, — сказал Антон, обращаясь ко всем. — Мы только что обнаружили уникальный исторический самородок. Он является частью клада графов Бобрищевых. Остальное находится здесь же, в контейнере.

Снова ожила рация, не позволив Антону продолжить речь.

— Звонов, Алексей, где ты там? Отзовись немедленно! — раздался визгливый голос.

Звонов пружинисто спрыгнул с платформы и вырвал рацию у охранника.

— Взяли? — встревоженно спросил он.

— Взяли, как же! — истерично выкрикнул голос. — Скорее, она взяла нас за причинное место. У неё в руках заложник и она требует немедленный взлёт.

— Заложник? — бледнея на глазах, переспросил Звонов. — Это как могло быть? У нас на каждом борту человек со спецподготовкой. Он что, женщину не смог обезвредить?!

— Не успел он! — закричало из рации. — Она что-то почуяла, стерва. Схватила пацанёнка и заточкой к горлу.

— Заточкой?! Заточка-то у неё откуда?

— В заколке для волос прятала, сука! — отчаянно вскрикнула рация. — Что делать-то будем, Алексей? Твоя была идея эту стерву снять с рейса!

— Дай мне с ним поговорить, — крикнул вдруг Антон и спрыгнул с платформы.

Звонов невесело усмехнулся и протянул ему рацию.

— Господин Копейкин, — как можно спокойнее произнёс Антон. — С вами говорит капитан Кречетов. Да, да, тот самый, полоумный. Вы можете устроить связь с гражданкой Белозерцевой? Нет, с ней буду говорить вовсе не я. Да, я думаю, тот человек сможет быть убедительным...

...Двадцать первый век многое забрал у человека, но и многое ему отдал. Несомненным благом стала возможность мгновенно и невидимо связать одного собеседника с другим сквозь сотни километров пространства и границы дюжины государств...

— Мама! — раздалось в оцепеневшем салоне лайнера. — Мама, что ты творишь?! Не делай этого, иначе я прокляну тебя! Отпусти ребёнка! Не убивай свою душу и мою тоже! Мне не нужны эти проклятые сокровища, слышишь! Я не хочу быть наследницей наших титулов, если на них будет кровь! Я тебя умоляю, мама... Я тебя умоляю, мама...

В салоне снова воцарилось молчание. Десятки глаз в ужасе смотрели на фигуру стоящей в проходе женщины, чья рука крепко держала насмерть перепуганного мальчика. В горло его впился острый конец заколки. Рука женщины вздрогнула, и по шее мальчика скользнула капелька крови. Секунду поколебавшись, графиня оттолкнула мальчишку и коротким скупым ударом вонзила остриё туда, где билось её жестокое, честлюбивое, но всё ещё любящее сердце...

Вместо послесловия

— Ого! — воскликнул Антон, приподняв дорожную сумку лейтенанта. — Ты чего туда наложил? Кирпичей?

— Исключительно контрабанда, кэп, — с самодовольным видом пояснил Болтухин. — Пряники и местная водка. Приеду, пацанов угощу.

Последние часы хлопотливого дела были позади. Драгоценности, спрятанные в потайных нишах «дяди», найдены и переданы государству, преступники пойманы и преданы закону, однако, Антон ощущал внутри себя усталость и пустоту. Он позавидовал вдруг Болтухину, его беспечной радостной суете, его простодушной убеждённости в высшей правоте их общего дела и даже тому, что через каких-нибудь четыре часа лейтенанта встретят друзья, повезут праздновать в «Синатру» или «Алые паруса». Его, Антона, никто не встретит. А если кто его и ждёт, так это начальство, чтобы вставить хорошего фитиля под хвост за самовольные действия.

— Стесняюсь спросить, кэп, — прервал его невесёлые мысли лейтенант. — А откуда нарисовалась в эфире госпожа Свирская?

Антон посмотрел на Болтухина. По причине отъезда тот переоделся в гражданское: шлёпанцы на босую ногу, пёстрые гавайские шорты и новую футболку с окровавленной куклой «вуду» на весь живот. Кукла жутко улыбалась и из неё торчали чёрные спицы. Антон вздохнул, сочувствуя соседям лейтенанта по купе и ответил:

— Всё, мой друг, очень просто. Ещё, будучи в Питере, я связался с отделом Интерпола в Хельсинки, и было установлено, что Екатерина Свирская сначала остановилась в гостинице, а затем переехала на улицу Осмонкуе, 12. Это адрес Петра Канарского. Видимо, по доброте душевной, а может быть, и по иным причинам, он приютил девушку. С ним я и связался. Благо, на телефоне Кости Тагарина остались все его контакты. Это ведь Костя был постоянно на связи с Канарским и так удачно морочил нам с тобой голову. Надо отдать должное девушке: она не знала ни об убийстве, ни о кладе. Ей можно поставить в вину лишь контрабанду монет. Когда же мне удалось связаться с Канарским и убедить его дать трубку Екатерине, она сначала мне не поверила. Хорошо, что борт ещё не взлетел, и кто-то из пассажиров выложил захват заложника в интернет. В воздухе, на большой скорости самолёта, как ты знаешь, выйти в сеть было бы практически невозможно.

— Значит, она нашла этот ролик и узнала мать в образе террористки, — догадался Болтухин. — Представляю её реакцию.

— Примерно так, — кивнул Антон. — Екатерина перезвонила мне буквально минуты через три и сразу же вызвалась поговорить с графиней. О результате ты знаешь.

— Кстати, как там графиня? — спросил лейтенант. — Сделать харакири заколкой вроде бы никому пока не случилось.

— Заточка пропорала корсет и оцарапала рёбра. Она пыталась нанести себе ещё один удар, но подоспел агент и перехватил руку. Впрочем, не исключаю, что у неё просто каменное сердце.

Антон бросил взгляд на башенку Ленинградского вокзала. Часы показывали без четверти три.

— Пора, — сказал он, протягивая ладонь лейтенанту.

— Кэп... — только и смог сказать Болтухин, с чувством тряся протянутую руку, —

Антон Васильевич, может, мы ещё встретимся? Может...

Лейтенант не договорил. Он попытался улыбнуться и не смог. Подхватил сумку с контрабандой и побежал к поезду. Спустя пять минут белоснежный «Сапсан» с красной полоской на боку неслышно тронулся и помчал лейтенанта Болтухина в Северную Пальмиру.

— Встретимся, лейтенант, обязательно встретимся, — задумчиво проговорил Антон, глядя вслед составу, уносящемуся в дрожащее июльское море.

P.S.

(Сообщение, пришедшее по WhatsApp).

Капитан, мы с Катенькой весьма огорчены происшедшим. Говорю «мы» потому как не далее вчерашнего дня госпожа Свирская, к которой я проявил известное участие, оказала мне честь стать моею супругой. Венчаться решили здесь, в Хельсинки, хотя души наши и стремятся на Родину. За шалость с монетами не журите строго. Всякий зарабатывает на хлеб, как умеет. Скажу только, что империалы не достались иностранцам. Финны оказались крайне скупы и не трепетны к российской истории. Все монеты, кроме одной, я сбыл нашим с вами соотечественникам, чьих имён открывать не стану. Один империал оставил себе. Не взыщите, капитан, не смог одолеть соблазна.

В остальном остаюсь искренне к вам расположен.

Ваш Пётр Канарский, больше известный вам, как «Батон».

Капитан Кречетов отложил телефон, встал из-за стола и подошёл к окну. Из его кабинета открывался вид на проспект, заполненный нескончаемым морем движущегося транспорта.

Жизнь шла своим чередом.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Внучка.

Прекрасно. Послушай, Луиза, это дом твоих предков.

Я чуть не умер вчера. Водка и шампанское — это ужасно.

Надо запомнить.

Дорогой Луи, я так боюсь, что вы с Луизой мёрзнете в этой ужасной стране. Не смей с русскими пить водку и есть сырое мясо. Высылаю тебе то, что ты просил. Твоя Франсуаза.

Не встречал ли ты в России того странного господина?

Дедушка, ты, наверное, ошибся? Откуда здесь человек из Франции?